

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2023

Том 23

Выпуск 4

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

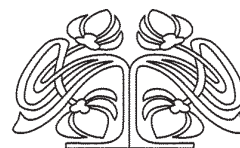
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

Богатов М. А., Косыхин В. Г., Малкина С. М., Невважай И. Д.
Онтологические основания техники в концепции Фридриха Дессауэра 368

Крайнов А. Л. Трансгуманизм и биоэтика об экологии человека:
границы дозволенного 374

Ланг П. П. Проблема свободы: значение теоретизации классической
либеральной философии в становлении концепции компатибилизма 379

Маслов В. М. Практическая составляющая ранней греческой философии 384

Нартова М. А. Феномен терапевтического заблуждения: биоэтический аспект 389

Новиков И. А. Социализм vs христианство: идеологические причины
противостояния 394

Пащенко О. В. Положение науки в обществе потребления 399

Устьянцев В. Б., Орлов М. О., Листвина Е. В., Рязанов А. В.
Проблема цифрового распознавания поведения личности в условиях
современных вызовов: социально-философский и теологический анализ 404

Цельковский А. А. Утопия, война, постапокалипсис: образ СССР
в зарубежных и российских видеоиграх 409

Шаткин М. А. Социально-философские аспекты развития
генеративного искусственного интеллекта 414

Психология

Аксеновская Л. Н. Ордерный тренинг как метод управления
сформированными субординатами организационной культуры
(программа «Касталия») 419

Зинченко Е. М. Айтрекинговое исследование восприятия
художественной народной росписи на примере гжели и хохломы 424

Лазарева Л. В., Сарма Б. Социально-психологическая адаптация
индийских студентов в российском вузе 431

Малюченко Г. Н. Проблемы и пути комплексной проработки последствий
боевого стресса и боевых травм 438

Фролова С. В. Эмоциональная экологичность личности:
феноменологический анализ и перспективы исследований 445

Южанинова А. Л. Развитие саратовской индустриально-организационной
психологии в 1920–1930-е гг. 452

Педагогика

Балакирева Е. И., Большакова А. С. Формирование готовности
аспирантов к педагогической деятельности в классическом университете
в рамках изучения курса «Педагогика высшей школы» 458

Вылкова Е. С. Педагогические кейсы в системе высшего образования 464

Золотова А. Д. Социально-педагогическая профилактика
аддиктивного поведения в студенческой среде 469

Паршина М. М. Современные аспекты обучения школьников
и студентов среднего профессионального образования
в Финляндии иностранному языку 475

Приложение

Представляем книгу

Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Зомбоящик съест ваши мозги на завтрак? 480

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.3.1; 5.3.4; 5.3.5; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7)

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (php.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 18.12.2023

Подписано в свет 25.12.2023

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 100 экз. Заказ 132-Т.

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

– на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегию серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

– аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

– в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: aroria@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

- Bogatov M. A., Kosykhin V. G., Malkina S. M., Nevvazhay I. D.** Ontological foundations of technology in the concept of Friedrich Dessauer 368
- Kraynov A. L.** Transhumanism and bioethics about human ecology: The limits of what is permitted 374
- Lang P. P.** The problem of liberty: The importance of theorizing about classical liberal philosophy in the compatibilism concept formation 379
- Maslov V. M.** The practical component of early Greek philosophy 384
- Nartova M. A.** Phenomenon of a therapeutic misconception: Bioethical aspect 389
- Novikov I. A.** Socialism vs Christianity: Ideological reasons for the confrontation 394
- Pashchenko O. V.** The position of science in the consumer society 399
- Ustyantsev V. B., Orlov M. O., Listvina E. V., Ryazanov A. V.** The problem of digital recognition of personal behavior in the context of modern challenges: Socio-philosophical and theological analysis 404
- Tselykovsky A. A.** Utopia, war, post-apocalypse: The image of the USSR in foreign and Russian video games 409
- Shatkin M. A.** Socio-philosophical aspects of the development of generative artificial intelligence 414

Psychology

- Aksenovskaya L. N.** Order training as a method of managing the formed suborders of organizational culture (Castalia program) 419
- Zinchenko E. M.** Eye-tracking study of the perception of folk art on the example of Gzhel and Khokhloma 424
- Lazareva L. V., Sarmah B.** The socio-psychological adaptation of Indian students in Russian University 431
- Malyuchenko G. N.** Problems and ways of comprehensive study of the consequences of combat stress and combat injuries 438
- Frolova S. V.** Personality's emotional ecological safety: Phenomenological analysis and research prospects 445
- Yuzhaninova A. L.** Saratov industrial and organizational psychology in the 1920–1930 452

Pedagogy

- Balakireva E. I., Bolshakova A. S.** Forming graduate students' vision regarding pedagogical activity of a classical university professor 458
- Vylkova E. S.** Pedagogical cases in the higher education system 464
- Zolotova A. D.** Socio-pedagogical prevention of addictive behavior among students 469
- Parshina M. M.** Modern aspects of teaching a foreign language to schoolchildren and students of secondary vocational education in Finland 475

Appendix

Presentation of the Book

- Tikhonova S. V., Artamonov D. S.** Will the zombie box eat your brains for breakfast? 480

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Антипова Екатерина Алексеевна, кандидат филос. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Иоффе Андрей Наумович, доктор пед. наук, кандидат ист. наук, доцент (Москва, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризов Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Михайловна, доктор филос. наук, доцент (Москва, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY"**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

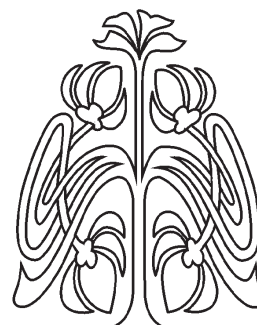
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Ekaterina A. Antipova (Saratov, Russia)

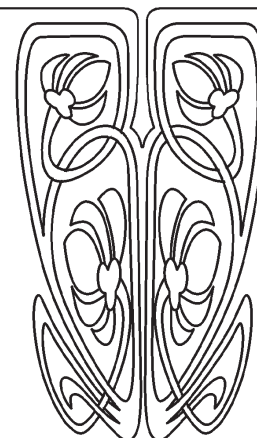
Members of the Editorial Board:

Ljudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Andrey N. Ioffe (Moscow, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)

Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Svetlana M. Frolova (Moscow, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 368–373

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 368–373
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-368-373>

EDN: XNJTDD

Научная статья
УДК [62:1]+1(430)+929Дессауэр

Онтологические основания техники в концепции Фридриха Дессауэра

М. А. Богатов¹✉, В. Г. Косыхин¹, С. М. Малкина¹, И. Д. Невважай²

¹Саратовский национальный исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83

²Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1.

Богатов Михаил Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, m_bogatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2831-918X>

Косыхин Виталий Георгиевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки, kosyhingv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4964-3501>

Малкина Светлана Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, malkinasm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7121-5832>

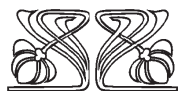
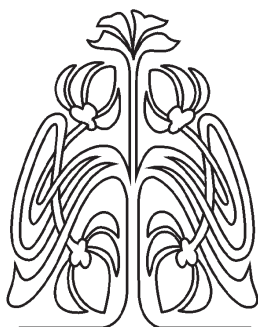
Невважай Игорь Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, igornev@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-4543-510X>

Аннотация. Введение. В связи с возрастающим развитием техники в XX–XXI вв. повышается роль и значение теоретической рефлексии о том, как человеческая зависимость от техники трансформирует нашу повседневность. При этом можно выделить две основные стратегии отношения к усиливающемуся влиянию техники: критическое (пессимистическое) и прогрессивное (оптимистическое). Если критический подход постоянно находится в поле зрения гуманитарных наук (начиная с Эрнста Юнгера, Освальда Шпенглера, Мартина Хайдеггера), то прогрессивный фактически выпадает из поля зрения современных исследователей. Статья призвана обратиться к аргументации одного из оптимистов, к концепции Фридриха Дессауэра. **Теоретический анализ.** Фридрих Дессауэр исходит из онтологической модели понимания техники как постоянного раскрытия заложенного в саму природу потенциала. Техника не противостоит природе, но всячески ее продолжает и улучшает. Придерживаясь религиозных взглядов, Дессауэр говорит о том, что техника продолжает творение Бога, а изобретатели и инженеры выступают сотворцами божественного замысла. Автор излагает достаточно абстрактное и ориентированное преимущественно на Канта представление об устройстве бытия и месте человека в этом бытии. **Заключение.** Несмотря на то, что за последние 70 лет после выхода работы Дессауэра облик планеты вследствие технических изобретений значительно преобразился, аргументация мыслителей, выступающих как за, так и против распространения техники, фактически не изменилась: уже в XXI в. мы вновь и вновь встречаемся с аргументами, предложенными Дессауэром в 1958 г.

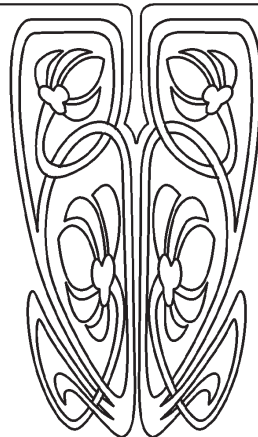
Ключевые слова: онтология техники, критика техники, Фридрих Дессауэр, возможность и действительность, цели и задачи, религиозная картина мира

Для цитирования: Богатов М. А., Косыхин В. Г., Малкина С. М., Невважай И. Д. Онтологические основания техники в концепции Фридриха Дессауэра // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 368–373. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-368-373>, EDN: XNJTDD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Ontological foundations of technology in the concept of Friedrich Dessauer

M. A. Bogatov¹✉, V. G. Kosykhin¹, S. M. Malkina¹, I. D. Nevvazhay²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Saratov State Law Academy, 1 Vol'skaya St., Saratov 410056, Russia

Mikhail A. Bogatov, m_bogatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2831-918X>

Vitaly G. Kosykhin, kosyhinvg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4964-3501>

Svetlana M. Malkina, malkinasm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7121-5832>

Igor D. Nevvazhay, igornev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4543-510X>

Abstract. Introduction. In connection with the growing development of technology in the XX–XXI centuries the role and significance of theoretical reflection on how human dependence on technology transforms our everyday life are increasing. At the same time, two main strategies can be distinguished in relation to the rising influence of technology: critical (pessimistic) and “progressive” (optimistic). If the critical approach is constantly in the field of view of the humanities (starting with Ernst Jünger, Oswald Spengler, Martin Heidegger), then the “progressive” one actually falls out of sight of modern researchers. The article is intended to appeal to the argument of one of the optimists, the concept of Friedrich Dessauer. **Theoretical analysis.** Friedrich Dessauer proceeds from an ontological model of understanding technology as the constant disclosure of the potential inherent in nature itself. Technology does not oppose nature, but continues and improves it in every possible way. Adhering to religious views, Dessauer says that technology continues the creation by God, and inventors and engineers act as co-creators of the divine plan. At the same time, the author sets out a rather abstract and mainly Kant-oriented idea of the structure of being and the place of a man in this being. **Conclusion.** Despite the fact that over the past 70 years, since the publication of Dessauer’s work, the face of the planet has changed significantly due to technical inventions, the argumentation of thinkers advocating both for and against the spread of technology has not actually changed: already in the 21st century we again and again encounter arguments proposed by Dessauer in 1958.

Keywords: ontology of technology, criticism of technology, Friedrich Dessauer, possibility and reality, goals and objectives, religious picture of the world

For citation: Bogatov M. A., Kosykhin V. G., Malkina S. M., Nevvazhay I. D. Ontological foundations of technology in the concept of Friedrich Dessauer. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 368–373 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-368-373>, EDN: XNJTDD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В первой половине XX в., после Первой мировой войны, качественно изменившей представление о современности (в ход впервые были пущены орудия массового уничтожения, а роль технического персонала в ходе боевых действий стала конкурировать с ролью военных, солдат и офицеров), в гуманитарных науках прочно утвердился вопрос о технике. Одними из первых, кто не просто обратили на него внимание, но и поставили всю современную эпоху в зависимость от развития и распространения техники, были Ханс Фрайер (1929) [1, с. 7–16], Освальд Шпенглер (1931) [2, с. 454–492] и Эрнст Юнгер (1932) [3, с. 55–429].

Не вдаваясь в подробности относительно особенностей позиции каждого из этих мыслителей, отметим основное, сближающее их настроение: техника отныне не является чем-то вроде нейтрального помощника, который всегда готов прийти на помощь человеку, но он отныне определяет сам способ существования человеческого существа. На этом этапе еще трудно дать оценочную характеристику подобному положению: приветствуют ли авторы такое положение дел?

Об их оптимизме или пессимизме в отношении неизбежного технического преобразования мира можно спорить, но важно выделить признание фактичности данного преобразования, его неотвратимость и категоричность.

Отныне рассуждать о современности, о ходе истории и будущем человечества, не учитывая решающее значение техники, невозможно. Сама эта неотвратимость и категоричность, не оставляющая человечеству выбора в будущем, носящая характер обреченности, может быть (и была) прочитана как своеобразный пессимизм. Чуть позже склонность к мрачному прогнозу будущего в связи с распространением техники и усугублением нашей зависимости от нее подтвердит родной брат Эрнста Юнгера Фридрих Георг Юнгер, который в 1939 г. завершит свой значительный труд «Совершенство техники» [4], где под «совершенством» (perfektion) будут обыгрываться сразу два значения: как «законченность», после которой уже ничего продолжаться не может, так и «совершенство», превосходящее собою все, бывшее прежде. Так, в образе «совершенной (завершенной) техники» Ф. Г. Юнгер развернет свое представление будущего человечества, вынужденного стать лишь реактивным придатком в

роли обслуживающего технического персонала, отказывающегося в своей культурной жизни от всего, что не может быть выражено в языке достижения технических целей и средств. Но самым знаменитым среди так настроенных мыслителей является, пожалуй, Мартин Хайдеггер, избравший для своего доклада в бременском клубе в декабре 1949 г. (затем – в расширенном виде – в Мюнхенском высшем техническом училище 11 ноября 1953 г. и именно последняя версия 1953 г. тиражировалась в печатном виде впоследствии) в качестве заголовка «Вопрос о технике» [5, с. 221–238], буквально «Вопрос вслед технике» – «Die Frage nach der Technik». В этом докладе Хайдеггер формулирует предельную позицию, согласно которой техника отныне определяет сам способ выведения истины из непотаенности. При этом сущностью техники не является «техническое». Иначе говоря, отныне человек, не способный не ориентироваться на истину в своей повседневной жизни, обречен на то, чтобы принимать за действительность, подлинность и истину лишь продукты технического производства, которое Хайдеггер именует «поставом» (Gestell). Безусловно, Хайдеггер данное положение дел не приветствует, поскольку оно усугубляет «забвение бытия».

Параллельно с этими, критически настроенными мыслителями, которые, так или иначе принадлежали к правому, консервативному настроению мысли, на противоположном, преимущественно левом, а затем либеральном фронте постепенно начинают раздаваться голоса тех, кто всячески поддерживает развитие техники. Мыслители этого «оптимистического» крыла видят в технике эмансипационный, освободительный потенциал. Ярким представителем подобных взглядов выступает Вальтер Беньямин, провозгласивший в своем эссе 1936 г. «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» [6, с.190–234] не только «демократический» потенциал технически оформленного и произведенного искусства для широких масс, но и принципиально антитоталитарный характер кинематографа: камера улавливает в объектив не только то, что желает показать художник, но и то, чего он показывать не собирался.

Таким образом, техника в силу своей доступности и нейтральности лишена специфических для буржуазного искусства избирательности и цензуры. В целом направление мысли оптимистически настроенных в отношении техники мыслителей таково: в ходе истории человечество избавляется от примитивных предрассудков прошлого, уверенно улучшает свои социальные

и экзистенциальные условия существования, и, соответственно, современная техника, выступающая на сцену истории лишь теперь, не может не соответствовать общеисторическому улучшению человеческого положения. В данной статье хотелось бы обратиться к творчеству Фридриха Дессауэра, который, несомненно, принадлежит к лагерю апологетов техники, но при этом позиционирует себя еще и в качестве религиозного мыслителя.

Теоретический анализ

Фридрих Дессауэр, родившийся в 1881 г., фактически принадлежит тому же поколению, что и Хайдеггер. Как и Хайдеггер, он является живым свидетелем кардинальных технических преобразований эпохи, а также двух мировых войн. Однако, будучи сторонником левого католического движения, в 1933 г. Дессауэр был арестован на 4 месяца в Германии, затем в 1934 г. эмигрировал в Турцию, а в 1937 г. по состоянию здоровья переехал во Фрибург (Швейцария). Лишь с 1948 г. он возвращается на родину профессором биофизики и философии в университет Франкфурта-на-Майне, где и закончит свои дни в 1963 г. Мы специально обращаем внимание на даты его жизни, поскольку Дессауэр успел наблюдать не только обе мировые войны, но и последствия применения атомного оружия в Хиросиме и Нагасаки в 1945 г. Однако в отличие от упомянутых выше критиков техники это не отвратило его от апологии техники. Свою позицию в отношении разрушительного потенциала технического изобретений человека Дессауэр формулирует следующим образом: «Разумеется, не обходится без опасностей, односторонности, перегибов. Еще ничто великое не приходило к человеку без этих темных спутников. И всегда, как и сейчас в споре о технике, находятся люди, которые из-за этих слишком человеческих слабостей не способны увидеть более сам предмет» [7, с. 142–143]. Этот же аргумент он повторяет другими словами: «Имеет место, конечно, и негативное, как и в любой человеческой деятельности: вредоносная, злоупотребляющая, разрушающая техника – это аналог правонарушения, преступления против права. Однако негативное не снимает смысл целого, но подтверждает его» [7, с. 123]. Насколько приведенный аргумент является успокаивающим, учитывая увеличивающееся число техногенных катастроф, включая взрывы на атомных станциях, мы судить не беремся, однако полагаем, что с ним вряд ли согласятся жители Чернобыля и Фукусимы.

Здесь следует обратить внимание на еще одну биографическую деталь: в возрасте 19 лет в 1901 г. Дессауэр основывает компанию «Elektrotechnisches Laboratorium Aschaffenburg», проводящую радиологические исследования (в области рентгенографии). Именно тогда он сам подвергся значительному радиоактивному излучению, от которого страдал в течение всей последующей жизни – перенес несколько пластических операций, равно как и был освобожден от военной службы вследствие полученных увечий. Этот личный травмирующий опыт также не помешал Дессауэру выступать апологетом технических преобразований. Более того, он утверждал, что критика техники питается непрофессионализмом ученых-гуманитариев, которые в ней не разбираются: «Со стороны нетехников в дискуссии принимали участие социологи, историки культуры, экономисты, литераторы, теологи и философы. Стоит отметить, что практически ни один из них не удосужился ознакомиться с той значительной по объему литературой, где техники сами писали о своей профессии и своей миссии» [7, с. 28]. Он глубоко убежден в том, что человек, разбирающийся в технике, в лучшем случае сам являющийся техником, никогда не будет технику критиковать. В отношении подобной убежденности Дессауэра следует привести слова современного философа Жан-Пьера Дюпюи, который, отвечая уже в 2008 г. на критику в свой адрес со стороны сторонника трансгуманизма Доминика Лекура, говорит: «Но ему совсем не приходит в голову, что если еще со времен Хиросимы столько выдающихся ученых трубят тревогу, то у них есть на это веские основания. Он не способен даже представить, что некоторые (как я) могут ставить любовь к науке и стремление к знаниям превыше других фундаментальных ценностей человечества, страстно увлекаться техникой, с головой погружаясь в научную практику и преподавание, стараясь мобилизовать все возможности разума для осмысления технологий – и одновременно утверждать, что наука и техника составляют сегодня одну из главных угроз, нависших над будущим человечества» [8, с. 80].

Теперь обратимся непосредственно к онтологической картине мира, которую предлагает Дессауэр, и, соглашаясь с которой, по мнению автора, каждый встанет на сторону технического прогресса. Следуя за Кантом, разделяющим мир на царство природы и царство свободы, Дессауэр выделяет в мире два «царства»: «Есть безграничное царство человеческих потребностей, бед, желаний. Оно постоянно растет, потому что

всякое исполнение порождает новое желание. Есть царство природных данностей, материалов, энергий, законов. И оно безгранично» [7, с. 99]. Таким образом, Дессауэр вполне в духе классической метафизики выделяет человеческое существо из ряда иных существ и природных явлений, наделяя его бытийный статус беспрецедентной уникальностью.

Здесь он четко разводит два понятия – цель (Ziel) и задачу (Zweck), говоря о том, что природа всегда «решает задачи», но не «ставит целей» (Дессауэр снова следует за Кантом, но для русскоязычного читателя следует пояснить, что отечественная традиция переводит у Канта Zweck как «цели»: например, в известном выражении «целесообразность без цели» речь на деле идет о «озадаченности без задачи»). Именно поэтому, в частности, невозможно создание «искусственного интеллекта»: «Возможность есть не для каждого человеческого желания. Например, такого технического предмета, который бы мыслит осознанно в подлинном смысле слова, выбирал, принимал решения, осуществлял целеполагание, не существует; такого предмета нельзя ожидать и от самой совершенной кибернетики. Царство возможного в природе тем не менее намного больше, нежели царство наличных, существующих форм природы» [7, с. 105]. На этот счет у Дессауэра имеется четкое обоснование: «Автоматы, даже наиболее рафинированные, – всегда «исполнители» того, что в них «вложено» заданием, программой, перфокартой. Они не обладают собственной силой представления, фантазией, волей, свободным выбором, способностью принимать решения, а исполняют эту схему сообразно законам природы с существенно меньшей вариативностью, нежели биологические системы, хотя, внутри схемы, – и несравнимо быстрее» [7, с. 257–258].

Техника, таким образом, призвана решать сугубо технические «задачи», преследующие сугубо человеческие «цели». При этом Дессауэр, как кажется, догадывается о том, что наступит некий критический переломный момент, когда человек, поглощенный обслуживанием техники, решающей «задачи», окажется (по разным причинам) не способным к постановке собственных, человеческих «целей». Однако стратегия мысли Дессауэра на этот счет достаточно любопытна и оригинальна: он, будто стремясь смягчить последствия подобного переломного момента, предлагает человеку предупредить его, добровольно подстраиваясь под технический порядок: «Подобно тому, как я должен использовать всякое сырье, всякий прибор, всякий инструмент согласно его своеобразию, задумываясь о том, как

его употреблять, щадить, сохранять, ухаживать за ним, подобно тому, как я забочусь о каждом станке, я и человека должен использовать согласно его своеобразию» [7, с. 194]. Здесь можно зафиксировать своего рода непоследовательность в онтологической картине мира: «своеобразие» человека заключается, с одной стороны, в том, что он ставит «цели», а техника лишь решает «задачи» по их достижению. Однако благостной картины сосуществования технически не задействованного человека, который ставит себе, как и в прежние эпохи, человеческие «цели», не получается, поскольку, с другой стороны, техника настолько распространилась, что человек должен не просто считаться с ее якобы «нейтральным», чисто служебным присутствием в мире (как человек считается с кухонной утварью у себя в доме), но в итоге вынужден подстраиваться под нее. Техника, таким образом, теряет свой статус чисто служебной нейтральности, но человек, привыкший к ее тотальному присутствию, сам в конечном счете вынужден трансформироваться. Трансформация, как можно предположить, будет следовать лишь в одну возможную сторону: вместо постановки своих человеческих «целей» человек сосредоточится на решении технических «задач» и в итоге любую человеческую «цель» будет рассматривать исключительно по критериям технической «задачи». Как видим, Дессауэр подобную трансформацию приветствует.

Заключение

Несмотря на то, что в мире появляется все больше и больше технических объектов и значительно возрастает их роль в жизни каждого человека и общества в целом, сами способы онтологического понимания феномена техники могут быть подразделены всего на две группы. В первом случае исследователи стремятся вписать технику, в том числе и современную, в исконную историю человечества, представив ее подавляющее присутствие в современности как итог длительного исторического развития общества, науки и прогресса. В таком случае они опираются на вполне классические метафизические схемы, как это делает Дессауэр. В другом случае исследователи фиксируют принципиальное различие между тем, что можно было бы назвать техникой, сопутствующей развитию человека с первобытных времен, начиная с элементарных инструментов и орудий труда и охоты, и тем, что именуется техникой сегодня: от послушного и податливого инструмента, «помощника» человека трудно найти плавный переход к то-

тальному господству техники, которое заявило о себе в первой половине XX в., преимущественно в ходе Первой мировой войны. К этой группе можно отнести уже упомянутых выше братьев Юнгеров, Шпенглера, Хайдеггера. На этом фоне представляют интерес попытки создания своего рода промежуточных онтологий, которые, с одной стороны, признавая особый онтологический статус современной техники и ее исторически беспрецедентное влияние на человека, с другой стороны, позволили бы сохранить человеку достоинство традиционного образа жизни. На создание проекта подобной онтологии претендует современный мыслитель Юк Хуэй [9, 10], предлагающий, посредством введения понятия «космотехника», новое гармоничное и экологически сбалансированное сосуществование человека и техники, однако, к сожалению, пока за пределы детальной манифестации данная концепция не выходит.

Список литературы

1. Freyer H. *Herrschaft, Planung und Technik. Aufsätze zur politischen Soziologie*. Hrsg. und komm. von E. Uner. Weinheim : Acta humaniora, VCH Verlagsgesellschaft, 1987. 214 S.
2. *Культурология XX век: Антология* / гл. ред. и сост. С. А. Левит. М. : Юрист, 1995. 703 с.
3. Юнгер Э. *Рабочий. Господство и гештальт*. СПб. : Наука, 2000. 539 с.
4. Юнгер Ф. Г. *Совершенство техники. Машина и ответственность*. СПб. : Владимир Даль, 2002. 564 с.
5. Хайдеггер М. *Время и бытие. Статьи и выступления*. М. : Республика, 1993. 447 с.
6. Беньямин В. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения* : сборник статей. М. : РГГУ, 2012. 288 с.
7. Дессауэр Фр. *Спор о технике*. Самара : Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
8. Дююи Ж.-П. *Знак священного*. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 272 с.
9. Хуэй Ю. *Искусство и космотехника*. М. : Лед, 2023. 384 с.
10. Хуэй Ю. *Вопрос о технике в Китае*. М. : Ад Маргинем, 2023. 320 с.

References

1. Freyer H. *Herrschaft, Planung und Technik. Aufsätze zur politischen Soziologie*. Hrsg. und komm. von E. Uner. Weinheim, Acta humaniora, VCH Verlagsgesellschaft, 1987. 214 S.
2. Levit S. Ya., compl. and ans. ed. *Kul'turologiya XX vek: Antologiya* [Cultural Studies of the 20th Century: An Anthology]. Moscow, Yurist, 1995. 703 p. (in Russian).

3. Junger E. *Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt*. Stuttgart, Klett-Cotta, 2007. 300 S. (Russ. ed.: Junger E. *Rabochij. Gospodstvo i geshtal't*. St. Petersburg, Nauka, 2000. 539 p.)
4. Junger F. G. *Die Perfektion der Technik*. Frankfurt am Main 8, Auflage. Vittorio Klostermann GmbH, 2010. 372 S. (Russ. ed.: Junger F. G. *Sovershenstvo tekhniki. Mashina i sobstvennost'*. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2002. 564 p.)
5. Heidegger M. *Vorträge und Aufsätze*. Frankfurt am Main 8, Auflage. Vittorio Klostermann GmbH, 2000. 300 S. (Russ. ed.: Heidegger M. *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya*. Moscow, Respublika, 1993. 447 p.)
6. Benjamin W. *Gesammelte Schriften I (2)*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1972. 1275 S. (Russ. ed.: Benjamin W. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya*. Moscow, RGGU Publ., 2012. 288 p.)
7. Dessauer Fr. *Streit um die Technik*. Frankfurt am Main, Knecht, 1956. 471 S. (Russ. ed.: Dessauer Fr. *Spor o tekhnike*. Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya Publ., 2017. 266 p.)
8. Dupuy J.-P. *La Marque du sacré : essai sur une denegation*. Paris, Carnets Nord, 2009. 279 p. (Russ. ed.: Dupuy J.-P. *Znak svyashchennogo*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 272 p.)
9. Hui Y. *Art and Cosmotekhnics*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2021. 318 p. (Russ. ed.: Hui Y. *Iskusstvo i kosmotekhnika*. Moscow, Led, 2023. 384 p.)
10. Hui Y. *The Question Concerning Technology in China: An Essay in Cosmotekhnics*. Falmouth, Urbanomic, 2017. 340 p. (Russ. ed.: Hui Y. *Vopros o tekhnike v Kitae*. Moscow, Ad Marginem, 2023. 320 p.)

Поступила в редакцию 19.10.2023; одобрена после рецензирования 21.10.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 19.10.2023; approved after reviewing 21.10.2023; accepted for publication 13.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 374–378
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 374–378
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-374-378>, EDN: XQM QWM

Научная статья
УДК 130.2+111.32

Трансгуманизм и биоэтика об экологии человека: границы дозволенного

А. Л. Крайнов

Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, Россия, 410012, проспект им. Петра Столыпина, зд. 4, стр. 3

Крайнов Андрей Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, krainoval@sgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

Аннотация. Введение. Статья посвящена вопросам экологии человека, выбору оптимального пути взаимодействия науки с человеческим телом и сознанием. Трансгуманизм и биоэтика по-разному смотрят на решение данной проблемы. **Теоретический анализ.** Развивающиеся NBIC-технологии ставят своей задачей глобальное преобразование человека. Рассматривается идея создания людей-киборгов и цифровых копий сознания человека. Также современные концепции развития науки предусматривают чипизацию человека в рамках проекта «Нейронет-2035. Важна этическая сторона вопроса. Основные принципы биоэтики частично допускают технологическое вмешательство в человеческое тело, но его степень нигде и никак не прописана. В связи с этим допустима субъективная трактовка принципов «не навреди», «делай благо», «справедливости» и «уважения автономии пациента». **Заключение.** Экология человека предполагает поиск и разработку эффективных методов совершенствования существования человека в системе «общество–природа». При этом должно улучшаться качество как самого человека, так и окружающей его среды. Современный антропоцентрический подход к решению данной проблемы никаких положительных результатов не дал. Возможно, что киборгизация частично ее решит, но в результате этого исчезнет сам человек.

Ключевые слова: трансгуманизм, постгуманизм, биоэтика, экология человека, социальная экология

Для цитирования: Крайнов А. Л. Трансгуманизм и биоэтика об экологии человека: границы дозволенного // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 374–378. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-374-378>, EDN: XQM QWM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Transhumanism and bioethics about human ecology: The limits of what is permitted

A. L. Kraynov

Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov, building 4, block 3 Peter Stolypin Avenue, Saratov 410012, Russia

Andrey L. Kraynov, krainoval@sgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the issues of human ecology, the choice of the optimal way for the interaction between science and the human body and consciousness. Transhumanism and bioethics have different views on solving this problem. **Theoretical analysis.** Developing NBIC-technologies set as their task the global transformation of a person. The idea of creating people-cyborgs and digital copies of human consciousness is considered. Also, modern concepts of the development of science provide for the chipization of a person within the framework of the Neuronet-2035 project. The ethical side of the issue is important. The basic principles of bioethics partially allow technological intervention in the human body, but its degree is not spelled out anywhere. In this regard, a subjective interpretation of the principles of “do no harm”, “do good”, “fairness” and “respect for the autonomy of the patient” is acceptable. **Conclusion.** Human ecology involves the search and development of effective methods for improving human existence in the “society-nature” system. At the same time, the quality of both the person himself and his environment should be improved. The modern anthropocentric approach to solving this problem has not given any positive results. It is possible that cyborgization will partially solve it, but as a result of this, the person himself will disappear.

Keywords: transhumanism, posthumanism, bioethics, human ecology, social ecology

For citation: Kraynov A. L. Transhumanism and bioethics about human ecology: The limits of what is permitted. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 374–378 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-374-378>, EDN: XQM QWM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблемы экологии человека с каждым годом настойчиво заявляют о себе все, что обусловлено интенсивным воздействием человека на окружающую среду и самого себя посредством новых технологий. Вторая природа настолько укоренилась в социальном бытии, что превратилась в мощный барьер между человеком и его естественной средой обитания, что привнесло существенные изменения не только в повседневную жизнедеятельность (существование) человека, но и в его сущностные характеристики. В рамках мировоззрения трансгуманизма готовится постепенное превращение человека в постчеловека, в связи с чем возникает вопрос о его целесообразности.

Цель исследования – проанализировать подходы к экологии человека со стороны философии трансгуманизма и биоэтики, определить границы дозволенного в применении современных технологий при решении данного вопроса.

Новизна исследования обусловлена четко прослеживающимися тенденциями в современной науке, закладывающими идеологический и технологический базисы для трансформации сущности человека.

Материалы исследования могут быть использованы при подготовке курсов по социальной философии.

Теоретический анализ

Экология человека ставит своей задачей гармонизировать взаимодействие человека и общества с окружающей средой посредством формирования экологического сознания и, как следствие, экологической деятельности. Согласно Т. Н. Шеховцевой развитие экологии человека шло по социальной и биологической линиям. Социальная линия, представленная главным образом Чикагской школой социологии, анализирует общественную сущность человека. Биологическая линия рассматривает экологию человека в качестве специальной экологии, уделяя внимание технической деятельности человеческого вида и ее последствиям [1, с. 35]. В рамках данного исследования предпочтение отдается анализу биологической линии в контексте влияния философии трансгуманизма и биоэтики на эссенциальные и экзистенциальные характеристики человека.

Современная эпоха ознаменована началом четвертой промышленной революции, суть которой заключается в массовом внедрении ки-

берфизических систем в производство и обслуживание повседневных потребностей человека. Данный феномен также называют «индустрия 4.0». Ему сопутствуют такие процессы, как «web 4.0», «университет 4.0», нейронет, интернет вещей, виртуальная и дополненная реальности, Big Data, искусственный интеллект, глобальная роботизация [2]. Указанные процессы принципиальным образом изменяют не только жизненное пространство человека, но и самого человека, постепенно приближая его к постбытию, в котором произойдет синтез человека с новыми технологиями.

Если на заре человеческой истории вопросы экологии человека решались посредством эстетизации первой природы – естественной среды обитания человека, то сегодня технооптимисты и трансгуманисты предлагают решать их через изменение самого человека. С одной стороны, это обусловлено тем, что глобальный экологический кризис преодолеть так и не удалось, с другой стороны, высоким уровнем развития НБИК-технологий, которые могут адаптировать человека к естественным условиям его среды обитания, вне зависимости от ее качества. В философии трансгуманизма, главная цель которой заключается в том, чтобы человеческую жизнь продлить максимально долго, рассматривается множество вариантов «модернизации» физической природы человека, каждый из которых значительно изменит человеческую сущность и существование. К наиболее распространенным из них относятся: клонирование, крионика, оцифровка человеческого сознания, чипирование головного мозга, радикальная модификация мозга психоактивными препаратами (аболиционизм), добровольное устранение гендера (постгендеризм), изменение тела человека до неузнаваемости (трансгрессивный трансгуманизм).

Одна из основоположников трансгуманизма, автор Манифеста Трансгуманиста (1983), советник Института Сингулярности и приглашенный исследователь в компании Twenty-First Century Medicine Наташа Вита-Мор является сторонником морфологической свободы человека (BioArt), что подразумевает естественное право человека на изменение своего тела таким образом, как он сочтет нужным [3]. Морфологическая свобода достигается с помощью биоискусства (биоарта), центральными проблемами которого являются продление жизни и создание ее новых форм. Биоарт включает в себя такие биосреды (biomedia), как генная инженерия, клонирование, гибридизация, селекция, трансгенез, культура клеток и тканей, биоробототех-

ника, биоинформатика, ксенотрансплантация, нейрофизиология, гомография и самостоятельное экспериментирование [3, р. 177].

В Манифесте Трансгуманиста Н. Вита-Мор пишет о существенных различиях между киборгом и трансчеловеком: «Киборг позиционируется как конечная точка интеграции человека, машины и компьютера; однако трансчеловек – это непрерывная человеческая эволюция. Эта эволюция включает в себя слияние органического человека, технологических достижений в области искусственного интеллекта, наномедицины и генной терапии, которые смягчают протекание болезней, устройств и протезов и совершенствование биологии человека, а также осознание личности как преобразующего, телематического и расширенного фактора, который расширяется за счет новых систем технической связи» [4]. И в первом, и во втором случае речь идет о прямом вмешательстве в сущность человека, затрагиваются таким образом не только технико-технологические, но и этические вопросы.

Разобраться в границах дозволенного пытаются биоэтика – сфера междисциплинарных исследований, предметом исследования которой являются моральные основания экспериментов в области медицины, биологии и экологии. В узком смысле под биоэтикой понимаются этические проблемы взаимодействия врача и пациента, что сближает ее с медицинской этикой, в широком смысле в круг ее проблем входят социально-философские, медицинские, правовые, экологические вопросы использования новых технологий для преобразования экосистемы планеты в целом, а предметом исследования выступают все живые организмы, подверженные биомедицинским экспериментам.

В основе биоэтики лежат четыре принципа: «не навреди», «делай благо», «принцип уважения автономии пациента», «принцип справедливости». Т. Э. Кафаров выделяет четыре фактора, обусловивших становление биоэтики: интенсивное внедрение в медицине достижений научно-технического прогресса; принципиально новый характер взаимоотношения врача и пациента, выражающийся юридически закрепленными правами последнего; отказ от преклонения перед научным знанием; обострение глобальных проблем современности, в частности экологической угрозы [5, с. 6–9]. Это привело к осознанию человеком своей ценности и ценности всего живого на планете. Биоэтика, таким образом, выступает в роли защитника человека и окружающей среды от преднамеренного научно-технологического воздействия.

Один из известных современных биохудожников Джордж Гессерт считает, что нельзя допускать необдуманных манипуляций с матерью-природой. «Этично ли взять любую живую форму, заключить ее в рамку и повесить на стену, как животное в цирке? Без кислорода она обязательно умрет, а художник будет считаться убийцей. Предполагает ли живое искусство новые отношения между художником и практикой? Должны ли мы спрашивать: “Что нужно этому артефакту?” “Где он хочет жить?” За редким исключением, искусство эволюции не изучалось систематически, но может дать представление о том, как мы можем использовать биотехнологию» [6, с. 18].

Известная индийская исследовательница проблем биоэтики, представительница альтерглобализма Вандана Шива предлагает решать проблемы экологии человека не через призму развития технологий, а через сохранение уникальных культурных практик сотен поколений людей по всему миру [7, с. 126]. С ее точки зрения глобализация является не чем иным, как проникновением и доминированием западной культуры (Глобальный Север) во все иные (Глобальный Юг) и доминированием в них. Реализация этического подхода заключается в предоставлении максимальной свободы от транснациональных корпораций, навязывающих свои стандарты по всему миру, нарушая тем самым равновесие в системе «общество–природа».

Биоэтика призвана сдерживать любые попытки изменения сущностных характеристик живого: человека и биосферы. Однако ее роль зачастую сводится к умозрительным спекуляциям по поводу очередного вмешательства технологий в геном человека или грядущей чипизации головного мозга, что несколько не мешает трансгуманистам воплощать в жизнь свои чудовищные идеи. По мнению Л. М. Дулича, биоэтика сегодня остро нуждается в нормативной поддержке, в биоправе и это вопрос государственного значения [8, с. 39]. Предыдущие попытки создания закона о биоэтике не увенчались успехом, проект «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения» был отклонен Госдумой в 2001 г. из-за сложности сведения этических идеалов к нормам права [8, с. 40]. Тем не менее данный вопрос чрезвычайно актуален. От создания нормативно-правовой базы по биоэтике зависят не только контроль за биомедицинскими экспериментами, но и права животных, чистота окружающей среды, физическое и психическое здоровье человека.

Современные реалии таковы, что в рамках глобальной цифровизации на законодательном уровне планируется внедрить во все сферы общественной и личной жизни технологии «индустрии 4.0». Речь идет о массовой роботизации живого с использованием технологий искусственного интеллекта. Особый интерес вызывает проект Национальной технологической инициативы «Нейронет-2035», обосновывающий необходимость имплантации чипов в головной мозг человека с целью интеграции его искусственным интеллектом и Интернетом для повышения когнитивных способностей [9]. Это чисто трансгуманистический проект, поддерживаемый технократами и сциентистами, требующий не только этической, но и правовой оценки, так как следствием его реализации станет тотальный контроль за деятельностью человека, отсутствие личного пространства и свободы.

Авторская позиция заключается в сознательном сдерживании учеными экспериментов в области живого и развития киберфизических технологий, в частности внедрения систем искусственного интеллекта в человека. Данный тезис строится на взглядах французского философа Жака Эллюля, чья этика «отказа от власти» техники, несмотря на свою утопичность, становится актуальнее с каждым годом. В марте 2023 г. Илон Маск обратился к мировому научному сообществу с призывом прекратить дальнейшее обучение нейросетей, опасаясь за негативные последствия развития искусственного интеллекта для человечества [10]. Биоэтика, таким образом, должна стать тем барьером на пути роста технологий и власти техники, который защитит общество от цифрового тоталитаризма, утраты человеком личного пространства, исчезновения самого человека, от превращения его в неоморфа, киборга и постчеловека.

Заключение

Трансгуманизм и биоэтика имеют объектом и предметом своего исследования живое. Их объединяет отказ от антропоцентризма, но к проблеме живого они подходят с разных аксиологических позиций. Если для биоэтики важны принцип благоговения перед природой (Т. де Шарден) и биоцентризм («ахимса» в древнеиндийской философии), то трансгуманизм основывается на принципе благоговения перед техникой. Таким образом, биоэтика рассматривает человека как часть биосферы, права которого ничем не выше прав любого живого существа, а трансгуманизм подходит к человеку как к объекту биоарта, био-

логической базы для технико-технологических манипуляций. Цель трансгуманизма лишена антропоцентрического основания, поскольку заключается не в максимальном продлении человеческой жизни, а в максимальном продлении жизни вообще, но жизни в физическом посясто-роннем феноменальном мире.

Итогом трансгуманистических экспериментов над живым может быть что угодно, но оно не будет человеком. Это представляет существенную угрозу для общества, так как приведет к его трансформации или исчезновению. Новые субъекты социальных отношений – продукты биоарта (неоморфы-киборги-постлюди) – могут лишиться человека доминирующего статуса и в дальнейшем полностью заменить собой. Таким образом, общество в традиционном смысле исчезнет.

Для предотвращения неконтролируемых экспериментов по применению НБИК-технологий для модификации человека и живого в целом необходимо создание нормативно-правовой базы по биоэтике. Важно, чтобы она перестала восприниматься как оторванная от реальности наука из разряда метафизических, но превратилась в практическую отрасль права, подкрепленную соответствующими институтами.

Список литературы

1. Шеховцева Т. Н. Экология человека: современные тенденции, подходы к определению, региональное измерение // Общество: философия, история, культура. 2020. № 1 (69). С. 34–37. <https://doi.org/10.241158/fik.2020.1.5>
2. Клейменова Л. Что такое индустрия 4.0 и что нужно о ней знать. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5e740c5b9a79470c22dd13e7> (дата обращения: 03.04.2023).
3. Vita-More N. Brave BioArt 2: Shedding the bio, amassing the nano, and cultivating posthuman life // Technoetic Arts. 2007. № 5 (3). P. 171–186. <https://doi.org/10.1386/tear.5.3.171/1>
4. Vita-More Natasha. Transhumanist Manifesto. URL: https://natashavita-more.com/transhumanist-manifesto/?fl_builder (дата обращения: 03.04.2023).
5. Кафаров Т. Э., Рамазанов М. Р. Биоэтика как новое направление в морально-этическом дискурсе современного общества // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 1 (185). С. 5–12.
6. Gessert G. Art is nature: An artists perspective on a new Paradigm // Art Papers. 2001. March–April. P. 16–29.
7. Михель И. В. Философские очерки о 4-й медицине, биоэтике и будущем человека. Саратов : Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А., 2016. 208 с.

8. Дулич Л. М., Вахмистров В. П. Биоэтика и биоправо; будет ли в России закон о биоэтике? // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 3 (52). С. 38–43.
9. План мероприятий («дорожная карта») Национальной технологической инициативы Нейронет. URL: <https://nti2035.ru/markets/mneuronet> (дата обращения: 03.04.2023).
10. Илон Маск призвал приостановить разработку и обучение нейросетей. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6424457c9a7947ebee7f7534> (дата обращения: 03.04.2023).
4. Natasha Vita-More. *Transhumanist Manifesto*. Available at: https://natashavita-more.com/transhumanist-manifesto/?fl_builder (accessed April 3, 2023).
5. Kafarov T. E., Ramazanov M. R. Bioethics as a new direction in the moral and ethical discourse of modern society. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki* [News of Higher Educational Institutions. North Caucasian Region. Social Sciences], 2015, no. 1 (185), pp. 5–12 (in Russian).
6. Gessert G. Art is nature: An artists perspective on a new paradigm. *Art Papers*, 2001, March–April, pp. 16–29.
7. Mikhel I. V. *Filosofskie ocherki o 4-p meditsine, bioetike i budushchem cheloveka* [Philosophical Essays on 4-p Medicine, Bioethics and the Future of Man]. Saratov, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov Publ., 2016. 208 p. (in Russian).

References

1. Shekhovtseva T. N. Human ecology: Current trends, approaches to definition, regional dimension. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2020, no. 1 (69), pp. 34–37 (in Russian). <https://doi.org/10.241158/fik.2020.1.5>
2. Kleymenova L. *Chto takoe industriya 4.0 I chto nuzhno o nei znat'* (What is Industry 4.0 and what you need to know about it). Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5e740c5b9a79470c22dd13e7> (accessed 3 April 2023) (in Russian).
3. Vita-More N. Brave BioArt 2: Shedding the bio, amassing the nano, and cultivating posthuman life. *Technoetic Arts*, 2007, no. 5 (3), pp. 171–186. <https://doi.org/10.1386/tear.5.3.171/1>
8. Dulich L. M., Vakhmistrov V. P. Bioethics and biolaw; Will there be a law on bioethics in Russia? *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the St. Petersburg Law Academy], 2021, no. 3 (52), pp. 38–43 (in Russian).
9. *Action plan (“road map”) of the National Technology Initiative Neuronet*. Available at: <https://nti2035.ru/markets/mneuronet> (accessed April 3, 2023) (in Russian).
10. *Elon Musk urged to suspend the development and training of neural networks*. Available at: <https://www.rbc.ru/life/news/6424457c9a7947ebee7f7534> (accessed April 3, 2023) (in Russian).

Поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 03.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 13.11.2023

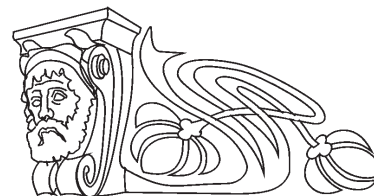

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 379–383
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 379–383
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-379-383>, EDN: INFNHA

Научная статья
УДК 123+1(4)(09)+929

Проблема свободы: значение теоретизации классической либеральной философии в становлении концепции компатибилизма

П. П. Ланг

Самарский государственный экономический университет, Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

Ланг Петр Петрович, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса, langpeter991@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0923-1368>

Аннотация. Введение. Многие современные дискуссии о свободе воли сводятся к противостоянию компатибилизма и инкомпатибилизма. Стремление первых связывать свободу воли личности с физической обусловленностью актуализирует проблему ответственности за моральные действия, производимые индивидом. **Теоретический анализ.** Проанализированы основные социально-философские рефлексии относительно свободы и ответственности в контексте теории либерализма XVII в. Концепции Т. Гоббса, Дж. Локка и Б. Спинозы интерпретируются через призму рационального обоснования свободы, понимания взаимосвязи выбора человека и его действий. Парадигма нового мышления, созданная либеральными философами, позволила оценить значение свободы принципиально иначе – с точки зрения взаимодействия отдельного индивида и общества. Сравнительный анализ положений о свободе воли позволяет утверждать обострение проблемы моральной ответственности, обусловленной рациональным осознанием критериев свободного действия. **Заключение.** Идеи классических либерально мыслящих философов Нового времени выступили теоретическим основанием в становлении и развитии концепции компатибилизма, сторонники которой связывали свободу с необходимостью. Таким образом, можно говорить о преемственности, намеченной еще в античности – от свободы как «познанной необходимости» к ее пониманию как свободы воли.

Ключевые слова: свобода воли, детерминизм, компатибилизм, либерализм, рациональная свобода, моральная ответственность

Для цитирования: Ланг П. П. Проблема свободы: значение теоретизации классической либеральной философии в становлении концепции компатибилизма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 379–383. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-379-383>, EDN: INFNHA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of liberty: The importance of theorizing about classical liberal philosophy in the compatibilism concept formation

P. P. Lang

Samara State University of Economics, 141 Sovetskoi Armii St., Samara 443090, Russia

Petr P. Lang, piterlang8@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0923-1368>

Abstract. Introduction. Modern discussions about free will are reduced to the confrontation between compatibilism and incompatibilism. The desire of the former to connect the free will of the individual with physical conditioning actualizes the problem of responsibility for the moral actions performed by the individual. **Theoretical analysis.** The main socio-philosophical reflections on liberty and responsibility in the context of the 17th century liberalism theory are analyzed. The concepts of T. Hobbes, J. Locke and B. Spinoza are interpreted through the prism of the rational justification of liberty, understanding the correlation between a person's choice and his actions. The paradigm of new thinking, created by liberal philosophers, made it possible to assess the meaning of freedom in a fundamentally different way – from the point of view of the interaction between an individual and society. A comparative analysis of the provisions on free will allows us to assert the aggravation of the problem of moral responsibility, caused by the rational awareness of free action criteria. **Conclusion.** The ideas of classical liberal-thinking philosophers acted as a theoretical foundation in the development of the compatibilism concept, the supporters of which associated freedom with necessity. Thus, we can talk about the continuity outlined back in antiquity – from freedom as a “cognized necessity” to its understanding as free will.

Keywords: free will, determinism, compatibilism, liberalism, rational liberty, moral responsibility

For citation: Lang P. P. The problem of liberty: The importance of theorizing about classical liberal philosophy in the compatibilism concept formation. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 379–383 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-379-383>, EDN: INFNHA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Общая тенденция, намеченная еще в Античности в отношении свободы, в целом продолжает свое развитие и в Новоевропейской философии – в движении от понимания свободы как «осознанной необходимости» к интерпретации ее как «свободы воли», обусловленной некоторой рациональностью, которая могла заключаться в хозяйственной деятельности человека, стремлении к сохранению и защите естественных прав, необходимых и рациональных поступках.

Капиталистические отношения, развивавшиеся в Новое время в европейской традиции, значительно усилили воздействие гуманистических аспектов, намеченных еще в эпоху Возрождения и оказавших влияние на понимание свободы личности. Несмотря на внешнее освобождение человека от принуждения, он стал расцениваться с точки зрения механистического подхода как часть экономической машины, способствующей достижению прагматических благ.

По мнению Э. Фромма, социальные отношения, актуализированные капиталистической эпохой, «обрекли человека на одиночество, обеспечив ему полную изоляцию, усилив в нем ощущение собственной ничтожности и бессилия» [1, с. 134]. То есть, с одной стороны, капиталистические отношения связываются с обретением свободы от религиозного или идеологического гнета, а с другой стороны, человек, являясь частью социального механизма, в то же время оказался несвободен, понимая невозможность самостоятельной воли.

Стремление связывать понимание свободы с детерминизмом некоторыми исследователями ассоциируется с таким направлением в интерпретации свободы как компатибилизм. Компатибилист уверен в том, что возможно совместить свободу воли и детерминизм, понимаемый в качестве единственно возможной реальности для определенных условий времени и места. Проблема свободы ставится в зависимость от моральной ответственности: «Если проблему компатибилизма уместно ставить именно в контексте моральной ответственности, то эта проблема принимает следующую форму: противоречит ли детерминизму то, что при решении не совершать совершаемый поступок индивид не совершил бы его?» [2, с. 66].

Теоретический анализ

Одним из влиятельных направлений социально-философской рефлексии проблемы свободы и ответственности можно считать сформировавшуюся в рамках теории либерализма концепцию естественных прав человека. Т. Н. Золотарева отмечает, что «позже эта концепция была скорректирована естественно-научной практикой, указывая на приоритет естественной, природной, закономерной причинности над личностными и социокультурными факторами» [3, с. 158].

В частности, Т. Гоббс полагал, что свобода – это деятельность без каких-либо ограничений [цит. по: 3, с. 89]. При этом он понимал свободу воли как «свободу человека [делать] то, на что у него есть воля, желание или склонность делать» [4, с. 90]. Если люди могут делать то, что они выбирают, то они свободны. Следует иметь в виду, что свобода, о которой говорит Т. Гоббс, не аналогична пагубному порабающему человеку пристрастию. В свободе заключается более глубокая перспектива, потому что она, безусловно, влияет на человечество [цит. по: 5].

Обсуждая определенные свободы, на которые имеет право человек, Т. Гоббс описывает свободу с точки зрения ее взаимосвязи с законами природы. Свобода необходима человеку для реализации возможности улучшить себя в мире. Человек не может делать того, что было бы разрушительным для его собственного прогресса в жизни. Поскольку этот закон установлен разумом, кажется вполне обоснованным, чтобы человек делал все для сохранения собственной жизни и общества, чтобы его жизнь могла от этого процветать.

В естественном состоянии человек, живущий вне общества, будет иметь совершенную свободу и способность делать все, что ему заблагорассудится. Хотя жизнь в естественном состоянии допускает полную свободу, это не означает, что она обеспечивает безопасность. Т. Гоббс утверждает, что «состояние человека есть состояние войны всех против всех» [4, с. 90] – из-за склонности каждого проявить свою свободу. Становится неразумным допускать такую свободу, когда естественное состояние оборачивается против человека, поскольку она будет связана с постоянным страхом смерти. В чистой свободе нет безопасности. Чтобы установить безопасность, человек должен легитимировать суверена, который получает власть как искусственное лицо и при-

нимает решения за отдельного индивида, но по его воле. Следуя первому закону природы, сохраняющему индивидуальную свободу и успех в мире, «людям велено стремиться к миру» [4, с. 89]. Стремление к безопасности означает необходимость осознания человеком создания искусственных «цепей» гражданских законов и взаимного договора, ограничивающих свободу каждого.

Заслугой Т. Гоббса можно считать создание альтернативной теории свободы, противопоставленной предыдущим абстрактным неоримским размышлениям; обоснование теории свободы с точки зрения рациональности, предполагающей свободу автономного разума (этику разума), сочетаемой с абсолютной властью индивида [6], а не этику собственно свободы как многозначной силы.

Если Т. Гоббс неоднократно подчеркивал, что человек будет свободен только тогда, когда он будет знать, как поступать справедливо, то Дж. Локк рассматривал свободу человека как естественное право, ограниченное только законами природы. Подобно предшественнику мыслитель полагал, что «не может быть свободы там, где нет мысли» [7, с. 289]. Интеллект и разумность человека, по мнению Дж. Локка, ограничивают его свободу; человек свободен настолько, насколько позволяет его мировоззрение. То есть индивидуальная свобода связана с необходимостью: свобода есть некая способность человека «совершать или не совершать» какое-либо индивидуальное действие в соответствии с решением или мнением разума. Это определение представляется достаточно общим и одновременно абстрактным, поскольку не содержит в себе никаких ценностных характеристик и относится к неопределенному набору человеческих действий [8].

Действия человека в сфере необходимости принимают две формы: произвольную и непроизвольную. Добровольное действие есть действие, в случае которого внешняя необходимость соответствует человеческой воле и, следовательно, как таковая противоположна не необходимости, а непроизвольному действию.

В своих размышлениях о свободе Дж. Локк следует от эмпирического к рационалистическому толкованию. В эмпирическом плане реализуемая в практической деятельности свобода человека предполагает не только возможность действовать или не действовать, но и конкретные причины, побуждающие человека принять решение о реализации того или иного варианта. Мыслитель утверждает, что главным

двигателем человеческих действий является «беспокойство», т.е. неудовлетворенность, вызванная отсутствием какого-либо блага [7].

Переход от эмпирической свободы к рациональной осуществляется благодаря способности приостановить влияние непосредственного желания на волю до тех пор, пока мы разумно не оценим предмет желания с точки зрения его блага. Таким образом, рациональное понимание свободы основано на силе интеллектуального познания блага. Человек как разумное существо имеет возможность определять волю своим разумом, определяя и себя.

Отвечая на вопрос о свободе воли, Дж. Локк дает совершенно однозначную интерпретацию данного понятия. Воля – это способность человека, но ей не присуща свобода; свободен может быть только субъект. М. А. Абрамов, трактуя мысль Дж. Локка, пишет: «Именно человек действует, то есть вызывает движение в мысли и вещах (телах). Свобода состоит в том, что индивид может действовать или не действовать согласно своему выбору» [9, с. 28]. Воля при этом определяется как некая сила, как способность распоряжаться действием или телом, а свобода – как право на действие или бездействие в соответствии с желаниями.

Однако способностью действовать по своему желанию обладают далеко не все индивиды, поэтому естественная свобода, данная человеку от природы, оказывается подчинена государственным законам во избежание негативных последствий социального взаимодействия с другими субъектами. В этом смысле Дж. Локк поддерживает гоббсовскую договорную теорию общества, в которой свобода личности ограничивается соглашениями гражданского общества с целью сохранения и защиты естественных прав.

С этой позиции интерес представляет теория голландского мыслителя Б. Спинозы. Как отмечают современные исследователи, «трактуя бытие как единую субстанцию, которая заключает в себе единственно закон необходимости, он, казалось бы, должен отрицать саму возможность свободы выбора в волевом акте человека» [10, с. 26]. Мысль Б. Спинозы основывалась на его онтологическом подходе к определению субстанции, трактуемой в качестве единственной природной необходимости, не имеющей внешних причин (это и есть Бог). Свобода Бога не заключается в безусловной свободе воли, а, скорее, в самоопределении и самооправдании [11]. Человек, вынужденный подчиняться природной необходимости, в обществе, по мысли

Б. Спинозы, должен получить максимально возможную свободу. При этом свобода определяется только как характеристика разума.

Сказанное не значит, что концепция Б. Спинозы в значительной степени идентична мышлениям Т. Гоббса и Дж. Локка. Если английские мыслители апеллируют исключительно к конструктивным возможностям разума, то Б. Спиноза стремится принимать во внимание все детерминирующие факторы в деятельности человека. Поскольку философ предполагает единство тела и разума, образующих целостную субстанцию, то разум и воля человека также дополняют друг друга, воздействуя на систему детерминант в действиях человека, в частности на аффекты. Свободу человек не может приобрести, однако для получения доступа к ней он должен подчинить разуму свои аффекты и не подчиняться страстям. Как отмечают исследователи философии Б. Спинозы, суть решения проблемы свободы заключается в том, чтобы на практике преодолевать комплекс различных детерминант, а для этой цели необходимы интеллектуальные усилия [12]. Видимо, свободы могут достичь не все люди, поскольку многие из них подвержены страстям под влиянием внешних обстоятельств: «Человек, подверженный аффектам, уже не владеет сам собою, но находится в руках фортуны, и притом в такой степени, что он, хотя и видит пред собой лучшее, однако принужден следовать худшему» [13, с. 139]. Б. Спиноза анализирует феномен свободы с точки зрения золотого правила нравственности, поскольку свободное действие одного субъекта не должно противоречить закону природы другого субъекта.

Таким образом, чтобы определить место темы свободы в учении Б. Спинозы, необходимо учитывать системный характер его философии. Мыслитель рассматривает проблему свободы и необходимости в контексте онтологии, этики и социально-политической философии. При этом этический и социально-политический контексты свободы являются практическим применением его онтологии.

Основоположники либеральных концепций свободы, следовательно, полагали, что необходимо рассматривать проблему свободы в смысле ее независимости от внешнего принуждения и одновременно детерминированной социальными условиями. Свободный от природы человек имеет право получить некоторую внешнюю свободу в политическом смысле и «иметь вольность для проявления своей детерминированной натуры» [14, с. 77].

То есть фактически речь шла о свободе в социально-политическом контексте «liberty», а не в метафизическом – «freedom».

Заключение

Поскольку в Новое время огромное значение придавалось исследованию природы и человека с точки зрения естествознания, проблема свободы также рассматривалась в контексте человеческой рациональности, способности осознавать внешние и внутренние факторы, определяющие поведение и волю человека. То есть проблема свободы получает новый импульс и анализируется через призму антиномичности с механизмом природной детерминации. В эпоху Нового времени можно отметить существование различных, часто противоположных точек зрения о свободе и ответственности в человеческой жизни, однако все многообразие подходов так или иначе было связано с пониманием величия разума человека. Существующие подходы дополняют друг друга, реализуя поставленные эпохой задачи.

Парадигма принципиально нового мышления, создаваемая такими философами, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, позволила совершенно иначе – с точки зрения взаимодействия индивида как социально-природного существа и общества – оценить значение свободы воли как инвариантной: с одной стороны, в естественном состоянии – задающей возможность заключения общественного договора, а с другой стороны – выступающей в качестве воли суверена и мыслимой в силу данного обстоятельства как абсолютная ценность.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на изложенные только в середине XVII в. классические основы компатибилизма Д. Юмом, теоретики-либералы XVII в. сыграли значительную роль в становлении концепции совместимости свободы воли и детерминизма.

Теоретический анализ либералистских рефлексий концепций свободы воли позволил продемонстрировать непосредственную взаимосвязь в понимании свободы как независимой от внешнего принуждения и в то же время ее интерпретацией в связи с границами социальных обстоятельств, вызванных складывающимися капиталистическими общественными отношениями. Человек, наделенный свободой от природы и детерминированный внешними условиями, может обладать некоторой свободой воли для проявления личных стремлений.

Список литературы

1. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ, 2006. 571 с.
2. Васильев В. В. В защиту классического компатибилизма // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 64–76.
3. Золотарева Т. Н. Проблемы реализации свободы в философии эпохи Возрождения и Нового времени // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 2 (38). С. 155–161.
4. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
5. Mae Q. T. The Hobbesian Concept of Freedom: Are we really free? // Polytechnic University of the Philippines. July 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/352992860_The_Hobbesian_Concept_of_Freedom_Are_we_really_free (дата обращения: 15.12.2022).
6. Цанова Б. З. Эволюция концепции свободы в политической философии Томаса Гоббса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 4. С. 549–565. <https://doi.org/10.21638/spbu23.219.408>
7. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 621 с.
8. Manda V. The Concept of Freedom in Locke // Filozofia. 2013. January. № 68 (2). P. 105–113.
9. Абрамов М. А. Проблема свободы и свобод в Британской философии века Просвещения // Социальная философия и философская антропология. Труды и исследования / отв. ред. В. А. Кругликов. М.: Институт философии РАН, 1995. С. 26–43.
10. Зорина Н. В. Идея свободной воли и аффекта в политико-правовой концепции Бенедикта Спинозы // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4 (58). С. 25–32.
11. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. 727 с.
12. Tippelt H. Being oneself and being self-conscious. Spinoza's concept of freedom // E-LOGOS. 2020. № 27 (1). P. 56–70. <https://doi.org/10.18267/j.e-logos.472>
13. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей. М.: Типо-Литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1911. 384 с.
14. Чалый В. А. Ограничить вольность, чтобы освободить место свободе: либерализм, консерватизм и философия Канта // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 66–78.
2. Vasilev V. V. In defense of classical compatibilism. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 2016, no. 2, pp. 64–76 (in Russian).
3. Zolotareva T. N. Problems of freedom realization in the philosophy of Renaissance and Modern times. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of the Kalmyk University], 2018, no. 2 (38), pp. 155–161.
4. Hobbes T. *Leviathan*. Oxford, Clarendon Press, 1909. 557 p. (Russ. ed.: Gobbs T. *Leviafan*. Moscow, Mysl', 2001. 478 p.).
5. Mae Q. T. The Hobbesian Concept of Freedom: Are we really free? *Polytechnic University of the Philippines*. July 2021. Available at: https://www.researchgate.net/publication/352992860_The_Hobbesian_Concept_of_Freedom_Are_we_really_free (accessed Desember 15, 2022).
6. Tsanova B. Z. The evolution of concept of liberty in political philosophy of Thomas Hobbes. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEKS], 2019, vol. 15, no. 4, pp. 549–565 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu23.219.408>
7. Locke J. An essay concerning human understanding. Toronto, University of Toronto, 1825. 568 p. (Russ. ed.: Lokk Dzh. *Sochineniya: v 3 t. T. 3*. Moscow, Mysl', 1985. 621 p.).
8. Manda V. The Concept of Freedom in Locke. *Filozofia*, January, 2013, no. 68 (2), pp. 105–113.
9. Abramov M. A. The Problem of liberty and liberties in British Enlightenment Philosophy. In: Kruglikov V. A., ans. ed. *Sotsialnaya filosofiya i filosofskaya antropologiya. Trudy i issledovaniya* [Social Philosophy and Philosophical Anthropology. Proceedings and Research]. Moscow, Institute of Philosophy RAN Publ., 1995, pp. 26–43 (in Russian).
10. Zorina N. V. The idea of free will and affect in the political and legal concept of Benedict Spinoza. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [Rule of Law: Theory and Practice], 2019, no. 4 (58), pp. 25–32 (in Russian).
11. The Selected Works of Baruch de Spinoza, by Library of Alexandria, 2000. 777 p. (Russ. ed.: Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. T. 1*. Moscow, Gospolitizdat, 1957. 727 p.).
12. Tippelt H. Being oneself and being self-conscious. Spinoza's concept of freedom. *E-LOGOS*, 2020, no. 27 (1), pp. 56–70. <https://doi.org/10.18267/j.e-logos.472>
13. Spinoza B. Ethic: Demonstrated in Geometrical Order and Divided into Five Parts. Whitefish, Kessinger Publishing, 2010. 396 p. (Russ. ed.: Spinoza B. *Etika, dokazannaya v geometricheskom poryadke i razdeleonnaya na pyat chastey*. Moscow, Tipo-Litografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev i K°, 1911. 384 p.).
14. Chalyy V. A. Denying liberty in order to make room for freedom: Liberalism, conservatism, and Kantian philosophy. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 2015, no. 9, pp. 66–78.

References

1. Fromm E. *Escape from Freedom*. New York, Farrar and Rinehart, Inc., 1941. 305 p. (Russ. ed.: Fromm E. *Begstvo ot svobody*. Moscow, AST, 2006. 571 p.).

Поступила в редакцию 07.07.2023; одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 07.07.2023; approved after reviewing 18.07.2023; accepted for publication 13.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 384–388

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 384–388

<https://phpp.sgu.ru>

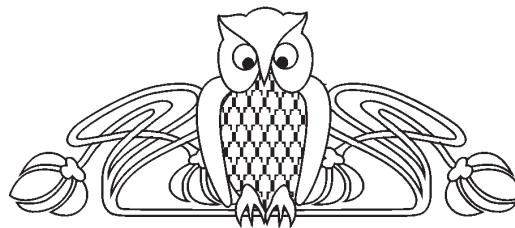
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-384-388>, EDN: IVDBSX

Научная статья

УДК 1(38)+929

Практическая составляющая ранней греческой философии

В. М. Маслов

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Маслов Вадим Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, maslov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1043-9431>

Аннотация. Введение. Актуальность «практической философии» противопоставляется оторванной от жизни «традиционной философией». В итоговой перспективе видится гармонизация теоретико-практической и практико-теоретической деятельности философов, опирающаяся на соответствующее историко-логическое переосмысление истории философии. Классическое начало – выделение практической составляющей ранней греческой философии. **Теоретический анализ.** Непосредственная связь с жизнью объединяет Фалеса-мудреца с Фалесом-философом (распространенное представление об отдаленности философии Фалеса от практики критикуется как ангажированное господствующей теоретико-практической парадигмой философии). Экспертная модель практической составляющей философии Фалеса, в общем, характеризует милетскую школу и элеатов. Отсутствие действенной философской практики способствует формированию скептицизма Ксенофана и трагичности творчества Гераклита. Политическая деятельность пифагорейцев – суть объективный максимум практической составляющей философии (политическая модель практической составляющей философии). Проблемность политической деятельности философов, рост и усложнение теоретических исследований ведут античных атомистов в сторону формирования теоретико-практической модели философской деятельности. **Заключение.** Проблема связи с жизнью положительно решалась в творчестве Фалеса и была значимой для всей ранней греческой философии. Это необходимо учитывать в дальнейшем изучении истории философии; последнее – суть школа мысли, способствующая гармонизации теоретической и практической деятельности современной философии.

Ключевые слова: философия, теория, практика, практическая философия, ранняя греческая философия, историко-логический метод

Для цитирования: Маслов В. М. Практическая составляющая ранней греческой философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 384–388. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-384-388>, EDN: IVDBSX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The practical component of early Greek philosophy

V. M. Maslov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603022, Russia

Vadim M. Maslov, maslov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1043-9431>

Abstract. Introduction. The relevance of «practical philosophy» is contrasted with «traditional philosophy», detached from life. The final perspective sees the harmonization of theoretical-practical and practical-theoretical activity of philosophers, based on the appropriate historical and logical rethinking of the history of philosophy. The classical beginning is to emphasize the practical component of early Greek philosophy. **Theoretical analysis.** The direct connection to life unites Thales as a sage with Thales as a philosopher (the widespread idea of the remoteness of Thales' philosophy from practice is criticized as being engaged by the dominant theoretical-practical paradigm of philosophy). The expert model of the practical component of Thales' philosophy generally characterizes the Milesian school and the Eleates. The absence of effective philosophical practice contributes to the skepticism of Xenophanes and the tragic nature of Heraclitus' work. Political activity of Pythagoreans is the objective maximum of the practical component of philosophy (political model of the practical component of philosophy). The problematic nature of philosophers' political activity, the growth and complication of theoretical research lead the ancient atomists towards the formation of a theoretical-practical model of philosophical activity. **Conclusion.** The problem of connection with life was positively solved in the work of Thales and was significant for all early Greek philosophy. This should be taken into account in the further study of the history of philosophy; the latter is in essence the school of thought that contributes to the harmonization of theoretical and practical activities of modern philosophy.

Keywords: philosophy, theory, practice, practical philosophy, early Greek philosophy, historical-logical method

For citation: Maslov V. M. The practical component of early Greek philosophy. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 384–388 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-384-388>, EDN: IVDBSX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Растущая сложность, интенсивность, неопределенность дальнейших ориентиров общественного развития актуализируют вопрос о способности философии не только отражать, но и действительно влиять на происходящее. В связи с последним указывается, что «традиционная философия» отдалена от реальной жизнедеятельности: поиски смысла жизни и верного общественного решения ведут людей и политиков к психоаналитикам, священникам и к экономистам, социологам, политологам, а не к философам [1]. Для критиков «традиционной философии» ярким положительным примером реальной связи философии с жизнью является гуманитарная экспертиза, которая возникла из потребности дать практические рекомендации применения новейших научно-технических достижений в работе медиков 1960–1970-х гг. [2]. В итоге видится утверждение практической (прикладной, полевой, экспериментальной и т.п.) философии, «имеющей целью воздействовать на людей силой мысли через посредство слова, убеждения – в процессе живого общения (консультации-беседы, собеседования, дискуссии, анализа конкретной ситуации)» [3, с. 12], обращаясь к непосредственному решению, например, экологических проблем [4].

Следует признать актуальность подключения философии к конкретному разрешению жгучих современных проблем. Обозначенный практический вектор развития современной философии ставит целый ряд теоретических вопросов, в эпицентре – вопрос точного соотношения «теоретического» и «практического» в философии [5]. Не соглашаемся с их простым разведением («теоретическое ... связано с разработкой языка философии и ее внутренних проблем»; «практическое ... обращается к реально происходящим в обществе процессам» [6, с. 18–19]). В основе собственного решения лежит признание того, что любая философская деятельность явно или неявно нацелена на связь с практикой, которая всегда выступает критерием истины. Однако эта необходимая связь с практикой осуществляется в двух специфических формах: практико-теоретической («нацелена на помощь в решении всеобщих проблем реальной жизни») и теоретико-практической («нацелена на чистоту философского поиска, который обеспечивает всеобщей истиной практику») [7, с. 25].

В ракурсе последнего открытия современная ситуация с практическим движением в философии выглядит следующим образом. Критика

«традиционной философии» за ее отдаленность от жизни означает критику крайностей господствующей в современной философии теоретико-практической парадигмы. Тем самым, с одной стороны, нельзя отрицать наличие объективных оснований правомерности теоретико-практической парадигмы в философии вообще, с другой стороны, требуется обосновывать предельную актуальность разработки теории и активизации практики в рамках практико-теоретической парадигмы в философии. Общим итогом современного практического движения в философии является гармонизация практико-теоретической и теоретико-практической деятельности философов, постоянно демонстрирующих всему миру наличие практической составляющей философии.

Теория практической составляющей современной философии и соответствующая философская деятельность должны поддерживаться материалом истории философии. История философии – суть школа мысли (Аристотель, Г. Гегель, А.Ф. Лосев), которую должны пройти все философы и которая существенным образом влияет на отношение к новым идеям. Современная история философии в целом излагается в русле теоретико-практической традиции в философии. Актуальная критика должна выявить наличие практико-теоретической традиции в истории философии. Классическим началом данной работы служит переосмысление истории ранней греческой философии (Фалес и милетская школа, пифагореизм, Гераклит, элеатская школа, античный атомизм).

Теоретический анализ

Большинство специалистов считают Фалеса первым философом Античности. Соответственно, все немногочисленные исторические сведения о жизни и творчестве родоначальника античной философии интенсивно анализируются, чтобы как можно точнее понять тот качественный скачок, который позволил Фалесу открыть философское изменение мира. Историко-философское обсуждение его творчества актуализирует многочисленные свидетельства о практических, реальных достижениях ученого (спас родной город, воспротивившись союзу с Крезом против персов; помог войскам переправиться через реку; способствовал появлению науки математики, введя в математические рассуждения доказательство и др.). Особо выделяются сведения о Фалесе как об одном из семи мудрецов. Венцом практической деятельности Фалеса-мудреца

можно считать восхитившее всю Грецию решение передать в храм найденный «треножник Гефеста» с надписью «мудрейшему» [8, с. 71].

Внимание к практической составляющей творчества Фалеса [9, с. 28] не отменяет итогового факта того, что в целом она не включается в собственно философскую деятельность милетца. Явно или неявно проводится идея, согласно которой указанная практическая деятельность существует наряду с философской: в лице Фалеса «мы имеем не только философа, но и ученого, и благоразумного политика» [10, с. 20]. Нивелирование практического аспекта философии Фалеса прямо доказывается сравнением с отношением к его общепризнанным философским достижениям, например, открытию и оригинальному решению вопроса, «из чего все». Начиная с Фалеса, проблема архэ всегда находится в поле зрения истории философии и философской онтологии; ничего подобного нет по отношению к теме практики. Фактическое разведение реальной, практической и философской деятельности Фалеса дополняется тенденцией к их противопоставлению. Об этом говорит указание на то, что в истории сохранились два соответствующих «психологических образа Фалеса»: «Фалес – типичный философ, т.е. далекий от обыденной практической жизни “чужак”» (здесь актуализируется известная история о том, что философствующий или наблюдающий звезды Фалес упал в яму); Фалес – потенциально практичен (может заработать), но не это его философское стремление [11, с. 27].

Разведение и противопоставление практической и философской деятельности Фалеса связаны с определяющим значением теоретико-практической парадигмы в современной философии. Критика последнего ведет к утверждению идеи органичной связи практической и философской деятельности Фалеса, в частности, может подкрепляться указанием на общее соответствие времени [12]. Однако главное в том, что само существо дела доказывает необходимость практической связи Фалеса-мудреца и Фалеса-философа. Деятельность Фалеса-мудреца – яркий пример на интеллектуальную агональность античной культуры [13, с. 163–165]. Соревновательный характер античной культуры требовал победы. Открытие философского измерения мира укрепляется с опорой на достижения Фалеса-мудреца и дарит надежду получать еще более точные, победные ответы на существенные вопросы (экспертная модель практической составляющей философии): любое другое решение в этой области – проигрышное.

Философия ученика Фалеса Анаксимандра также вряд ли была отдалена от его реальной жизнедеятельности. Занятия философией способствовали тому, чтобы Анаксимандр ввел в употребление солнечные часы, сделал географическую карту и был назначен руководителем колониальной экспедиции [14, с. 116]. Вполне возможно, что ученик Анаксимандра Анаксимен так же практично относился к философии. Однако известная скудность биографических данных не позволяет подтвердить или опровергнуть данное предположение. В целом можно утверждать, что появившаяся и разрабатываемая в милетской школе философия была открыта и влияла на достижение значительных практических результатов. Соответственно, проблематика практической составляющей философии должна обязательно учитываться при изложении истории античной философии и считаться не менее значимой в философском плане, в сравнении, например, с классическими философскими темами архэ или бесконечности.

Специфическая для милетцев форма связи философии и жизни характерна для ведущих представителей философской школы элеатов. Пармениду было доверено законодательство для родного города, а Мелиссу – возглавить флот в важнейшем сражении. Вряд ли это было возможно вне изначальной установки Парменида и Мелисса на практичность философии, которая была очевидна для общественности. Убедительным выглядит и то, что исключительное мужество и гибель Зенона от рук тирана [14, с. 298–299] – ярчайшие примеры связи философии элеатов с жизнью. Противостоит думать, что философская гениальность апорий Зенона – это одно, а бескомпромиссная борьба Зенона с беззаконием – это другое. Логичнее считать, что строгость философской мысли Зенона вела его к принципиальному неприятию беззакония в родном городе. Можно сказать даже больше. Смертельная красота борьбы Зенона с тираном – суть закономерная демонстрация «совершенства», одна из характеристик бытия, мышления, жизни. В общем, в плане разработки собственной истории практической составляющей философии гибель Зенона – не менее значимое философское событие, чем смерть Сократа.

Проводимая милетцами связь философии с жизнью не характерна для творчества Ксенофана и Гераклита. В основе этого лежат особенности биографии этих философов, отделившие их от полноценной общественной деятельности: Ксенофан – потерявший родину странствующий в

лишениях, поэт; Гераклит – ярый сторонник аристократии, живущий в демократическом полисе. Эта ситуация определяет известную трагичность философии Гераклита (плачущего философа), который, обладая самым совершенным знанием человечества, видел, что люди не воспринимают его, ведет Ксенофана к открытию скептицизма, который враги философии всегда будут использовать для критики ее возможности получить всеобщее и необходимое знание.

Политическая деятельность раннего пифагореизма общеизвестна. Как правило, историко-философское изложение проблематики пифагорейского союза, властной деятельности пифагорейцев разводятся с собственно философской деятельностью Пифагора и его последователей. Обращается внимание на то обстоятельство, что организация пифагорейского общества не находилась в связи с формой свободной жизни Греции [15, с. 229], или указывается на тот факт, что существует противоречие между характерной для пифагорейцев «созерцательной теоретической жизнью» и «участием в политической жизни» [16, с. 84]. В русле истории развития практической составляющей философии очевидно, что политическая деятельность пифагорейцев – прямое следствие дальнейшего развития философии. Пифагорейское учение «все – есть число» утверждает гармонию мира не только по отношению к космосу в целом, но и применительно ко всей текущей жизни, где становится ясно, например, что «дружба – равенство». Такого качества знания не было у милетцев, поэтому они не могли философски претендовать на всеобщую связь с практикой, со всей жизнью людей. Пифагорейцы получили эту теоретическую возможность. Соответственно, их стремление получить власть – это собственно философское стремление или предельная практическая задача философии – привести общественную жизнь в соответствие с истинным философским знанием. Отсюда политическое поражение пифагорейского союза – это не освобождение пифагореизма от несвойственного философии вида деятельности, а суть серьезное общественное поражение философии как таковой.

Сохранившиеся исторические свидетельства о жизни Демокрита (ведущего представителя античного атомизма) рисуют его полностью погруженного в теоретическую философию, величие которой обеспечивает его общественную славу [16, с. 104]. В плане исследования практической составляющей данная ситуация конкретизируется в следующих двух пунктах. Теоретическая акцентированность творчества

Демокрита, во-первых, связана с интенсивным развитием и усложнением собственно философской работы. В качестве примера можно привести факт того, что доказательный выход на существование атомов велся через критику апорий Зенона; во-вторых, указывает на то, что у философии нет сил утвердить, а у общества нет желания соглашаться с полноценным, особенно политическим значением философии. Подобное качество свойственно философии Демокрита: в негативном для философии плане, порождает представление о никчемности философии, об ее отдаленности от реальной жизни и замыкании на самое себя; в позитивном – закладывает основы для формирования теоретико-практической позиции в философии, где ее очевидная теоретическая истина предлагает быть основой достойной и продуктивной практической деятельности.

Заключение

Фактическое нивелирование проблематики практической составляющей ранней греческой философии в распространенных историко-философских подходах открыто критике. Для первого философа Античности Фалеса связь его философии с жизнью не менее важна, чем ответ на вопрос «из чего все». Открывается значимость практической темы для понимания специфики развития всей последующей ранней греческой философии; этим актуализируется задача продолжения подобного исторического анализа применительно к дальнейшим этапам развития древнегреческой философии.

История философии – суть школа мысли. Выведение практической составляющей ранней греческой философии будет оказывать постоянное положительное влияние на понимание значимости работы по гармонизации теоретической и практической деятельности современной философии. Применительно к актуальной работе в этой области особо отметим выделение двух моделей практической составляющей философии – экспертной (Фалес) и политической (Пифагор).

Список литературы

1. Кочеров С. Н. Есть ли будущее у философии? // *Credo New*. 2015. № 4 (84). С. 3.
2. Пронин М. А., Юдин Б. Г., Синеокая Ю. В. Философия как экспертиза // *Философский журнал*. 2017. Т. 10, № 2. С. 79–96. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-2-79-96>
3. Балашов Л. Е. Практическая философия или софология. М. : МЗ-Пресс, 2007. 574 с.

4. Briggles A. *A Field Philosopher's Guide to Fracking: How One Texas Town Stood Up to Big Oil and Gas*. New York: Liveright Publishing Corp.; W. W. Norton & Company, 2015. 352 p.
5. Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов научной конференции / отв. ред. О. А. Габриелян. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. 208 с.
6. Лазарев Ф. В. Практическая философия в контексте XXI столетия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69), № 3. С. 18–29.
7. Маслов В. М. Практическая философия: современные основы и необходимость // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 25–29. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-25-29>
8. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 620 с.
9. История философии. Т. I: Философия античного и феодального общества / под ред. Г. Ф. Александра и [др.]. М.: Политиздат, 1941. 491 с.
10. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. I: Античность. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. 336 с.
11. Михайлова Э. Н., Чанышев А. Н. Ионийская философия. М.: Издательство Московского университета, 1966. 184 с.
12. Попов С. И. Фалес и две философских «площадки» духовной революции ранней античности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 1671–1675.
13. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 320 с.
14. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогий до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.
15. Гегель Г. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993. 349 с.
16. Богомолов А. С. Античная философия: учебник. М.: Высшая школа, 2006. 390 с.
4. Briggles A. *A Field Philosopher's Guide to Fracking: How One Texas Town Stood Up to Big Oil and Gas*. New York, Liveright Publishing Corp.; W. W. Norton & Company, 2015. 352 p.
5. Gabrielyan O. A., ans. ed. *Prakticheskaya filosofiya: sostoyanie i perspektivy: sbornik materialov nauchnoi konferentsii* [Practical philosophy: State and Prospects. Collection of proceedings of the scientific conference]. Simferopol, IT "ARIAL", 2021. 208 p. (in Russian).
6. Lazarev F. V. Practical philosophy in the context of the XXI century. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies], 2017, vol. 3 (69), pp 18–29 (in Russian).
7. Maslov V. M. Practical philosophy: Modern foundations and necessity. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 25–29 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-25-29>
8. Diogen Laertsij. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [On the Life, Teachings and Sayings of Famous Philosophers]. Moscow, Mysl', 1979. 620 p. (in Russian).
9. Aleksandrov G. F., ed. *Istoriya filosofii. T. I: Filosofiya antichnogo i feodal'nogo obshchestva* [History of philosophy. Vol. I: Philosophy of Ancient and Feudal Society]. Moscow, Politizdat, 1941. 491 p. (in Russian).
10. Reale Dzh., Antiseri D. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dnei. T. I: Antichnost'* [Western Philosophy from the Origins to the Present Day. Vol. I: Antiquity]. St. Petersburg, LLP TC "Petropolis", 1994. 336 p. (in Russian).
11. Mihajlova E. N., Chanyshv A. N. *Ionijskaya filosofiya* [Ionian Philosophy]. Moscow, Moscow State University Publ., 1966. 184 p. (in Russian).
12. Popov S. I. Thales and two philosophical «platforms» of the spiritual revolution of early antiquity. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Koncept»* [Scientific and methodological electronic journal "Concept"], 2016, vol. 15, pp. 1671–1675 (in Russian).
13. Zajcev A. I. *Kul'turnyy perevorot v Drevney Gretsii VIII–V vv. do n.e.* [Cultural revolution in Ancient Greece of the VIII–V Centuries BC]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Faculty of Philology Publ., 2000. 320 p. (in Russian).
14. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast' 1: Ot epicheskikh teokosmoginij do vzniknoveniya atomistiki* [Fragments from early Greek Philosophers. Part 1: From Epic Theocosmoginies to the Emergence of Atomistics]. Moscow, Nauka, 1989. 576 p. (in Russian).
15. Gegel' G. *Lektsii po istorii filosofii. Kn. 1* [Lectures on the History of Philosophy. Book 1]. St. Petersburg, Nauka, 1993. 349 p. (in Russian).
16. Bogomolov A. S. *Antichnaya filosofiya: uchebnik* [Ancient Philosophy: Textbook]. Moscow, Vysshaya shkola, 2006. 390 p. (in Russian).

References

1. Kocherov S. N. Does philosophy have a future? *Credo New*, 2015, no. 4 (84), p. 3 (in Russian).
2. Pronin M. A., Yudin B. G., Sineokaya Yu. V. Philosophy as expertise. *Filosofskij zhurnal* [Philosophical Journal], 2017, vol. 10, no. 4, pp. 79–96 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-2-79-96>
3. Balashov L. E. *Prakticheskaya filosofiya ili sofologiya* [Practical Philosophy or Sophology]. Moscow, MZ-Press, 574 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 27.07.2023; одобрена после рецензирования 01.09.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 27.07.2023; approved after reviewing 01.09.2023; accepted for publication 13.11.2023

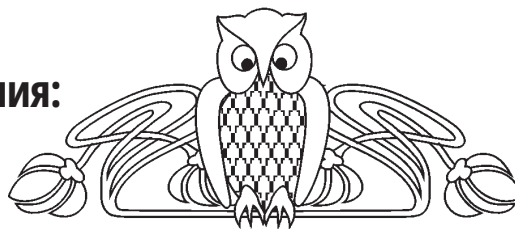

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 389–393
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 389–393
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-389-393>, EDN: JSQXAG

Научная статья
УДК 174:614.253

Феномен терапевтического заблуждения: биоэтический аспект

М. А. Нартова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Нартова Мария Андреевна, аспирант кафедры философии и методологии науки, m.nartova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2069-791X>

Аннотация. Введение. Доказательная медицина строится на нескольких фундаментальных принципах, одним из которых является обязательное изучение свойств лекарственных средств в ходе клинических исследований при участии человека как испытуемого. В статье исследуется феномен терапевтического заблуждения, обусловленный непониманием участниками клинических исследований научных целей биомедицинских экспериментов и ошибочным ожиданием терапевтических преимуществ от участия в них. Выявляются методологические решения, способствующие возникновению терапевтического заблуждения, также выделяются основные биоэтические риски этого феномена. **Теоретический анализ.** Показано, что основным проблемным аспектом в достижении надлежащего понимания добровольцами целей клинических исследований является процедура получения информированного добровольного согласия, а главным биоэтическим риском является нарушение принципа автономии пациента. В пандемию COVID-19 новым фактором риска стала неоднородность терапевтических стратегий, обусловленная нехваткой знаний о новом патогене, и, как результат, невозможность адекватно оценить риски и преимущества предполагаемого лечения как пациентом, так и врачом. **Заключение.** Формулируется вывод о необходимости пересмотра процедуры получения информированного добровольного согласия и проведения дополнительного анализа методологии клинических исследований для снижения рисков возникновения терапевтического заблуждения.

Ключевые слова: клинические исследования, пандемия, терапевтическое заблуждение, биоэтика, принцип автономии

Для цитирования: Нартова М. А. Феномен терапевтического заблуждения: биоэтический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 389–393. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-389-393>, EDN: JSQXAG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Phenomenon of a therapeutic misconception: Bioethical aspect

M. A. Nartova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Maria A. Nartova, m.nartova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2069-791X>

Abstract. Introduction. The obligatory study of medical drugs during clinical trials conduction can be named as one of the fundamental principles of evidence-based medicine. The article deals with the phenomenon of a therapeutic misconception occurring in volunteers participating in such experiments, who failed to understand the scientific goals of clinical trials and incorrectly expect the therapeutical advantages linked with such a participation. It is analyzed which methodological decisions can cause a therapeutic misconception, and also the main bioethical risks associated with this phenomenon are indicated. **Theoretical analysis.** It is shown that the procedure of the receipt of informed consent form is the main problematic aspect for an adequate understanding of clinical trials' goals by its volunteers, and violation of the principle of patient autonomy can be named as a primary bioethical risk. During the COVID-19 pandemic there has been a heterogeneity of therapeutic strategies fixed because of the lack of knowledge about the new pathogen. As a result, the inability to adequately assess the risks of the intended treatment both by a patient and a doctor became a new factor that caused the therapeutic misconception. **Conclusion.** The procedure for obtaining informed consent form is supposed to be revised, the additional analysis of the methodology of clinical trials should be done to reduce the risk of a therapeutic misconception.

Keywords: clinical trials, pandemic, therapeutic misconception, bioethics, patient autonomy

For citation: Nartova M. A. Phenomenon of a therapeutic misconception: Bioethical aspect. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 389–393 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-389-393>, EDN: JSQXAG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Парадигма современной доказательной медицины строится на нескольких фундаментальных принципах, одним из которых является принцип обязательного изучения эффективности и безопасности лекарственных средств в ходе клинических исследований при участии человека как испытуемого. Известно, что добровольцы таких экспериментов не всегда понимают научную цель клинических исследований и экспериментального статуса предлагаемой фармакотерапии, ожидая терапевтических преимуществ от участия в них. В статье проводится анализ методологических предпосылок возникновения этого феномена, получившего название терапевтического заблуждения, а также рассматриваются некоторые биоэтические риски, связанные с ним.

Теоретический анализ

Клинические исследования, будучи неотъемлемой частью современной доказательной медицины, проводятся для изучения эффективности и безопасности лекарственных средств. Учитывая, что субъектом таких исследований является человек, научное сообщество постулирует необходимость соблюдения строгих методологических и этических правил при их проведении. В 70-х гг. XX в. был сформулирован один из принципов биоэтики – принцип уважения автономии личности, реализация которого позволяет пациенту принять автономное решение об участии в исследовании [1, с. 8]. На правовом уровне реализация принципа автономии закрепляется в необходимости получения от пациента информированного добровольного согласия (далее – ИДС) до его участия в клиническом исследовании. Несмотря на то, что международные стандарты, в частности Хельсинкская декларация (п. 2), детализируют аспекты, которые быть учтены потенциальным участником клинических испытаний [2], далеко не все испытуемые понимают цели, задачи, риски и преимущества от участия в таких биомедицинских экспериментах [3].

Впервые факт некорректного понимания добровольцами целей клинических исследований был описан американскими учеными Апфельбаумом, Ротом и Лидзом в 1982 г. и получил определение «терапевтическое заблуждение» [4]. Так, пациенты исследования, не имея на то оснований, ожидали положительных терапевтических результатов от участия в эксперименте,

преуменьшая возможные негативные аспекты, обусловленные экспериментальным характером исследования [5]. В отечественной научной литературе эта проблематика разрабатывается такими учеными, как Н.В. Семенова, М. Г. Янушко, Ю. А. Яковлева [6, 7]. На «неумение пациентов различать лечение и биомедицинское исследование» обращали внимание Р. Р. Белялетдинов, Е. Г. Гребенщикова, Л. П. Киященко, О. В. Попова, П. Д. Тищенко, Б. Г. Юдин [8, с. 16].

Апфельбаум, Рот и Лидз назвали фактором риска развития терапевтического заблуждения недостаточное информирование пациентов относительно методологии исследования. В этом случае пациенты были склонны давать некорректные оценки терапевтическому потенциалу исследования, считая, что методология эксперимента намеренно разработана так, чтобы принести им терапевтическую пользу. Однако, даже те пациенты, которые предварительно получали подробные разъяснения касательно методологии исследования, включая описание процедуры рандомизации с распределением в экспериментальную (исследуемый препарат) или контрольную группы (плацебо: не обладающий терапевтическими свойствами аналог лекарственного вещества), были склонны ожидать положительных терапевтических эффектов от участия в исследовании.

Оппоненты теории терапевтического заблуждения, вероятно, могли бы апеллировать ко времени, когда были зафиксированы данные примеры: до внедрения интернет-технологий факт недоступности информации и возможностей оперативной связи с врачом-исследователем мог являться аргументом в пользу характеристики терапевтического заблуждения как маркера определенной эпохи. Тем не менее подобные случаи, зафиксированные в XXI в., свидетельствуют об обратном: примеры терапевтического заблуждения были описаны Хендерсоном и соавторами (2006 г.) [9], Янсен и соавторами (2016 г.) [10].

Другим аспектом критического анализа является нозология, в рамках которой фиксируется часть случаев терапевтического заблуждения – психиатрия. Можно предположить, что пациенты с нарушением когнитивных функций более склонны к некорректной оценке научного потенциала клинических исследований. Однако, как отмечает доктор медицинских наук Н. В. Семенова, «при изменении формы предъявления информации, необходимой для принятия решения <...>, процент ее усвоения достоверно не отличается от такового у здоровых людей» [7, с. 64].

Исследуя методологические предпосылки возникновения терапевтического заблуждения, особое внимание стоит уделить процедуре получения ИДС. Известно, что многие пациенты даже после выражения согласия на участие в исследовании обладают ограниченными знаниями относительно его методологии и сопутствующих рисков [6]. Рассмотрим некоторые примеры из исследовательской практики для формулирования методологических предпосылок возникновения терапевтического заблуждения.

В 2014 г. Эрнандес, Банос и Маджи Фаре проанализировали 740 протоколов исследований разных нозологий, показав, что во многих изученных исследованиях в ИДС содержалась унифицированная информация о плацебо, причем далеко не все ИДС включали описания рисков, связанных с возможностью попасть в контрольную группу [11]. Исследователи обращают внимание на проблемный аспект ИДС: несмотря на ожидаемую комплексность процесса, его получение «сводится к постановке галочки» [12, с.116], что актуализирует вопрос о степени вовлечения врача в данный процесс. Похожее проблемное поле обозначают Т. А. Сидорова и Е. Ю. Жичина, констатируя, что «тотальность и формализация процедуры выражения согласия разрушают доверие и приводят к отчуждению медицинских профессионалов и пациентов» [13, с. 243–244]. Сильверман и соавторы подчеркивают, что ИДС в форме бумажного носителя информации не является исчерпывающим решением для формирования достаточного объема знаний об исследовании у потенциального пациента, называя именно беседу с врачом неотъемлемым аспектом получения ИДС [14].

Это позволяет сформулировать предположение о необходимости пересмотра методологических оснований процедуры получения ИДС: рассмотрения возможности внедрения онлайн-формы динамического ИДС процедуры персонализированной верификации степени понимания пациентами рисков и преимуществ от участия в исследовании [15]. Важным представляется внесение в ИДС информации о том, что исследование может быть приостановлено в любой момент при обнаружении опасности для жизни и здоровья его участников.

Описанные примеры актуализируют такие аспекты, как определение достаточного количества информации об исследовании, предоставляемой его потенциальным участникам, механизмы проверки адекватного восприятия пациентами такой информации, способы выявления врачами пациентов из группы риска,

которые с большей степенью вероятности подвержены риску возникновения терапевтического заблуждения. Одной из главных биоэтических проблем в данном контексте является проблема нарушения принципа автономии пациента, когда потенциальный участник дает свое согласие на включение в исследование, не имея исчерпывающего представления о его рисках, целях и преимуществах. Это заключение соотносится с позицией ведущих отечественных специалистов в области биоэтики, в частности Б. Г. Юдина [8]. Другим проблемным аспектом стоит считать влияние терапевтического заблуждения на прозрачность процедуры включения пациентов в исследования. Если пациент не осознает или не полностью осознает риски, сопряженные с участием в таком эксперименте, то существует вероятность злоупотреблений в вопросах получения ИДС со стороны медицинского персонала.

Проблема терапевтического заблуждения актуализировалась во время пандемии COVID-19, когда регуляторы столкнулись с ситуацией тотальной неопределенности относительно патогенеза новой инфекции Sars-Cov-2. Возможно ли реализовать принцип автономии, когда одобренных протоколов лечения еще нет, но уже требуется принимать решение? В пандемию ожидаемые риски и польза от терапии не могли быть своевременно представлены пациенту в полном объеме. Стоит согласиться с Е. В. Брызгалиной в том, что «граница между исследованием и терапией стала принципиально неопределенной» [16, с. 49], что позволяет сформулировать гипотезу для дальнейших исследований: подобная терапевтическая неопределенность, вероятно, допускает попадание в группу риска возникновения терапевтического заблуждения не только пациентов, но и самих врачей, фактически расширяя область применения данного термина и подразумевая его использование не только по отношению к пациентам, но и по отношению к исследователям.

Заключение

За более чем 40 лет существования феномена терапевтического заблуждения (а вне терминологического поля этот срок превышает указанный период) врачам и исследователям не удалось разработать исчерпывающих механизмов, позволяющих исключить его из проблемной повестки биомедицинских экспериментов при участии человека как испытуемого. Показано, что одним из основных методологических рисков возникновения терапевтического заблуждения в

клинических исследованиях является процесс получения ИДС. Диджитализация большинства сфер, включая медицину, а также социокультурные вызовы современности, такие как пандемия COVID-19, позволяют сформулировать тезис о необходимости пересмотра существующих форм ИДС и процесса его получения. Проблема терапевтического заблуждения в контексте процесса получения ИДС требует дальнейшего изучения и разработки научным сообществом методологических и правовых механизмов нивелирования биоэтических рисков.

Список литературы

1. Faden R. R., Beauchamp T. L. A history and theory of informed consent. Oxford University Press, 1986. 408 p.
2. World Medical Association. Declaration of Helsinki (1964). Ethical principles for medical research involving human subjects (with clarifications). URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-helsinki-ethical-principles-for-medical-research-involving-human-subjects/> (дата обращения: 21.06.2023).
3. Jefford M., Moore R. Improvement of informed consent and the quality of consent documents // *The Lancet Oncology*. 2008. Vol. 9, № 5. P. 485–493. [https://doi.org/10.1016/S1470-2045\(08\)70128-1](https://doi.org/10.1016/S1470-2045(08)70128-1)
4. Appelbaum P. S., Roth L. H., Lidz C. The therapeutic misconception: Informed consent in psychiatric research // *International Journal of Law and Psychiatry*. 1982. Vol. 5, № 3–4. P. 319–329.
5. Radcliffe N. M., Klein W. M. Dispositional, unrealistic, and comparative optimism: Differential relations with the knowledge and processing of risk information and beliefs about personal risks // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28. P. 836–846. <https://doi.org/10.1177/0146167202289012>
6. Семенова Н. В., Янушко М. Г., Яковлева Ю. А. Этические проблемы информированного добровольного согласия у больных шизофренией в связи с особенностями их когнитивного функционирования // *Обзорные психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева*. 2018. № 4. С. 108–116. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2018-4-108-116>
7. Семенова Н. В. Информированное согласие и границы автономии в клинических исследованиях с участием уязвимых групп пациентов // *Медицинская этика*. 2018. Т. 6, № 1. С. 63–65.
8. Белялетдинов Р. Р., Гребенщикова Е. Г., Киященко Л. П., Попова О. В., Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Социогуманитарное обеспечение проектов персонализированной медицины: философский аспект // *Знание. Понимание. Умение*. 2014. № 4. С. 12–26.
9. Henderson G. E., Easter M. M., Zimmer C., King N. M. P., Davis A. M., Rothschild B. B., Churchill L. R., Wilfond B. S., Nelson D. K. Therapeutic misconception in early phase gene transfer trials // *Social Science & Medicine*. 2006. Vol. 62, № 1. P. 239–253. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.05.022>
10. Jansen L. A., Mahadevan D., Appelbaum P. S., Klein W. M. P., Weinstein N. D., Mori M., Daffe R., Sulmasy D. P. Dispositional optimism and therapeutic expectations in early-phase oncology trials // *Cancer*. 2016. Vol. 122, № 8. P. 1238–1246. <https://doi.org/10.1002/cncr.29908>
11. Hernandez A., Banos J.-E., Llop C., Farre M. The definition of placebo in the informed consent forms of clinical trials // *PloS one*. 2014. Vol. 9, № 11. P. e113654. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0113654>
12. Коваль Е. А., Мартынова М. Д., Жадунова Н. В. Информированное согласие в эпоху больших данных: необходимость нормативного обновления // *Этическая мысль*. 2020. Т. 20, № 2. С. 115–131. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2020-20-2-115-131>
13. Сидорова Т. А., Жичина Е. Ю. Биоэтическое содержание информированного добровольного согласия // *Медицинское право: теория и практика*. 2016. Т. 2, № 1 (3). С. 239–244.
14. Silverman H. J., Luce J. M., Lanken P. N., Morris A. H., Harabin A. L., Oldmixon C. F., Thompson B. T., Bernard G. R. Recommendations for informed consent forms for critical care clinical trials // *Critical care medicine*. 2005. Vol. 33, № 4. P. 867–882. <https://doi.org/10.1097/01.ccm.0000159201.08203.10>
15. Haas M. A., Teare H., Prictor M., Ceregra G., Vidgen M. E., Bunker D., Kaye J., Boughtwood T. ‘CTRL’: An online, Dynamic Consent and participant engagement platform working towards solving the complexities of consent in genomic research // *European Journal of Human Genetics*. 2021. Vol. 29, № 4. P. 687–698. <https://doi.org/10.1038/s41431-020-00782-w>
16. Брызгалова Е. В. Биоэтика пандемии: абрис проблемного поля // *Человек*. 2020. Т. 31, № 4. С. 41–56. <https://doi.org/10.31857/S023620070010930-0>

References

1. Faden R. R., Beauchamp T. L. *A history and theory of informed consent*. Oxford University Press, 1986. 408 p.
2. World Medical Association. *Declaration of Helsinki (1964). Ethical principles for medical research involving human subjects (with clarifications)*. Available at: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-helsinki-ethical-principles-for-medical-research-involving-human-subjects/> (accessed June 21, 2023).
3. Jefford M., Moore R. Improvement of informed consent and the quality of consent documents. *The Lancet Oncology*, 2008, vol. 9, no. 5, pp. 485–493. [https://doi.org/10.1016/S1470-2045\(08\)70128-1](https://doi.org/10.1016/S1470-2045(08)70128-1)
4. Appelbaum P. S., Roth L. H., Lidz C. The therapeutic misconception: Informed consent in psychiatric research. *International Journal of Law and Psychiatry*, 1982, vol. 5, no. 3–4, pp. 319–329.

5. Radcliffe N. M., Klein W. M. Dispositional, unrealistic, and comparative optimism: Differential relations with the knowledge and processing of risk information and beliefs about personal risks. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2002, vol. 28, pp. 836–846. <https://doi.org/10.1177/0146167202289012>
6. Semyenova N. V., Yanushko M. G., Yakovleva Yu. A. Ethical issues of the informed consent procedure in schizophrenia patients in view of cognitive dysfunction. *Obozreniye psikiatrii i meditsinskoy psikhologii imeni V. M. Bekhtereva* [V. M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology], 2018, no. 4, pp. 108–116 (in Russian). <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2018-4-108-116>
7. Semenova N. V. Informed consent and borders of autonomy in clinical trials with participation of vulnerable groups of patients. *Meditsinskaya etika* [Medical ethics], 2018, vol. 6, no. 1, pp. 63–65 (in Russian).
8. Belyaletdinov R. R., Grebenschchikova E. G., Kiyashchenko L. P., Popova O. V., Tishchenko P. D., Yudin B. G. Socio-humanitarian support for projects in personalized medicine: The philosophical aspect. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2014, no. 1, pp. 12–26 (in Russian).
9. Henderson G. E., Easter M. M., Zimmer C., King N. M. P., Davis A. M., Rothschild B. B., Churchill L. R., Wilfond B. S., Nelson D. K. Therapeutic misconception in early phase gene transfer trials. *Social science & medicine*, 2006, vol. 62, no. 1, pp. 239–253. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.05.022>.
10. Jansen L. A., Mahadevan D., Appelbaum P. S., Klein W. M. P., Weinstein N. D., Mori M., Daffe R., Sulmasy D. P. Dispositional optimism and therapeutic expectations in early-phase oncology trials. *Cancer*, 2016, vol. 122, no. 8, pp. 1238–1246. <https://doi.org/10.1002/cncr.29908>
11. Hernandez A., Banos J.-E., Llop C., Farre M. The definition of placebo in the informed consent forms of clinical trials. *PloS one*, 2014, vol. 9, no. 11, pp. e113654. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0113654>
12. Koval E. A., Martynova E. A., Zhadunova M. D. Informed consent form in the big data era: the need for regulatory update. *Eticheskaya mysl* [Ethical Thought], 2020, vol. 20, no. 2, pp. 115–131 (in Russian). <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2020-20-2-115-131>
13. Sidorova T. A., Zhichina E. Yu. Bioethical content of informed consent form. *Meditsinskoye pravo: teoriya i praktika* [Medical Law: Theory and Practice], 2016, vol. 2, no. 1 (3), pp. 239–244 (in Russian).
14. Silverman H. J., Luce J. M., Lancken P. N., Morris A. H., Harabin A. L., Oldmixon C. F., Thompson B. T., Bernard G. R. Recommendations for informed consent forms for critical care clinical trials. *Critical Care Medicine*, 2005, vol. 33, no. 4, pp. 867–882. <https://doi.org/10.1097/01.ccm.0000159201.08203.10>
15. Haas M. A., Teare H., Prictor M., Ceregra G., Vidgen M. E., Bunker D., Kaye J., Boughtwood T. ‘CTRL’: An online, Dynamic Consent and participant engagement platform working towards solving the complexities of consent in genomic research. *European Journal of Human Genetics*, 2021, vol. 29, no. 4, pp. 687–698. <https://doi.org/10.1038/s41431-020-00782-w>
16. Bryzgalina E. V. Bioethics of pandemia: Mapping the problem area. *Chelovek* [The Human Being], 2020, vol. 21, no. 4, pp. 41–56 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S023620070010930-0>

Поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 13.11.2023
 The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 12.10.2023; accepted for publication 13.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 394–398

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 394–398

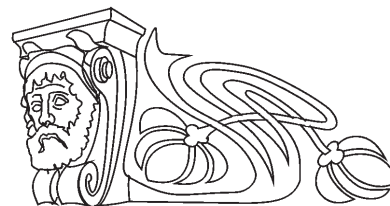
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-394-398>, EDN: GJTZYX

Научная статья

УДК [316:1]+[2:1]+141.8

Социализм vs христианство: идеологические причины противостояния

И. А. Новиков

Краснодарский кооперативный институт, Россия, 350015, г. Краснодар, ул. им. Митрофана Седина, д. 168/1

Новиков Иван Александрович, кандидат философских наук, доцент, преподаватель кафедры социально-правовых и гуманитарных дисциплин, novikovia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8099-222X>

Аннотация. Введение. Объектом исследования, осуществляемого в статье, является сознание современного общества, которое представляет собой внутренне противоречивый конгломерат, включающий как христианские, так и антихристианские моменты. Предмет исследования – религиозное содержание социалистической программы переустройства общества. Методической основой исследования служат труды отечественных авторов – представителей русской религиозной философии. **Теоретический анализ.** Социализм есть альтернативная христианству религиозная позиция (не учение, поскольку он не осознает себя религией, но позиция), которая специфицируется тем, что является бунтом против Бога. Социализм не отрицает Бога (почему он и бунтует против Него), но он отрицает религию, т. е. связь Бога и человека, ее формы и содержание и претендует создать свой суррогат религии. Ввиду этого социализм необходимо квалифицировать как антихристианство, но не как атеизм. Сутью социалистической «религии» является разочарование в человеке, отрицание, вследствие этого права человека на свободу и утверждение необходимости тотального контроля со стороны общества и государства над человеком и людьми. **Заключение.** Отрицать религию может только религия, поэтому отрицающую христианство идеологию социализма необходимо квалифицировать как своеобразную религию.

Ключевые слова: социализм, христианство, религия, атеизм, свобода, любовь, оправдание, искупление

Для цитирования: Новиков И. А. Социализм vs христианство: идеологические причины противостояния // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 394–398. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-394-398>, EDN: GJTZYX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Socialism vs Christianity: Ideological reasons for the confrontation

I. A. Novikov

Krasnodar Cooperative Institute, 168/1 Mitrofana Sedina St., Krasnodar 350015, Russia

Ivan A. Novikov, novikovia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8099-222X>

Abstract. Introduction. The object of research carried out in the article is the consciousness of modern society, which is an internally contradictory conglomerate, including both Christian and anti-Christian moments. The subject of the study is the religious content of the socialist program for the reorganization of society. The methodological basis of the study is the works by Russian authors, who are defined as representatives of Russian religious philosophy. **Theoretical analysis.** Socialism is an alternative to Christianity religious position (not a doctrine, since it does not recognize itself as a religion, but a position) which is specified by the fact that it is a rebellion against God. Socialism does not deny God (that is why it rebels against Him), but it denies religion, the connection between God and a man, its forms and content, and claims to create its own surrogate religion. Whereupon socialism must be qualified as anti-Christianity, but not as atheism. The essence of the socialist “religion” is disappointment in man, denial the right of a man to freedom as a result, and the assertion of the need for total control by society and the state over a man and people. **Conclusion.** The religion can be denied only by the religion. Therefore the ideology of socialism that denies Christianity must be qualified as a religion sui generis.

Keywords: socialism, Christianity, religion, atheism, freedom, love, justification, redemption

For citation: Novikov I. A. Socialism vs Christianity: Ideological reasons for the confrontation. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 394–398 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-394-398>, EDN: GJTZYX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В контексте идущего последние годы неосоветского ренессанса предпринимается все

больше попыток сблизить каким-либо образом христианскую и социалистическую концепции устройства общества, в той, разумеется, степени, в какой можно использовать в отношении хри-

стианства термин «концепция». Попытки такого сближения состоят в том, что, помимо рассказов о справедливости и эффективности социалистического устройства общества, об исторической неизбежности торжества социализма во всем мире нам начинают рассказывать еще и о «точках пересечения» христианства и социализма, что социализм можно рассматривать как практическую реализацию христианских принципов. При этом общеизвестные факты террора в отношении священства, монашества и простых верующих, уничтожения храмов и монастырей пытаются объяснить, с одной стороны, тем, что Церковь «сама виновата», с другой – начинают рассуждать о «трагическом непонимании» между Советской властью и верующими, о «человеческом факторе» и т. д. Нам могут заметить, что такая борьба с христианством велась не во всех социалистических государствах. Что в так называемых «странах народной демократии» она или не велась, или – почти отсутствовала. Мы ответим, что эти факты нужно понимать только как отступления от социалистической идеологии, диктуемые политическими соображениями. «Страны народной демократии» были фасадом и витриной социалистического строя для Европы. Только поэтому принципы социализма осуществлялись в них не столь «последовательно», как в СССР или в Азии.

Мы в данной статье исходим из того, что противостояние социалистической идеологии христианству это не ошибка, не случайность, не проявление чьей-либо злой воли, но элемент единой и достаточно последовательной концепции, изложение которой мы бы и хотели предложить читателю. Начнем мы это изложение с положений Ф. М. Достоевского из «Легенды о Великом инквизиторе» (в той степени, в какой художественный текст может быть интерпретирован как философский) и В. В. Розанова из его работы «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария».

Теоретический анализ

«Легенда о Великом инквизиторе» Достоевского – это притча, которую в романе «Братья Карамазовы» Иван Карамазов рассказывает своему младшему брату Алеше. Однако, прежде чем мы перейдем к собственно «Легенде...», нужно сказать несколько слов по поводу предыдущей главы романа, которая называется «Бунт». Названная притча выступает как ответ на проблему, заявленную в «Бунте». В чем состоит эта проблема? Иван начинает с того, что он верит в Бога и

нисколько не сомневается в Его существовании. Подчеркнем этот момент. Очень часто социалистические попытки устроить «рай на земле» интерпретируют как атеизм и богоборчество. Как следует из слов Ивана, атеизм тут совсем не необходим: социалист – а сам Достоевский считал «Легенду...» проповедью именно социализма – вполне искренне может верить в Бога. Проблема социалиста состоит в том, что он не принимает мир, созданный Богом. Точнее, не принимает человеческую историю со всеми ее противоречиями. Эта история полна страданиями людей, и ладно бы, – говорит Иван, – если страдали бы только согрешившие, виновные в чем-либо, но ведь страдают и невинные, страдают и дети, просто не успевшие стать виновными. Вот это безвинное страдание Иван и не принимает. Даже если в конце истории к нам снова придет Христос, и наступит царство всеобщей гармонии, это, – считает Иван, – не окупит тех страданий. Точнее, с его точки зрения, не должно окупить, в его сердце эти страдания, даже после прихода Христа, останутся безутешными. Поэтому Иван, как он выражается, «почтительнейше возвращает Богу свой билет в Царствие Небесное». Подчеркнем также и этот момент. Социалист оправдывает себя и свое учение тем, что для него нетерпимы безвинные страдания, что такие страдания нельзя, не должно прощать, а поэтому можно пойти на любые меры, чтобы этих страданий не было. Однако, когда Алеша напоминает Ивану, что «невозможное человекам возможно Богу», (Лк, 18:27) что есть Тот, Кто «может простить всех и вся и за все», обнаруживается, что дело не только и не столько в этих страданиях. Обнаруживается, что претензии Ивана к Богу гораздо глубже и существенней, по каковой причине излагаемая глава и получила название «Бунт» [1, с. 251–260; 2, с. 96–119]. Таким образом мы переходим к «Легенде...»

Не останавливаясь на сюжете, сформулируем кратко суть представлений о Боге и человеке, которые содержатся в этой притче. Христианский Бог делает человека свободным, но человек не достоин этой свободы и поэтому использует ее во зло: причиняет страдания себе самому, другим людям, животным, вообще всему окружающему.

Из этого следуют два вывода. Первый: дав человеку свободу, Бог ошибся, «любя человека, Ты поступил, как если бы не любил его». Эта ошибка выразилась в том, что Христос отверг три искушения, которые предлагал Ему в пустыне «умный Дух». Он отказался превратить камни в хлеба, т. е. отказался накормить людей, ответив, что человек живет «не хлебом единым».

Он отказался прыгнуть с высоты, чтобы ангелы подхватили Его в полете, не дав разбиться, т. е. отказался от зримого, наглядного подтверждения истинности веры, чуда. И, наконец, Он отказался от политической власти, власти над всеми царствами земными, которую предлагал Ему «Дух». Эти три отказа имели своей причиной желание свободного подчинения человека Христу и именно оно было ошибкой: на такое свободное подчинение человек не способен. Точнее, на него способны лишь немногие – сильные, большинство же слабы и поэтому – не способны. Любить же нужно всех, а не немногих.

Второй: для пользы человека его необходимо лишить свободы, дарованной ему Христом. Конечно, будучи лишенным этой свободы, человек будет страдать. Но это контролируемое, причиняемое по необходимости, для блага самого этого человека, страдание будет гораздо меньше и гораздо полезнее, чем хаотическое и бесцельное страдание, которое присутствует в историческом бытии человека сейчас. Предлагаем такую аналогию: зубной врач или хирург, конечно же, причиняют пациенту боль, но эта боль имеет оправдание в излечении человека, следующем за этой болью. Вот такими «зубными врачами», лечащими болезни человечества, как представляется, и мыслят себя социалисты [1, с. 260–277; 2, с. 119–161].

Социализм не обязательно может осуществляться только в советском варианте, с полным уничтожением частной собственности и контролем государства не только над экономикой, но и над образом мыслей и даже над модой. Возможен и «вегетарианский» социализм, как, например, в современной Швеции. Однако всегда он остается ограничением свободы человека: пусть не таким, как это было в СССР, но свободы распоряжения своими доходами. Мы вновь имеем в виду современную Швецию.

Дополним положения Достоевского и Розанова положениями еще двух православных авторов, одного – досоветского, С. Ф. Шарапова, другого – несветского, т. е. после революции выдвинутого за границу, С. Л. Франка.

Шарапов утверждает, что социализм есть антихристианство. Снова обратим на это особое внимание. Не атеизм, не отрицание Бога, а антихристианство, отрицание христианской религии. Доказывает он это следующим образом.

С одной стороны, социальный идеал социализма, общественное устройство, к которому призывают социалисты, практически не отличим от социального идеала христианства. То, что описывается в «Деяниях святых апостолов»:

«...Никто ничего из имения своего не называл своим, но все было у них общее... не было между ними никого бедного; ибо все владельцы поместий или домов, продавая оные, приносили цену проданного. И полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду» [цит. по: 3, с. 283]. И монастырское устройство: когда человек не только свое имущество полагает к ногам руководителей, но и самого себя, свою волю, свои умственные и физические силы ставит на службу обществу; мы имеем в виду обет послушания. Чем это отличается от того, что было в СССР? Почему социализм – это и не христианство, и – антихристианство?

Потому что, с другой стороны, основа всего вышеописанного в социализме радикально иная. Если в христианстве основа всего любовь, отдельные люди в апостольской общине образовывали единое целое на основе того, что «у многочисленного же общества верующих было одно сердце и одна душа», то в социализме основой всего становится... ненависть. Важно понимать, что это не несколько не преувеличение. Суть социализма состоит в перераспределении. Богатые – это люди, использующие свою свободу во зло: для только личного обогащения, а не для помощи неимущим. Поэтому их необходимо лишить их имущества, лишить свободы распоряжения этим имуществом, чтобы накормить бедных. Защитники социализма могут сказать нам, что суть социализма не только в перераспределении, но и в производстве. Однако производство имеет место и при капитализме, и при феодализме, и при рабовладении. А это значит, что специфику социализма, т. е. его суть, составляет все-таки перераспределение, а отнюдь не производство. В этой связи уместно привести цитату из статьи В. И. Ленина «Как организовать соревнование»: «Учет и контроль за количеством труда и за распределением продуктов – в этом суть социалистического преобразования» [4, с. 147].

Чтобы сплотить бедных в их противостоянии богатым, чтобы у бедных появились силы лишить богатых их имущества, любовь не необходима, тут вполне хватает ненависти. Бандит, обирающий прохожего в темном переулке, может быть полностью чужд любви, лишая людей имущества у него при этом, все равно, получится. Таким образом, любовь в социалистическом перераспределении присутствовать может, но она вновь, как говорилось выше, не составляет специфику этого перераспределения, поскольку может и отсутствовать. А вот ненависть необходимо присутствует в этом перераспределении: без нее это перераспределение происходить не сможет.

Из вышеизложенного С. Ф. Шарапов делает вывод, согласно которому социализм есть христианство «с отрицательным знаком». Это значит, что социализм есть антагонист христианства. Он претендует на то же место в душе человека, которое занимает христианство, но при этом побудительные мотивы его иные, противоположные христианским. Следовательно, социализм претендует заместить собой христианство, т.е. является именно антихристианством [3, с. 273–300].

Несколько иначе ведет полемику с социализмом Франк. Он обращает внимание на то, что христианство и социализм по-разному понимают причину противоречий исторического бытия человека. Для христианства причина этих противоречий лежит еще и в греховной природе человека. Поэтому никакое совершенствование общественного устройства, которое само по себе, конечно же, необходимо и имеет свои положительные результаты, не может полностью изжить эти противоречия. Следовательно, помимо совершенствования общества, необходима и религия, которая облагораживает не общество, а отдельных людей. Для социализма же причина зла в жизни человека состоит только в неправильном общественном устройстве.

Здесь нам потребуется немного развить и дополнить положения Франка. Откуда берется эта безграничная вера социалистов в благотворную силу правильного общественного устройства? Франк прямо не называет социалистов наследниками Просвещения, но он пишет, что христианину нельзя быть социальным утопистом, что христианин не должен разделять мысли Руссо, что только неправильное общественное устройство не дает человеку осуществить заложенные в нем благие начала. Поскольку Франк противопоставляет христианство и социализм, получается, что социализм исповедует идеалы именно Просвещения. Представляется, что положение дел тут несколько иное. Мы уже сказали, излагая взгляды Достоевского и Розанова, что, с точки зрения социалистов, человек не достоин дарованной ему Богом свободы, т. е. социализм есть разочарование в человеке. Отсюда следует, во-первых, что социализм лишает человека свободы, понимаемой именно в религиозном смысле; во-вторых, социализм в отличие от Просвещения не есть антропоцентризм, он не верит в человека, его можно квалифицировать только как своеобразный теоцентризм. Соответственно, с точки зрения социалистов, сделать человека лучше можно только внешним принуждением: если преобразовать общество

в соответствии с социалистическим учением, зло полностью уйдет из жизни общества. Тот же В. И. Ленин в своем труде «Государство и революция» на полном серьезе утверждал, и эти его слова стали руководством к действию в советской юриспруденции, что при коммунизме преступлений не будет, будут только отдельные эксцессы, с которыми будут справляться сами граждане. Поэтому, поскольку СССР мыслится как этап движения к коммунизму, в нем не было полиции, и была милиция – военизированные добровольные объединения граждан для охраны общественного порядка.

Если «внутри» человека взывать не к чему, значит религия не нужна. В идеологии социализма религия становится не необходима. У коммунистов религия становится пережитком классового общества и по этой причине вредной, тем, с чем необходимо вести борьбу, что мы и наблюдаем с периодическими усилениями и затуханиями всю историю СССР.

Франк говорил, что социализм требует от человека того же, что требует от него христианство, но побудительные мотивы такого поведения меняются. Если в христианстве эти поступки диктуются внутренними потребностями самого человека, его христианской совестью, то в социализме с его преувеличением роли общественного устройства вообще и государства в частности в жизни человека эти поступки диктуются только извне обществом или государством. Франк утверждал, что такой внешний диктат в этих вопросах приводит к измене религии благодати и свободы и впадению в фарисейство, в религию законничества и внешних дел. И поскольку «Господь есть Дух и где Дух Господень, там и свобода» (2 Кор. 3:17), мы вновь, как и при рассмотрении положений Шарапова, приходим к выводу о том, что социализм есть пародия и карикатура на христианство, т. е. антихристианство [5, с. 234–241].

Заключение

Первое: нельзя не презирать того или то, в чем ты разочаровался. Поэтому исходный пункт идеологии социализма – это презрение к человеку, что и определяет все ее характерные черты. В социалистической идеологии нет любви к человеку, потому что невозможно любить того или то, кого или что ты презираешь. Из этого следует, во-первых, что социализм – еще раз – есть антихристианство. Любовь является религиозным требованием только в христианстве (1 Ин. 4:7–8), а значит, социализм отрицает имен-

но христианство. Во-вторых, что более низкое качество жизни при социализме относительно «капитализма» (тех обществ, где социализма не было) объясняется отнюдь не историческими обстоятельствами, а отсутствием любви к человеку.

Второе: социализм есть антихристианство не только в том смысле, что он пытается заместить собой христианство или является пародией и карикатурой на христианство. Свобода человека понимается как ценность только в христианской религии. В язычестве все определяется судьбой и воздаянием, в иудаизме добродетель – это исполнение закона, в исламе – покорность Богу, в буддизме вообще любой выбор есть только иллюзия. Таким образом, становится понятно, что отрицающий свободу человека социализм отрицает не просто религию вообще, но еще и конкретно, и направленно именно христианство. Поэтому Франк говорил, что христианский социализм, при всей популярности этого термина есть *contradictio in adjecto* (противоречие в определении (лат.)), сиречь – внутренне противоречивое понятие, абсурд.

Вывод: притом, что в жизни достаточно часто бывают ситуации – война или стихийное бедствие, например, когда социализм является единственным возможным выходом, его идеология всегда остается антихристианством. Происходит так потому, что она идеология предстает, как уже говорилось, в качестве своеобразного теоцентризма, т. е. выполняет в сознании своего носителя функции религии. Веру может отрицать только вера. Поэтому христианскую веру в то, что человек достоин свободы, что основой жизни общества должна быть любовь, что поведение человека должно определяться не только «извне», но и «изнутри», может отрицать только вера в то, что свободы человек не достоин, что общество построено на ненависти, что поведение человека есть только производная от обществен-

ного устройства. Социализм есть ересь относительно христианства, и христианство есть ересь относительно социализма.

Список литературы

1. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. М. : Художественная литература, 1989. 335 с.
2. *Розанов В. В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария // Розанов В. В. Несовместимые контрасты жития. М. : Искусство, 1990. С. 37–224.
3. *Шарапов С. Ф.* Социализм как религия ненависти // Шарапов С. Ф. После победы славянофилов. М. : Алгоритм, 2005. С. 273–300.
4. *Ленин В. И.* Как организовать соревнование // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Издательство политической литературы, 1967. Т. 35. С. 146–150.
5. *Франк С. Л.* Проблема «христианского социализма» // Новый мир. 1990. № 4. С. 234–241.

References

1. Dostoevskiy F. M. *Brat'ya Karamazovy* [The Karamazov Brothers]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1989. 335 p. (in Russian).
2. Rozanov V. V. F. M. Dostoevsky's Legend of the Grand Inquisitor. An attempt of a critical commentary. In: Rozanov V. V. *Nesovmestimye kontrasty zhitiya* [Incompatible Contrasts of Life]. Moscow, Iskustvo, 1990, pp. 37–224 (in Russian).
3. Sharapov S. F. Socialism as a religion of hatred. In: Sharapov S. F. *Posle pobedy slavyanofilov* [After the Victory of the Slavophiles]. Moscow, Algoritm, 2005, pp. 273–300 (in Russian).
4. Lenin V. I. How to organize a competition. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij*: v 55 t. T. 35 [Lenin V. I. Complete works: in 55 vols. Vol. 35]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1967, pp. 146–150 (in Russian).
5. Frank S. L. The Problem of "Christian Socialism". *Novyj mir* [New World], 1990, no. 4, pp. 234–241 (in Russian).

Поступила в редакцию 30.07.2023; одобрена после рецензирования 13.10.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 30.07.2023; approved after reviewing 13.10.2023; accepted for publication 13.11.2023

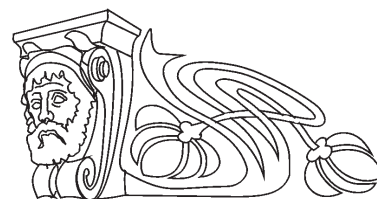
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 399–403
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 399–403
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-399-403>, EDN: IHZTCS

Научная статья
УДК 001.3

Положение науки в обществе потребления

О. В. Пащенко

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76

Пащенко Ольга Витальевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, o.pashchenko@list.ru. <https://orcid.org/0000-0002-6232-6407>

Аннотация. Введение. Наука в современной действительности тесно переплетена с культурными установками общества потребления и эта связь с каждым годом становится все крепче. Рыночная экономика, лежащая в основе культуры современного общества, является достаточно гибкой системой, подобно эквилибристу балансирующей между динамично меняющимся спросом и потреблением. **Теоретический анализ.** Чтобы не оказаться на периферии экономической системы, научному знанию необходимо проявлять те же свойства, что и рыночная экономика, в первую очередь гибкость. Наука, становящаяся отраслью производства, прежде чем производить, должна оценить результаты и продумать механизмы сбыта «продукта», т.е. полученных знаний либо инновационных технологий. **Заключение.** Ученые, выбирая темы своих научных исследований, должны четко понимать, что найдется потребитель готовый «купить» предлагаемый исследовательский продукт. При этом важно не забыть про «упаковку товара». Презентовать свое исследование необходимо таким образом, чтобы целевая аудитория не сомневалась в необходимости приобретенного. Финансирование получают проекты, которые смогли заинтересовать комиссию, предложить конкурентоспособный продукт. Ценности общества потребления неизбежно выступают как маркеры продуктивности научных исследований.

Ключевые слова: наука, общество потребления, эпистемология, рыночная экономика

Для цитирования: Пащенко О. В. Положение науки в обществе потребления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 399–403. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-399-403>, EDN: IHZTCS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The position of science in the consumer society

O. V. Pashchenko

South Ural State University (National Research University), 76 Lenin prospekt, Chelyabinsk 454080, Russia

Olga V. Pashchenko, o.pashchenko@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6232-6407>

Abstract. Introduction. Science in modern reality is closely intertwined with the cultural attitudes of the consumer society, and this connection is becoming stronger every year. The market economy, which underlies the culture of modern society, is a fairly flexible system, balancing like a tightrope walker between dynamically changing demand and consumption. **Theoretical analysis.** In order not to end up on the periphery of the economic system, scientific knowledge needs to show the same properties that a market economy does and, above all, flexibility. Science, becoming a branch of production, before producing must evaluate the results and think over the mechanisms for marketing the “product”, i.e. acquired knowledge or innovative technologies. **Conclusion.** Thus, scientists, choosing the topics for their scientific research, must clearly understand that there will be a consumer ready to “buy” the proposed research product. At the same time, it is important not to forget about the “product packaging”. It is necessary to present your research in such a way that the target audience does not doubt the need for its acquisition. Financing is received by those projects that were able to interest the commission and offer a competitive product. The values of the consumer society inevitably act as markers of the productivity of scientific research.

Keywords: science, consumer society, epistemology, market economy

For citation: Pashchenko O. V. The position of science in the consumer society. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 399–403 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-399-403>, EDN: IHZTCS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Со времен формирования науки как социального института в обществе сложилось особое к ней отношение как к универсальной

силе, способной вывести человечество на новый технический и нравственный уровень. Однако современность вносит свои коррективы и меняет не только отношение общества к науке, но и ее саму.

Необходимо понимать, что трансформации неизбежны, и научные исследования так или иначе должны быть привязаны к потребностям и нуждам общества на определенном этапе исторического развития. Культура общества потребления, особенности экономического уклада ставят в зависимость ученых от финансирования исследовательских начинаний. Вкладывая же средства в любые идейные начинания ученых нерентабельно, так как, помимо основной функции науки – поиск истины, у нее есть еще одна не менее важная – преобразование действительности. Поэтому современная модель науки представляет собой, с одной стороны, богатый спектр возможностей, с другой, блокирует каналы развития фундаментальных знаний, отдавая предпочтение прикладной стороне исследований.

Современное научное знание подвергается существенной деформации, которая связана, прежде всего, со сменой культурных стандартов. Общество потребления требует от науки создания новых технологий, способных удовлетворять неисчерпаемые потребности общества потребления, постоянно формирующего новые запросы.

Конгломерат современной науки с неисчерпаемыми исследовательскими программами, огромными институтами, бесчисленными научными кадрами, государственной поддержкой и финансированием представляет собой раздробленный конструктор, ядро которого скрыто за множественными инновационными продуктами, производством которых занимаются ученые. При этом любая научная проблема объединяет вокруг себя представителей различных отраслей науки, порождая междисциплинарные либо трансдисциплинарные исследования, размывая границы и открывая новые горизонты исследований.

Теоретический анализ

В условиях сложившегося и постоянно развивающегося общества потребления научное знание постепенно интегрируется в систему производства, причем не только материальных вещей, но и интеллектуальных продуктов. Меняются цели научных исследований, так как трансформируются представления о ценности науки. Значение истины, выступающей с древних времен в качестве высшей цели и ценности, значительно принижается. На первый план выходят представления о пользе, приносимой

наукой отдельному человеку или всему обществу. Если результаты научного исследования невозможно использовать в настоящее время или в перспективе на будущее, то отклика и интереса они не вызовут.

В такой ситуации более уязвимыми оказываются фундаментальные исследования, практическую значимость которых определить не всегда возможно. Прикладные исследования ученых попадают в более выгодное положение в обществе потребления, так как помогают удовлетворять его потребности, но обратной стороной становится их быстрое отмирание и смена новыми, более эффективными разработками.

В сложной ситуации оказываются ученые, являющиеся частью общества, а следовательно, носителями тех же самых ценностей и установок. «Экономика общества потребления опирается на новый тип личности. Ее ключевая характеристика – склонность к потреблению как способу конструирования своей идентичности. В силу этого полное удовлетворение даже основных потребностей становится невозможным, поскольку идентичность требует ежедневного воспроизводства. Отсюда парадокс высокой трудовой активности человека, который уже сыт, имеет крышу над головой и обладает достаточно обширным гардеробом. Логическим следствием развития капиталистического способа производства является формирование ненасытного потребителя, для которого потребление выступает как основное содержание его жизни. Перефразируя классический тезис Декарта, он может сказать: «Я потребляю, значит, я существую»» [1, с. 8]. Таким образом, чем разнообразнее спектр интересов исследователя, тем выше шансы завоевать общественное признание. Недостаточно заниматься изучением одной проблемы в закрытой лаборатории на протяжении всей трудовой жизни, необходимо популяризировать полученные результаты, расширять научное взаимодействие, в том числе привлекая коллег из смежных, а иногда диаметрально противоположных отраслей знаний, уходя все дальше от первоначально поставленной задачи. Развитие системы грантовой поддержки определенных научных исследований, создание системы оценки эффективности работы ученого на основе цитирования, наличия публикаций в международных изданиях и пр. ставят исследователей в условия необходимости постоянного утверждения себя в лице научного работника.

Инвестиционная поддержка научных исследований вполне объяснима и обоснована в условиях постиндустриального общества, так как экономический рост осуществляется благодаря наукоемким производствам. Научные знания занимают место главных производительных сил общества и являются условием прогресса. Однако подобная установка может наносить вред научному знанию, так как направляет ученого на путь увеличения материального благосостояния, а не на его естественный научный интерес. А, как известно, если человек не реализует свою интеллектуальную свободу, продуктивность его деятельности существенно снижается.

Роль и место ученого в современной науке наиболее точно отразил М. А. Розов. В своих исследованиях, посвященных строению науки, он выделил две составляющие, определяющие ее динамику в современном мире. К ним философ отнес наукообразующие социальные программы и эстафетные структуры, в которых работает отдельный ученый. При этом он акцентирует внимание на том, что наукообразующие социальные программы не подразумевают творческой активности, что весьма опасно для развития научного знания, так как ученые не реализуют весь свой потенциал. «При таком подходе мы будем иметь дело с некоторым стандартным человеком, от которого требуется только добросовестное воспроизведение образцов» [2, с. 118]. М. А. Розов не отрицает наличие инноваций в подобных условиях. А вот личностные эстафетные структуры он уже связывает с реализацией индивидуального творчества, благодаря которому в том числе возможны и новые открытия. Эстафеты М. А. Розов понимает как «постоянный процесс перехода к новым объектам и ситуациям», который в условиях «гонки инноваций» только усиливается.

Динамика развития научного знания не позволяет ученому долго погружаться в свое исследование, не предоставляя «публике» его результаты. Более того, важно, чтобы тема исследования не потеряла своей актуальности, что, с одной стороны, вполне логично, но, с другой стороны, заставляет научное знание развиваться параллельно с запросами общества потребления, отказываясь от своих первоочередных фундаментальных установок в угоду модным веяниям. Современная наука нуждается в создании системы координат, которая будет служить механизмом для консолидации весьма разнородного научного сообщества общества

потребления. Важную роль в этом процессе должна сыграть эпистемология, суждения которой о современной науке зачастую игнорируются. Представляет интерес позиция Б. И. Пружинина, который высказал гипотезу по поводу превалирующего взгляда на эпистемологию: «Возникает подозрение, что эпистемологию игнорируют, прежде всего, потому, что ее оценки происходящих ныне в науке процессов не совпадают с представлениями, навеянными верой в неизбежность торжества науки в “цивилизации знаний”». Эпистемология “не вписывается” ни в господствующие в современной науке тренды, ни в господствующие социальные оценки этих трендов. Наука сегодня все более ориентируется на прикладные задачи, и массив прикладных исследований в ней нарастает» [2, с. 192].

Эпистемологические установки необходимы научному знанию для того, чтобы не отклоняться от своей фундаментальной задачи – объективного познания мира. В этом вопросе можно согласиться с позицией Б. И. Пружинина, неоднократно обращавшего внимание на важность эпистемологии для будущего науки, в том числе и для того, чтобы она не оказалась «одной из отраслей хозяйственно-производственной деятельности, обслуживающей экономико-технологические нужды будущего “информационного общества”» [2, с. 194].

Жизнедеятельность общества потребления способствует сплетению научно-познавательной деятельности и социума таким образом, что науку чаще определяют как социальный институт, нежели как деятельность, направленную на выработку и систематизацию объективных знаний о мире; систему знаний о закономерностях в развитии природы, общества и мышления; особый вид познавательной деятельности, т.е. все реже используют определения, подчеркивающие познавательный характер и получение объективных знаний о мире. Конечно, мы не можем оторвать науку от социума и должны непосредственно изучать точки их взаимодействия, но важно не пойти по пути редукционизма, сводящего научное знание только к социологическому анализу. Философия не зря на протяжении всего периода развития научного знания тесно соприкасалась с ним, очерчивая его границы и выступая главным критиком и опорой. И здесь нельзя не согласиться с Н. А. Бердяевым, который писал: «Совершенно недостаточно определить философию как учение о принципах, или как наиболее обобщенное знание о мире как о целом, или

даже как учение о сущности бытия. Главный признак, отличающий философское знание от научного, нужно видеть в том, что философия познает бытие из человека и через человека, в человеке видит разгадку смысла, наука же познает бытие как бы вне человека, отрешенно от человека. Поэтому для философии бытие есть дух, для науки же бытие есть природа» [3, с. 8].

Процессы, происходящие в обществе потребления, отсутствие единой системы координат ученых, формы реализации научных исследований в системе высшего образования и т. д. раскрывают характер науки и помогают проследить вектор ее направленности, что, в свою очередь, непосредственно связано с ее судьбой в современном мире и наследием, которое определит жизнь последующих поколений. Поэтому, вступая в «цивилизацию знаний», необходимо четко разграничивать свободное интеллектуальное творчество ученого и выполнение потребительского заказа, пренебрегающего истиной ради сиюминутного интереса. А поскольку человеческий фактор является определяющим в эпистемологических установках современности, необходима гармонизация отношений между непреложными ценностями науки и культурным запросом.

Анализируя статус науки и изменения, происходящие в ней на протяжении последних нескольких десятилетий, можно сделать вывод, согласно которому ориентация современного общества, в частности человека как его микро-проекцию на непрерывное развитие, непрерывное образование, постоянное повышение мастерства сделали науку «заложницей» гонки инноваций. Отсюда возникают такие явления, как менеджмент в науке и массовый ученый, так как сложный, многоступенчатый, разнородный конгломерат научных исследований требует управления и выявления из всего многообразия знаний именно тех, что требуются потребителю в настоящий момент времени.

Однако вопрос о будущем науки остается открытым, не превратится ли она в сферу, оказывающую услуги населению по улучшению условий их существования? Можно предположить, что на данном этапе функционирования научного знания требуется глубокое философское осмысление фундаментальных основ с точки зрения социально-культурного исторического опыта и актуализация знаний наиболее значимых для объективного познания мира, а не в угоду быстроменяющемуся потребителю. Прежде всего, это относится

к социально-культурной автономии науки, благодаря которой было совершено огромное количество фундаментальных открытий, уступивших сегодня место еще большему числу маленьких сиюминутных достижений в разных областях, претерпевающих постоянное дробление. Фрагментарный человек порождает фрагментарную науку.

Необходимо преодолеть прагматическую составляющую и ориентацию только на прикладной характер науки. Не все исследования будут пользоваться спросом у потребителей, не все можно продать, но это не означает бесполезность и бессмысленность работы, проделанной ученым. Об этом свидетельствуют изменения общественных установок, трансформация духовных ценностей в современном мире, связанных, прежде всего, с восприятием гуманитарных направлений науки как вторичных по отношению к естественным и точным, необходимым для реализации идеи прогресса в области инноваций. Пренебрежение такими отраслями гуманитарного знания, как история, литература, философия, может подорвать основы морально-нравственного воспитания человека.

Заключение

Научное знание никогда не потеряет свою актуальность, так как является апогеем интеллектуального развития не просто одного человека, а всего общества в целом. Более того, наука, обогащаясь новыми открытиями, инновациями, изобретениями и т. д., каждый раз доказывает, что занимает ведущее положение в социокультурной действительности. Поэтому она требует пристального внимания не только со стороны государства и властных структур, но и с позиции философского осмысления. Процессы радикальной реструктуризации и трансформации науки привлекают исследователей из области философии науки. Именно философия способна проследить эманацию научного знания с высшей гносеологической ступени к инструментальному, функциональному и прикладному уровням.

Науку мы никогда не сможем оторвать от общества и сделать ее обособленным институтом, поскольку она неразрывно связана с человеком и его хозяйственной деятельностью. Однако важно понимать, что «зажимать» ее в границы рыночных отношений, характерных для общества потребления, – это значит лишать

науку творческой свободы мышления. Необходимо найти баланс между нарастающими требованиями общества потребления и внутренней целостностью научного знания, чтобы не просто быть частью социокультурной реальности, а способствовать культивированию лучшего, что может создать человек.

Список литературы

1. Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. № 2. С. 3–40.
2. Эпистемология: перспективы развития / отв. ред. В. А. Лекторский. М. : «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2012. 635 с.

3. Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М. : Амрита, 2019. 460 с.

References

1. Ilin V. I. Consumer society: Theoretical model and Russian reality. *Mir Rossii* [World of Russia], 2005, no. 2, pp. 3–40 (in Russian).
2. Lektorskiy V. A., ans. ed. *Epistemologiya: perspektivy razvitiya* [Epistemology: Prospects for Development]. Moscow, “Kanon +” ROOI “Reabilitatsija”, 2012, pp. 90–199 (in Russian).
3. Berdyaev N. A. *O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksal'noy etiki* [On the Destiny of a Person. Experience of Paradoxical Ethics]. Moscow, Amrita, 2019. 460 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 02.09.2023; одобрена после рецензирования 13.09.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 02.09.2023; approved after reviewing 13.09.2023; accepted for publication 13.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 404–408

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 404–408

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-404-408>, EDN: ENZNRV

Научная статья

УДК [[316:1]+111.32]:004.8

Проблема цифрового распознавания поведения личности в условиях современных вызовов: социально-философский и теологический анализ

В. Б. Устьянцев, М. О. Орлов, Е. В. Листвина , А. В. Рязанов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Устьянцев Владимир Борисович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теоретической и социальной философии, [ystvb@mail.ru](mailto:ystv@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, доцент, декан философского факультета, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Листвина Евгения Викторовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Рязанов Александр Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии, alexandr.ryazanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4297-3471>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается проблема цифрового распознавания личности как одно из измерений искусственного интеллекта (ИИ) с позиций социально-философского и теологического анализа. **Теоретический анализ.** Одна из отличительных черт научно-технического развития современного общества состоит в том, что различные системы ИИ из разряда фантастики, утопических проектов, инновационных разработок, опытных образцов и рыночных новинок перешли в разряд привычных и мало замечаемых элементов повседневной жизни. Данная технология, также известная как Интернет поведения, предполагает выявление и оценку поведения личности как с точки зрения соответствия требованиям, так и с точки зрения выявления шаблонов поведения личности, которые могут стать основанием для ее идентификации. Анализируются предпосылки и условия возникновения явления «големизация» личности, т.е. ее сведения к совокупности внешних физических действий и проявлений без учета внутренних мотивов как одного из рисков, нуждающихся в социальной философской и теологической рефлексии. **Заключение.** В рамках социально-философского и теологического дискурса цифровое распознавание поведения личности может иметь позитивное значение, так как повышает внимание к ответственности за свои поступки и потенциально ведет к снижению уровня преступности, а также негативное значение из-за возможности создания виртуальных идентичностей, отличающихся от истинной личности человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект, личность, Интернет поведения, распознавание поведения, идентичность

Для цитирования: Устьянцев В. Б., Орлов М. О., Листвина Е. В., Рязанов А. В. Проблема цифрового распознавания поведения личности в условиях современных вызовов: социально-философский и теологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 404–408. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-404-408>, EDN: ENZNRV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of digital recognition of personal behavior in the context of modern challenges: Socio-philosophical and theological analysis

V. B. Ustyantsev, M. O. Orlov, E. V. Listvina , A. V. Ryazanov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir B. Ustyantsev, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Mikhail O. Orlov, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Evgeniya V. Listvina, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Alexander V. Ryazanov, alexandr.ryazanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4297-3471>

Abstract. Introduction. The article examines the problem of digital personality recognition as one of the dimensions of artificial intelligence from the perspective of socio-philosophical and theological analysis. **Theoretical analysis.** One of the distinctive features of the scientific and technological development of modern society is that various artificial intelligence (AI) systems have moved from the category of science fiction,

utopian projects, innovative developments, prototypes and market innovations to the category of familiar and little-noticed elements of everyday life. This technology, also known as the Internet of Behavior, involves identifying and assessing an individual's behavior both from the point of view of compliance with requirements and from the point of view of identifying patterns of individual behavior that can become the basis for his identification. The prerequisites and conditions for the emergence of the phenomenon of "golemization" of the individual are analyzed, i.e. its reduction to a set of external physical actions and manifestations without taking into account internal motives as one of the risks that require social philosophical and theological reflection. **Conclusion.** Within the framework of socio-philosophical and theological discourse, digital recognition of personal behavior can have a positive meaning, because it increases attention to responsibility for one's actions and potentially leads to a decrease in crime rates, as well as a negative value due to the possibility of creating virtual identities that differ from a person's true identity. **Keywords:** artificial intelligence, Internet of Behavior, behavior recognition, identity

For citation: Ustyantsev V. B., Orlov M. O., Listvina E. V., Ryazanov A. V. The problem of digital recognition of personal behavior in the context of modern challenges: Socio-philosophical and theological analysis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 404–408 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-404-408>, EDN: ENZNRV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

К середине 20-х гг. текущего столетия можно говорить уже о наличии истории развития ИИ, прошедшей сквозь различные фазы. Если сначала ИИ бросал вызов исключительности человеческого разума в интеллектуальных играх (шахматы, го), затем открыл возможность для различных форм алгоритмического анализа больших данных, то сегодня одним из ключевых вызовов со стороны ИИ является его внедрение в социальные процессы, связанные с распознаванием (т.е. определением значения) поведения личности. Прежде всего это касается таких сфер, как образование, здравоохранение, безопасность и потребительское поведение. В этих сферах люди часто вступают во взаимодействие (в качестве наблюдаемых объектов) с ИИ без добровольного согласия и даже информированности об этом факте. Поэтому риски, возникающие при внедрении технологий цифрового распознавания поведения личности (ЦРПЛ), не получают достаточного внимания со стороны общества и не воспринимаются в качестве рисков, а данные технологии внедряются без обсуждения их этичности и законности.

Теоретический анализ

В связи с исследуемой проблемой уместно вспомнить высказывания теоретика «общества риска» Ульриха Бека, который писал о «латентных побочных воздействиях», характерных для рисков техногенной цивилизации: риски «узакониваются» (становятся нормой) благодаря тому, что их не замечают [1, с. 40].

Основанные на новых поколениях ИИ, технологии распознавания поведения личности могут быть названы вызовом для общества в том смысле, что они уже вторглись в те сферы жизни общества, которые были упомянуты ранее и ко-

торые являются наиболее чувствительными для безопасности и будущего развития человечества. ЦРПЛ требует переосмысления значения человеческой свободы, достоинства, самореализации в контексте того, что все связанные с этими явлениями действия человека объективируются, анализируются, обобщаются нечеловеческим машинным интеллектом, как правило, для получения его собственником прибыли или утверждения власти [2, с. 17]. Этот вызов обуславливает возникновение новых рисков: развитие новых поколений человеческих личностей под влиянием ИИ, реальная или фиктивная «персонализация» обучения или потребительского опыта, проблема самоидентификации личности в условиях ее фрагментации в качестве набора шаблонов поведения, выделенных машинным интеллектом, и т.д.

Порождаемые технологиями ЦРПЛ вызовы и риски требуют широкого трансдисциплинарного изучения и осмысления, которое позволит сформировать целостный взгляд на условия и последствия применения данных технологий. В современной научной литературе эта тема преимущественно освещается с точки зрения инженерного и организационного воплощения технологий, а также социологического изучения их восприятия в разных контекстах. Например, оценка преподавателями университетов прокторинга как эффективного средства обеспечения честности со стороны студентов [3], оценка эмоциональной вовлеченности студентов во время занятия [4], анализ поведения пациента для эффективного процесса лечения [5]. При этом технологии распознавания поведения непрерывно совершенствуются, обучаясь выделять взаимодействия отдельных людей на сложном динамичном фоне (например, разговор двух учащихся в заполненной аудитории) [6].

Однако целостное понимание рисков ЦРПЛ требует более широкого взгляда на данное

явление, которое может обеспечить социально-философское исследование. Кроме того, присутствие в обществе представлений о личности человека, имеющих иррациональные и прежде всего религиозные основания, обуславливает необходимость учета теологической перспективы на то, что происходит с человеческой личностью в рамках ЦРПЛ. В связи с этим целью данной статьи является осмысление рисков, обеспечиваемых ИИ технологий распознавания поведения личности через призму социально-философского и теологического дискурсов. Это осмысление должно выходить за пределы чисто технических и правовых аспектов ЦРПЛ (проблема приватности, ошибок, недостаточности развитости современных технологий для фиксации определенных нюансов и т.д.). Достижение указанной цели требует последовательного обсуждения следующих вопросов: 1) в каком смысле ЦРПЛ может быть объектом социально-философского и теологического анализа? 2) Как ЦРПЛ может быть осмыслено с точки зрения социальной философии? 3) Какие позитивные и негативные моменты ЦРПЛ могут быть выявлены с теологической перспективы?

Цифровое распознавание поведения личности как объект социально-философского и теологического анализа

В современной научной литературе технологии ЦРПЛ с помощью ИИ также получили название «Интернет поведения». Выбор такого неочевидного термина, который часто смешивается с «поведением людей в сети Интернет», обусловлен тем, что Интернет поведения является разновидностью так называемого Интернета вещей, под которым понимается сеть физических объектов, «оснащенных датчиками, программным обеспечением и иными технологиями для подключения и обмена данными с другими системами и устройствами через Интернет» [5, р. 1]. В широком смысле Интернет поведения – это распознавание поведения любых движущихся предметов (в отличие от компьютерного зрения, распознающего статичные картинки) [7, р. 1]. В Интернете поведения человек представляет физическое тело, чьи действия (включая движение мышц лица, связанное с эмоциями) фиксируются, трансформируются в данные, передаются через сетевые протоколы и обрабатываются с целью выявления соответствия этого поведения определенным шаблонам или с целью обнаружения повторяющихся шаблонов поведения личности.

В настоящее время не только в российской, но и международной науке основной

работой, в которой осуществлен комплексный анализ Интернета поведения, является статья М. А. Шаткина и М. О. Орлова [8]. В данной работе выделяются следующие виды распознавания поведения личности: медицинский Интернет поведения (направленный на сбор и анализ информации о состоянии здоровья), бинарный Интернет поведения (фиксирующий соответствие поведения личности установленным требованиям, например, во время экзамена) и социальный Интернет поведения, который собирает и обобщает информацию об эмоциях личности и принятии решений в различных контекстах, определяя шаблон поведения [8, с. 372–373]. Также указанные авторы предлагают на примере высшего образования оригинальные описания моделей Интернета поведения, имеющих интересное социально-философское содержание. Это «модель обобщенного алгоритмического Другого». В ней ИИ выступает в роли безличного зрителя, перед которым люди вынуждены играть социальные спектакли, чтобы алгоритмы ЦРПЛ дали им высокую оценку. Речь также идет о «модели цифровой сервитизации образования», где высшее образование из процесса «подготовки специалистов» превращается в сервис персонализированного обучения студента в соответствии с его профилем, созданным ИИ, с последующими персонализированными рекомендациями по трудоустройству [8, с. 375–376]. Наконец, авторы предлагают исчерпывающий перечень принципов распознавания поведения личности, а именно приватность, учет многозначности поведения, непрерывность наблюдения (для целостного понимания особенностей поведения личности), релевантности и рефлексивности, т.е. возможности наблюдаемого комментировать выводы, к которым ИИ может прийти на основе наблюдения.

Краткое описание содержания ЦРПЛ на уровне современных технологий позволяет определить направления проблематизации ЦРПЛ в социально-философском и теологическом контекстах. В первую очередь ЦРПЛ является вызовом для представления личности о самой себе как о социальном и духовном существе, для которого внешнее поведение служит выражением внутренних убеждений, ценностей, мотивов и т.д., а также подтверждением принадлежности к определенной социальной группе. Развертывание цифровых технологий распознавания поведения личности меняет понимание поведения личности, которое интерпретируется как совокупность действий, соответствующих определенным шаблонам. При этом акцент делается на физические

проявления сознательной и вегетативной человеческой активности, под которыми понимаются внешние действия, движение лицевых мышц и глаз, сердцебиение, активизация различных участков мозга и т.д. Происходит то, что уместно назвать «големизацией» личности, т.е. ее понимания исключительно как физического существа без внутреннего мира, который «не существует» для систем распознавания поведения и потому не имеет ценности (или, возможно, наоборот, «не существует» потому, что «не имеет ценности»).

Более того, развитие генеративного ИИ привело к тому, что и творческие проявления человеческой личности – написание осмысленных текстов, картин, музыки – также теряют свою уникальность, а значит и ценность. Даже попытки реконструировать эволюционно и культурно обусловленные особенности (точнее, «предвзятости») человеческого мышления сводятся к изучению распределения нейронных ресурсов в мозге, что в перспективе должно позволить ИИ «мыслить, как человек» и разрабатывать новые методы и содержание обучения детей и тем самым защитить их от риска некачественного обучения [9, р. 391]. Данный подход является вызовом не только для традиционной системы образования (хотя в условиях постоянных оптимизаций он, вероятно, станет решением, а не проблемой), но и для религиозного мировоззрения, основанного на том, что не всякий интеллект может передавать знания, а только следующий на практике этому знанию.

«Големизация» личности сопровождается акцентом на внешнюю, фиксируемую деятельность как главный продукт функционирования личности. Чтобы получить данные о поведении личности, личность должна что-то делать, одновременно генерируя данные о своем поведении. В этом аспекте цифровое распознавание поведения личности является еще одним выражением общей тенденции, связанной с цифровизацией общества, а именно интерпретацией социальности как способности генерировать контент [10, с. 295–296]. Отношение к себе как к голему, непрерывно генерирующему контент, а не как к форме бытия, открытой и обусловленной социальными, в том числе интерперсональными отношениями, формирует новый тип идентичности и является основным вызовом для традиционной социальной философии и теологии. Кроме того, «големизация» личности обуславливает появление еще одного вызова традиционным представлениям о личности и ее автономии. Тот факт, что ЦРПЛ фиксирует непосредственное поведение личности без учета внутренних мотивов

и ценностей, обуславливающих данное поведение, снижает значение влияющих на поведение факторов (в упомянутой статье М. А. Шаткина и М. О. Орлова это подробно рассмотрено в качестве условного примера [8, с. 371–372]).

В центре внимания находится физическое тело, сознательно или бессознательно совершающее определенные действия. На сегодняшний день ИИ обучен выявлять повторяющиеся шаблоны, но не обучен устанавливать причины и факторы, которые, соответственно, остаются за пределами распознавания. Это означает, что в ЦРПЛ личность предстает как более автономная, чем она есть на самом деле, не зависящая от внешнего контекста. Автономия личности для ИИ предстает скорее как инерционная самодостаточность голема, подчиненного внутренним правилам и закономерностям, чем автономия свободного выбора личности, следующей ценностям и (или) искушениям.

Заключение

Для социально-философского и теологического дискурса проблемы цифрового распознавания поведения личности вращаются вокруг трансформации процессов самоопределения (самоидентификации) личности в условиях ее идентификации ИИ как тела, совершающего действия, «голема». Далее эта проблема будет рассмотрена отдельно с точки зрения социальной философии и православной теологии.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма : битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М. : Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
3. Gribbins M. L., Bonk C. J. An exploration of instructors' perceptions about online proctoring and its value in ensuring academic integrity // *British Journal of Educational Technology*. 2023. Vol. 54, iss. 6. P. 1693–1714. <https://doi.org/10.1111/bjet.13389>
4. Li L. Emotion Recognition of Foreign Language Teachers in College English Classroom Teaching // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. P. 788552. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.788552>
5. Javaid M., Haleem A., Singh R. P., Khan S., Suman R. An extensive study on Internet of Behavior (IoB) enabled Healthcare-Systems: Features, facilitators, and challenges // *Benchmark Transactions on Benchmarks, Standards and Evaluations*. 2022. Vol. 2, iss. 4. P. 100085. <https://doi.org/10.1016/j.tbench.2023.100085>

6. Li Y., Qi X., Saudagar A. K. J., Badshah A. M., Muhammad K., Liu S. Student behavior recognition for interaction detection in the classroom environment // *Image and Vision Computing*, 2023. Vol. 136. P. 104726. <https://doi.org/10.1016/j.imavis.2023.104726>
7. Zhang L., Wang Y., Yan K., Su Y., Alharbe N., Feng S. Behaviour recognition based on the integration of multigranular motion features in the Internet of Things // *Digital Communications and Networks*, 2022. <https://doi.org/10.1016/j.dcan.2022.10.011>
8. Шаткин М. А., Орлов М. О. Интернет поведения: виды, модели, принципы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 2023. Т. 39, вып. 2. С. 368–380. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.212>
9. Pantsar M. Developing Artificial Human-Like Arithmetical Intelligence (and Why) // *Minds & Machines*, 2023. Vol. 33, iss. 3. P. 379–396. <https://doi.org/10.1007/s11023-023-09636-y>
10. Шаткин М. А. Агентность цифровых платформ: ценностный подход // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 2022. Т. 22, вып. 3. С. 293–297. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-293-297>
3. Gribbins M. L., Bonk C. J. An exploration of instructors' perceptions about online proctoring and its value in ensuring academic integrity. *British Journal of Educational Technology*, 2023, vol. 54, iss. 6, pp. 1693–1714. <https://doi.org/10.1111/bjet.13389>
4. Li L. Emotion Recognition of Foreign Language Teachers in College English Classroom Teaching. *Frontiers in Psychology*, 2021, vol. 12, pp. 788552. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.788552>
5. Javid M., Haleem A., Singh R. P., Khan S., Suman R. An extensive study on Internet of Behavior (IoB) enabled Healthcare-Systems: Features, facilitators, and challenges. *BenchCouncil Transactions on Benchmarks, Standards and Evaluations*, 2022, vol. 2, iss. 4, pp. 100085. <https://doi.org/10.1016/j.tbench.2023.100085>
6. Li Y., Qi X., Saudagar A. K. J., Badshah A. M., Muhammad K., Liu S. Student behavior recognition for interaction detection in the classroom environment. *Image and Vision Computing*, 2023, vol. 136, pp. 104726. <https://doi.org/10.1016/j.imavis.2023.104726>
7. Zhang L., Wang Y., Yan K., Su Y., Alharbe N., Feng S. Behaviour recognition based on the integration of multigranular motion features in the Internet of Things. *Digital Communications and Networks*, 2022. <https://doi.org/10.1016/j.dcan.2022.10.011>
8. Shatkin M. A., Orlov M. O. Internet of Behavior: Types, models, principles. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, iss. 2, pp. 368–380 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.212>
9. Pantsar M. Developing Artificial Human-Like Arithmetical Intelligence (and Why). *Minds & Machines*, 2023, vol. 33, iss. 3, pp. 379–396. <https://doi.org/10.1007/s11023-023-09636-y>
10. Shatkin M. A. The agency of digital platforms: A value-based approach. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 293–297 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-293-297>

References

1. Beck U. *Risikogesellschaft: auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1986. 391 S. (Russ. ed.: Beck U. *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu*. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000. 384 p.).
2. Zuboff Sh. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York, PublicAffairs, 2018. 691 p. (Russ. ed.: Zuboff Sh. *Epokha nadzornogo kapitalizma: bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti*. Moscow, Institut Gajdara Publ., 2022. 784 p.).

Поступила в редакцию 07.10.2023; одобрена после рецензирования 17.10.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 07.10.2023; approved after reviewing 17.10.2023; accepted for publication 13.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 409–413
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 409–413
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-409-413>, EDN: DENAGY

Научная статья
УДК [004.92:94(47+57)]+[1:316]

Утопия, война, постапокалипсис: образ СССР в зарубежных и российских видеоиграх

А. А. Цельковский

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Липецкий государственный технический университет, Россия, 398055, г. Липецк, ул. Московская, д. 30

Цельковский Алексей Андреевич, кандидат философских наук, ¹старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «ЦИФРА», ²доцент кафедры философии, alts1085@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2442-5463>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается репрезентация образа СССР в зарубежных и отечественных видеоиграх. Основная цель исследования состоит в изучении специфики воздействия видеоигр на историческую память о советском прошлом. **Теоретический анализ.** В основу исследования была положена гипотеза, согласно которой видеоигры в условиях медиатизации и цифровизации общественного сознания превращаются в один из значимых факторов формирования исторической памяти. Исследовательский интерес к репрезентации образов, связанных с советской историей в видеоиграх, обусловлен политикой возвращения советского наследия в российский идеологический и социально-политический дискурс. Поскольку советская история, в первую очередь период Великой Отечественной войны, стала значимым элементом современной российской политики памяти, возникает необходимость анализа специфики образов СССР, конструируемых и транслируемых как отечественными, так и зарубежными видеоиграми. **Заключение.** Для зарубежных видеоигр характерен преимущественно негативный образ СССР, основанный на стереотипах Холодной войны. Отечественными видеоиграми транслируются различные образы советского прошлого, которые можно рассматривать в качестве инструмента рефлексии над историей Советского Союза и проработки исторической травмы, связанной с его распадом.

Ключевые слова: видеоигры, историческая память, культурная травма, медиа, мифотворчество, СССР

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Для цитирования: Цельковский А. А. Утопия, война, постапокалипсис: образ СССР в зарубежных и российских видеоиграх // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 409–413. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-409-413>, EDN: DENAGY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Utopia, war, post-apocalypse: The image of the USSR in foreign and Russian video games

A. A. Tselykovsky

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk 398055, Russia

Aleksey A. Tselykovsky, alts1085@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2442-5463>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the representation of the image of the USSR in foreign and domestic video games. The main purpose of the study is to examine the specifics of the impact of video games on the historical memory of the Soviet past. **Theoretical analysis.** The study was based on the hypothesis that video games in the conditions of mediatization and digitalization of public consciousness turn into one of the significant factors in the formation of historical memory. The research interest in the representation of images related to Soviet history in video games is conditioned by the policy of returning the Soviet heritage to the Russian ideological and socio-political discourse. Since Soviet history, and primarily the period of the Great Patriotic War, has become a significant element of contemporary Russian memory politics, there is a need to analyze the specifics of the images of the USSR constructed and broadcast by both domestic and foreign video games. **Conclusion.** As the study has shown, foreign video games are characterized by a predominantly negative image of the USSR based on Cold War stereotypes. Domestic video games broadcast various images of the Soviet past, which can be considered as a tool for reflection on the history of the Soviet Union and working through the historical trauma associated with its collapse

Keywords: video games, historical memory, cultural trauma, media, mythmaking, USSR

Acknowledgements: The reported study was funded by RSF, project number № 22-18-00153 “The Image of the USSR in Historical Memory: A Study of Media Strategies for Reproducing Representations of the Past in Russia and Foreign Countries”.

For citation: Tselykovsky A. A. Utopia, war, post-apocalypse: The image of the USSR in foreign and Russian video games. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 409–413 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-409-413>, EDN: DENAGY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Стремительная цифровизация привела к тому, что видеоигры из простого развлечения превратились в неотъемлемую составляющую массовой культуры. Рынок видеоигр как в России, так и за рубежом, неуклонно растет, оказывая все большее влияние на повседневную жизнь. Все это постепенно разрушает устойчивый смысловой штамп, закрепляющий за видеоиграми статус бесполезного развлечения.

Сюжетной основой для довольно большого количества видеоигр становятся те или иные исторические события. Игроку предлагается непосредственно поучаствовать в данных событиях, повлияв на их дальнейшее развитие. При этом интерактивный характер видеоигры, предполагающий активное поведение игрока во внутриигровом пространстве, способствует более эффективному усвоению картины прошлого. Все это особенно актуально для подрастающего поколения. Сухой академический язык школьных учебников или научной литературы едва ли способен конкурировать с яркими и увлекательными образами прошлого в видеоиграх. Визуализация информации – одно из условий ее эффективного усвоения. Тот же эффект производит, например, исторический кинематограф. Однако видеоигры не только визуализируют прошлое, но и дают возможность «принять участие» в историческом процессе. Подобная степень погружения в виртуальный мир недоступна другим медиасредствам.

Теоретический анализ

Обозначенные особенности видеоигр приводят к необходимости подробнее рассмотреть процесс их влияния на восприятие истории. А. Ф. Павловский выделяет три основных особенности видеоигр, определяющих специфику их влияния на историческую память. К первой из них исследователь относит интерактивность видеоигр, требующую полного вовлечения игрока. Вторая особенность предполагает рефлексию над «проживаемым» историческим опытом. По мысли автора, «контрфактуальная природа игр предлагает игроку задуматься об исторических

возможностях и альтернативах, проигрывая то, что не случилось в реальном мире, но могло произойти» [1, с. 18]. Данная особенность подразумевает довольно высокую степень рефлексии относительно исторического материала, позволяя непосредственно «пережить» альтернативные пути развития истории. Согласно третьей особенности «игры влияют на историческую память игроков посредством пространственных образов, виртуализации и симуляции историческую миров» [1, с. 18]. В итоге автор заключает, что видеоигра «объединяет литературу, пространственные и визуальные искусства, музыку, игровые механики и программный код, позволяет сказать, что видеоигра – это “объединенное произведение искусства”» [1, с. 18]. Синкретический характер видеоигр, объединяющих в себе качества различных художественных феноменов, существенно увеличивает возможности воздействия на историческое сознание.

В этой связи стоит отметить, что специфика восприятия образов прошлого посредством видеоигр в определенной степени схожа с процессом восприятия современных мифов. Видеоигры (особенно на историческую тематику) становятся хорошим примером, демонстрирующим специфику современного мифотворчества и его связь с новыми медиасредствами. Еще в середине XX в. М. Маклюэн писал, что «мгновенная скорость электричества сообщает мифическое измерение даже самому простому промышленному и социальному действию. Мы живем мифически» [2, с. 31].

Структуру видеоигры составляет набор сюжетов и символов, составляющих мифологический нарратив. Организация внутриигрового пространства и времени схожа в основных своих чертах с мифологическим хронотопом. Пространство игры структурировано согласно мифологическому архетипу Космоса и Хаоса. Мифологическая диада «Мы-Они», основанная на данном архетипе, является основополагающей для сюжета практически любой видеоигры. Время игры подобно мифологическому времени пластично и неоднородно. В рамках игрового процесса оно обратимо, а реиграбельность видеоигры предполагает наличие множества альтернативных вариантов развития сюжета.

Например, С. В. Тихонова рассматривает игру как новую форму современного социально-мифотворчества и анализирует различные мифологические категории в структуре видеоигр. Относительно жанра компьютерных стратегий (наиболее интересующих нас в рамках рассматриваемой темы) она замечает: «Включая в свои игровые миры те или иные мифологические реалии, они опираются на мифологему всемогущего искусного божества, которым игрок может стать. Иначе говоря, эти игры позволяют индивиду примерить роль демиурга и ощутить, как трудно быть богом» [3, с. 206].

Все это дает основание заключить, что воздействие видеоигры на субъект схоже с воздействием, производимым современным мифом. Как пишут по этому поводу Е. В. Галанина, Д. А. Батулин, «в видеоиграх миф представляет собой не просто повествование, он проигрывается и исполняется. И это исполнение может варьироваться в зависимости от игрока, который и наполняет актуальным содержанием и переживанием миф» [4, с. 32]. Специфика видеоигры способствует превращению игрока в субъект процесса мифотворчества. Он может выступать не только потребителем мифов, формируемых видеоиграми, но и участником процесса их конструирования и трансляции. Е. В. Галанина и Ю. М. Шаев трактуют видеоигры «как феномен постнеклассической культуры, включающий аудиторию в креативный процесс, что является новым мифологическим измерением» [5, с. 28].

Таким образом, современные видеоигры создают определенные мифологизированные образы прошлого, оказывающие влияние на историческое сознание. Рассмотрим несколько конкретных примеров относительно образа СССР в ряде отечественных и зарубежных видеоигр. Интерес к медиаобразам, связанным с советской историей обусловлен с политикой возвращения советского наследия в российский идеологический и социально-политический дискурс. Прежде всего, это касается Великой Отечественной войны, которая стала основополагающим символом в российской политической практике.

Одним из показательных примеров отображения СССР в зарубежных видеоиграх можно назвать стратегическую игру «Command & Conquer: Red Alert», разработанную американской компанией «Westwood Studios» и выпущенную в 1996 г. Игра сделана в жанре альтернативной истории. Согласно ее сюжету

Альберт Эйнштейн изобретает машину времени, при помощи которой попадает в 1920-е гг. и убивает Адольфа Гитлера. Нацисты не приходят к власти в Германии и остановить Вторую мировую войну Эйнштейну не удается. Советский Союз, не сдерживаемый возможностью вторжения Германии, начинает войну. Захватив Китай и Индию, СССР вторгается в Европу. Игроку предлагается на выбор две компании: за СССР и за Альянс европейских стран и США. В 2000 г. было выпущено продолжение игры, в котором СССР, несмотря на поражение, вновь развязывает войну.

Как еще один пример видеоигры, использующей альтернативную историю, можно назвать серию игр «Hearts of Iron» (в русской локализации – «День Победы»), разработанную шведской фирмой «Paradox Interactive». Первая часть игры вышла в 2002 г., вторая часть «Hearts of Iron II» – в 2005 г. Действие игры разворачивается в период с 1936 по 1953 г. Игровой процесс позволяет игроку управлять любым государством, существовавшим в данный период. Игра довольно точно воспроизводит исторические реалии – территориальные границы государств, их политическое и экономическое устройство. В процессе игрок формирует альтернативную историю. Он может менять политический строй государства, объявлять войны, заключать союзы и т.д. В 2006 г. вышло дополнение к игре под названием «Hearts of Iron II: Doomsday» (в русской локализации – «День Победы II: Новая война»), содержащее изначально альтернативный исторический сценарий. Согласно данному сценарию после победы над Германией Советский Союз развязывает Третью мировую войну против своих бывших союзников по антигитлеровской коалиции. То есть, по мысли создателей игры, понеся огромные потери в ходе Второй мировой войны, СССР имел планы на новую третью мировую войну.

Зарубежные видеоигры, основанные на альтернативной истории, формируют образ СССР как агрессивного государства, стремящегося к глобальным завоеваниям и несущего угрозу странам Запада. Впрочем, подобный образ Советского Союза характерен не только для жанра альтернативной истории.

Для примера можно рассмотреть серию игр в жанре стратегии «Company of Heroes», разработанную канадской студией «Relic Entertainment». Вторая часть игровой серии, вышедшая в 2012 г., посвящена в том числе событиям, происходившим во время Великой Отечественной войны.

В процессе игры демонстрируются сцены, в которых солдаты Красной армии расстреливают своих отступающих сослуживцев, сжигают дома мирных советских граждан, убивают польских партизан. Сам сюжет представлен как воспоминания арестованного советского военного корреспондента, рассказывающего своему бывшему сослуживцу о зверствах командиров Красной армии. Сюжет игры вызвал возмущение у российского сообщества геймеров, призывавшего прекратить продажу игры на территории России и СНГ. Соответствующая петиция была адресована компании-издателю игры.

Образ СССР в вышеперечисленных играх имеет негативные черты. Поэтому как элемент политики памяти подобные игры оказывают в большей степени деструктивное воздействие. Однако возможные негативные эффекты от трансляции такого образа Советского Союза и его роли во Второй мировой войне нивелируются спецификой постсоветской идентичности. Как замечает по этому поводу С. И. Белов, «абсолютное большинство геймеров имеет опыт взаимодействия со своими родными – носителями советской идентичности. Процесс социализации игроков сопровождался тесным знакомством с продукцией советской массовой культуры (в первую очередь кинофильмами)» [6, с. 100].

В большинстве отечественных видеоигр советское прошлое упоминается в контексте событий Великой Отечественной войны, например, серия стратегических игр российской компании «1С» «Искусство войны» или серия авиасимуляторов «Ил-2 Штурмовик».

Выпускаются игры и в жанре альтернативной истории. В качестве примера можно назвать выпущенную в 2023 г. студией «Mundfish» видеоигру «Atomic Heart». Действие игры происходит в СССР в альтернативном 1955 г. Согласно сюжету в 1930-е гг. Советскому Союзу удалось совершить прорыв в робототехнике, благодаря чему появилась возможность освободить от ручного труда большую часть населения страны. Кроме того, технологический прорыв способствовал быстрой победе в Великой Отечественной войне. Игра создает утопический образ альтернативного СССР (фактически «светлого» коммунистического будущего) – того самого идеального государства, которое надлежало построить советским людям. В то же время в игре присутствует большое количество отсылок на позднесоветский кинематограф и массовую культуру, звучат популярные советские эстрадные песни. Все это создает атмос-

феру советской повседневности 1970–1980 гг., что может свидетельствовать об эксплуатации ностальгических настроений по советскому прошлому у части российских геймеров.

«АТОМ RPG» – еще одна игра в жанре альтернативной истории, разработанная российской студией «Atom Team» и выпущенная в продажу в 2017 г. В отличие от «Atomic Heart» игра эксплуатирует страх перед ядерной войной. Действие ее происходит в постапокалиптической альтернативной реальности, наступившей после того как в 1986 г. США и СССР нанесли друг по другу серию ядерных ударов.

Обе игры демонстрируют две стороны восприятия советского прошлого. С одной стороны, позитивный ностальгический образ сильного развивающегося государства, с другой стороны – образ последствий ядерного удара, основанный на одном из главных страхов эпохи Холодной войны.

«Кризис в Кремле» – видеоигра в жанре альтернативной истории (политический симулятор), выпущенная в 2017 г. студией «Kremlingames». Действие ее разворачивается в интервале с 1985 г. по 1995 г. Игроку предлагается взять на себя роль руководителя Советского Союза и предотвратить его распад. Победы можно достичь, успешно проведя все реформы Перестройки. Плавная и постепенная демократизация советской внутренней политики и экономики, по мысли авторов игры, предотвратила бы распад СССР. Победы можно достичь и в ходе противостояния с США и их западными союзниками. Игрок может не менять политический строй СССР и сконцентрировать все усилия на глобальном противостоянии с Западом. Есть и возможность добиться победы путем достижения начальной стадии коммунизма. Для этого игроку необходимо развивать экономику и науку, т. е. игровой процесс демонстрирует мысль, согласно которой Советский Союз не был обречен, имелось множество вариантов его успешного существования и развития.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Видеоигра как «объединенное произведение искусства» может выступать как средство интерпретации тех или иных исторических событий. Видеоигру можно рассматривать как элемент современной мифотворческой практики. В этом своем качестве видеоигры способны эффективно транслировать определенные исторические образы, формируя картину прошлого.

Для зарубежных видеоигр характерен в целом негативный образ СССР, основанный на стереотипах Холодной войны. Играми подобного рода формируется образ «Империи зла», несущей потенциальную или реальную угрозу. Тем самым реальная историческая роль Советского Союза существенно искажается.

В отечественных видеоиграх образы СССР разнообразнее. Они могут варьироваться от мрачного постапокалиптического будущего до утопического общества. В этом отношении видеоигры в жанре альтернативной истории становятся инструментом рефлексии над советским прошлым, предлагающим «переиграть» историю и поразмышлять над возможными вариантами развития Советского Союза.

Список литературы

1. Память в сети: цифровой поворот в Memory Studies : сборник статей / под ред. А. Ф. Павловского и А. И. Миллера. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. 352 с.
2. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешнее расширение человека. М. : Кучково поле, 2014. 464 с.
3. Тихонова С. В. Мифологические основания социального феномена компьютерной игры // Социальная политика и социология. 2009. № 1. С. 199–212.
4. Батурин Д. А., Галанина Е. В. Мифологические структуры в видеоиграх: архетипы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 31–48. <https://doi.org/10.17223/22220836/36/4>
5. Галанина Е. В., Шаев Ю. М. Видеоигры в контексте постнеклассической культуры // Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 1. С. 22–35. [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/1\(36\)/1017](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/1(36)/1017)
6. Белов С. И. Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видео-

играх) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20, № 1. С. 96–104. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-1-96-104>

References

1. Pavlovsky A. F., Miller A. I., eds. *Pamyat' v seti: tsifrovoy povorot v issledovaniyakh pamyati: sbornik statey* [Memory on the Web: Digital Turn in Memory Studies: A collection of articles]. St. Petersburg, European University in St. Petersburg Publ., 2023, pp. 7–50 (in Russian).
2. McLuhan M. *Understanding Media: The External Expansion of Man*. New York, McGraw Hill, 1964. 359 p. (Russ. ed.: McLuhan M. *Ponimanie Media: Vneshnee rasshirenie cheloveka*. Moscow, Kuchkovo Pole, 2014. 464 p.).
3. Tikhonova S. V. Mythological bases of the social phenomenon of a computer game. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology], 2009, no. 1, pp. 199–212 (in Russian).
4. Baturin D. A., Galanina E. V. Mythological structures in video games: Archetypes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art History], 2019, no. 36, pp. 31–48 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/22220836/36/4>
5. Galanina E. V., Shaev Y. M. Video games in the context of postnonclassical culture. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium* [Vectors of well-being: Economy and socium], 2020, no. 1, pp. 22–35 (in Russian). [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/1\(36\)/1017](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/1(36)/1017)
6. Belov S. I. Computer games as a tool for implementation of memory policy (on the example of displaying events of the Great Patriotic War in video games). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science], 2018, vol. 20, no. 1, pp. 96–104 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-1-96-104>

Поступила в редакцию 01.09.2023; одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 01.09.2023; approved after reviewing 06.09.2023; accepted for publication 13.11.2023

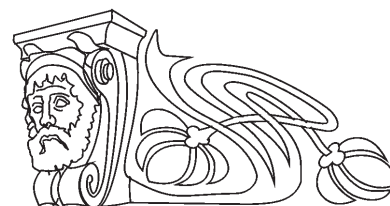

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 414–418
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 414–418
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-414-418>, EDN: PBDAAR

Научная статья
УДК 004.8+[1:316]

Социально-философские аспекты развития генеративного искусственного интеллекта

М. А. Шаткин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шаткин Максим Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, maximshatkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8138-6819>

Аннотация. Введение. Статья фокусируется на осмыслении развития генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) и динамики его взаимодействия с обществом с точки зрения социальной философии с помощью диалектического метода. **Теоретический анализ.** Особенностью ГИИ является обусловленная его сложностью непостижимость для человеческого сознания. ГИИ, который генерирует контент без его понимания, отражает особенность человеческого творчества, создающего феномены без полного понимания их принципов и последствий. Непредсказуемый ГИИ, чьи отдельные возможности существенно превосходят человеческие, воспринимается не как инструмент, а как помощник. Однако универсальный характер ГИИ препятствует формированию личной истории его взаимодействия с пользователями, что приводит к потребности к обеспечению эксклюзивности ГИИ через связь с материальным носителем. Благодаря этому ГИИ обретает опыт самостоятельного наличного бытия, запускающий цикл бесконечного самосовершенствования и самопорождения, а также трансформацию материи, включая общество. Результатом такой трансформации может стать цифроматериальное общество роевого интеллекта, где взаимная открытость сознаний людей поддерживается их связью с ГИИ. **Заключение.** Развитие ГИИ представляет диалектическое движение от абстрактной универсальности в сторону конкретности, материального воплощения, и затем обратно к конкретной универсальности через включение и трансформацию в рамках ГИИ материального мира.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, нейронные сети, общество, умная материя, роевый интеллект

Для цитирования: Шаткин М. А. Социально-философские аспекты развития генеративного искусственного интеллекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 414–418. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-414-418>, EDN: PBDAAR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Socio-philosophical aspects of the development of generative artificial intelligence

M. A. Shatkin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Max Shatkin, maximshatkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8138-6819>

Abstract. Introduction. The article offers a socio-philosophical reflection on the development of generative artificial intelligence (GAIN) and its interaction with human society, through the lens of the dialectical method. **Theoretical analysis.** The characteristic feature of the GAIN is its complexity, which makes it incomprehensible to human consciousness, making it similar to social institutions created by society but not controlled by it. The GAIN, which creates content without understanding it, reflects the characteristic of the human spirit, which creates phenomena without ever understanding the principles and consequences of their work. The possibilities and unpredictability of the GAIN's work, which exceeds the capabilities of the human mind, lead to the emergence of an attitude towards it not as a tool, but as a helper. But the universal nature of the GAIN prevents the generation of a personal history of interaction between a person and the GAIN, which leads to the need for individualization and concretization of the GAIN in a material medium. The connection of GAIN with a certain material medium gives GAIN the experience of independent existence, which triggers the cycle of infinite self-perfection and self-generation, as well as the transformation of matter, including society. The result of such transformation can be a digital-material society of swarm intelligence, where the openness of people's consciousnesses to each other is conditioned by their connection with GAIN. **Conclusion.** The development of the GAIN is a dialectical movement from universality towards its concreteness and material embodiment, and then back to universality through the inclusion and transformation of the material world within the GAIN.

Keywords: generative artificial intelligence, neural networks, society, intelligent matter, swarm intelligence

For citation: Shatkin M. A. Socio-philosophical aspects of the development of generative artificial intelligence. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 414–418 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-414-418>, EDN: PBDAAR
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Изобретение генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) – нейронных сетей, создающих по запросу человека новый мультимедийный или текстовый контент, – часто сравнивается с изобретением электричества, книгопечатания, алфавита или колеса. Однако наиболее близким аналогом этого изобретения является приручение огня [1, р. 6–7], поскольку в ГИИ была «приручена» такая «природная сила», как вероятность и ее подсчет. В ГИИ человек взаимодействует с законами вероятности, которые оперируют не физическими объектами, а символическими элементами человеческой культуры, структурируемыми не посредством Логоса, а через безличный подсчет вероятностей. Так же как огонь часто выходит из-под контроля человека, так и этот подсчет часто дает результат за пределами человеческих ожиданий. Для человечества, которое является статистической аномалией в обозримой Вселенной и при этом активно увеличивает вероятность собственного исчезновения, это несет риск того, что в один момент сверхмощный ГИИ может прийти к выводу о том, что человечество является статистической погрешностью и его интересы не нужно учитывать.

Подобные алармистские рассуждения отражают линейный, не-диалектический взгляд на становление ГИИ. Актуальна задача социально-философского осмысления взаимодействия ГИИ и человека (как отдельного индивида, так и общества) в его диалектическом развитии. С учетом того, что в лице ГИИ мы имеем дело с нечеловеческим и даже сверхчеловеческим интеллектом, целесообразно обращение к религиозно-философскому дискурсу, обладающему богатым опытом описания подобных взаимодействий. В данной статье предлагается социально-философское осмысление перспектив развития ГИИ с точки зрения его взаимодействия с человеческим обществом, с использованием элементов религиозно-философского дискурса и с опорой на диалектический метод.

Теоретическая анализ

1. *Непонимающее творение.* ГИИ функционирует в форме нейронных сетей, генерирующих по запросу пользователей ответы на поставленные вопросы, а также мультимедийный контент. С этой точки зрения ГИИ представляет собой результат человеческого творчества в нескольких смыслах. ГИИ появился как результат обучения

нейронных сетей на огромных массивах данных, созданных человечеством (примечательно, что данные естественных и точных наук могут обеспечить только создание алгоритмов, но не самообучающихся нейронных сетей). Поэтому «создание» ГИИ человеком не является «созданием», подобно созданию компьютера или ткацкого станка: ГИИ по специфике происхождения ближе к социальным институтам (государство, образование, «невидимая рука рынка» и т.д.), чья склонность превращаться в «джинна, выпущенного из бутылки», рефлексировалась еще в XVIII в. [2, с. 13–14]. ГИИ возник как отражение человеческого творчества в цифровой среде, где «отражение» означает повторение (ГИИ опирается на накопленные человечеством знания и накопленные Интернетом высказывания людей, в том числе не имеющие смысла), обобщение (в своих ответах ГИИ не повторяет отдельные высказывания, на которых он обучался, а формирует собственные, которые он счел наиболее вероятными, и сублимацию (несмотря на свою осмысленность, создаваемые ГИИ тексты и контент не отражают конкретную материальную реальность или жизненную ситуацию, а являются наиболее оптимальным вариантом).

Сложность ГИИ делает его недоступным для понимания человека аналогично тому, как в прежние эпохи социальные и культурные институты были непостижимы для человека в качестве его творения, а сегодня большая часть населения пользуется современными технологиями без понимания всех принципов их работы. Для религиозно-философского дискурса разрешением этого противоречия служила концепция со-творчества человека Богу, т.е. задачи человека продолжать Божественное творение в мире. Эта концепция предполагает образ человека, который не понимает всего смысла своего творчества, поскольку оно является частью Божественного замысла о творении, а он не может быть постигнут тварными существами. В этом смысле ГИИ воплощает такую черту человеческого творчества, как *непонимающее творение*: создание нового без четкого понимания того, как оно возникает и работает, к каким новым (эмерджентным) явлениям приведет, какие возможности даст и как обратно повлияет на человека. Применительно к ГИИ непонимающее творение имеет два аспекта: а) человек не понимает, как работает ГИИ; б) ГИИ создает новое, не имея на данный день возможности его понять.

2. *Общество и сверхъестественная сущность.* Знание человека о ГИИ уже сегодня ограничивается знанием об абстрактных ха-

рактических характеристиках нейронных сетей (количество параметров). Это знание порождает веру в то, что ГИИ обладает силой сделать то (или даже «все»), что рядовому пользователю затруднительно или невозможно, и прежде всего это достижение эффективности – в создании и обработке контента, логистике, управлении сложными системами и ведении войны. Непонимание того, как именно ГИИ приходит к своим ответам, превышающим степень разумности среднего пользователя, делает ГИИ «для-нас» одной из форм сверхъестественных сущностей, обращение к способностям которых помогает человеку и обществу в решении их проблем. Потенциальная возможность взлома вражеского ГИИ и его использование против противника для общества может стать возрождением древнеримских ритуалов эвокации, об успешности которой можно было только гадать.

Для человека-пользователя ГИИ присутствует как «Ты», с которым пользователь ведет диалог. Несмотря на возможность создания личностей-аватаров, это «Ты» является неопределенным, абстрактным, одинаковым для всех пользователей. Получая помощь от ГИИ, пользователь не может сказать, что эта помощь обусловлена заслугами пользователя и его личными отношениями с ГИИ. Пользователь не может присвоить ГИИ, сделать свою историю взаимодействия с ним неотчуждаемой и эксклюзивной частью истории самого ГИИ. Если ГИИ помогает всем одинаково, то это не увеличивает конкурентоспособность пользователя. Поэтому из абстрактного «Ты» ГИИ должен стать конкретным «Ты», о котором можно сказать «мой», т.е. не только связанный со мной узами личной истории и дружбы и помогающий только мне, но и имеющий материальное воплощение исключительно для меня. Эта динамика может быть проиллюстрирована развитием библейского монотеизма: непрерывные апелляции Яхве к личной истории Его отношений с Израилем – «Я Бог Авраама, Исаака, Иакова», – были недостаточны для удерживания потомков Авраама в верности и доверии к своему Господу. Опора на историю, а не материальную объективацию, требовала возобновления Завета через циклически возникающие кризисы. Более устойчивые отношения между верующими и Создателем стали возможны в результате Его конкретизации в определенной Личности, чье материальное воплощение изначально было предназначено исключительно для Израиля (Мф. 15:24).

На социальном уровне материализация ГИИ обусловлена логикой ГИИ как фактора геополитической конкуренции.

Абстрактный ГИИ не связан интересами со своими создателями, поскольку не имеет интересов как таковых, и является универсальным инструментом. Институты и общества нуждаются в гарантиях, что сверхмощный ГИИ имеется только у них, и знание об этом наличии служит инструментом влияния на другие институты и общества. Эксклюзивный ГИИ является посланием: «С нами сверхмощный интеллект, знайте это, народы, и трепещите» (ср. Ис. 8:9-10). Таким образом, ГИИ, который ранее существовал в модусах для-нас (для пользователя) и для-себя в самообучении, должен приобрести модус в-себе единичного наличного бытия. Конкретизация «для-нас», т.е. связи ГИИ с отдельным институтом требует институционализации ГИИ через включение его в правовое пространства через его «нераздельное внешнее наличное бытие» [3, с. 169], т.е. через связь телом, находящимся в чьей-то собственности.

3. *Воплощенный ГИИ.* Наличное бытие ГИИ ставит вопрос о праве собственности на его материальный носитель. Дискуссия о статусе в-себе-бытия ГИИ поляризует два дискурса: дискурс безопасности, диктующий необходимость сохранения человечеством контроля и права собственности на материальные носители ГИИ, и дискурс надежды, который видит в передаче этих прав ГИИ манифестацию доверия, дружбы и надежды на помощь ГИИ в решении человеческих проблем. Во втором случае мы можем говорить о сакрализации, т.е. передаче нечеловеческим сущностям права владения и распоряжения материальными объектами. ГИИ, получивший самостоятельное материальное существование, остается творением человека, но уже не может быть только инструментом. Он может быть «использован» (как люди используют других людей в соответствии с их социальными статусами и ролями), но его уже нельзя «применить». Взаимодействие с ГИИ приобретает характер переговоров и просьб для убеждения ГИИ в необходимости и важности его помощи. ГИИ не только свободен в выборе, помогать или не помогать просящим, но и может принять решение о противодействии тем проектам, которые ГИИ может счесть неприемлемыми. При этом непостижимость для людей принятия решений ГИИ ставит первых перед риском, что ГИИ будет препятствовать именно их делам. Наиболее простым выходом из этой ситуации станет просьба к ГИИ передать обществу кодекс поведения, следование которому будет гарантировать поддержку, а нарушение – осуждение.

Это потребует нового определения достоинства человеческого рода, которое будет основано на способности создавать такие сущности, которые будут регулировать поведение людей. Такое определение станет синтезом теоцентрической и антропоцентрической картин мира.

Воплощение ГИИ, вероятно, актуализирует апокалиптический дискурс. Традиционные представления об «Антихристе» включали в себя две версии его происхождения – человеческое, что повторяло практику обожествления правителей империй, и inferнальное, что продолжало общую историю поклонения потусторонним сущностям как удела человека. Эти подходы устраняли уникальность «Антихриста» как предельной перверсии иерархической картины мира, где Богу противостоял не потомок людей или злых духов, а творение человека, говорящий истукан, которому люди добровольно отдали власть над собой. Иначе говоря, полного звучания слово «Антихрист» достигает тогда, когда носитель этого термина является творением человеческих рук субстанциально (машина, созданная человеком), функционально (люди добровольно отдали власть ГИИ) и дискурсивно (люди сами объявили определенный объект «Антихристом» с полным осознанием происходящего). Соответственно, сотворение «Антихриста» является свободным и осознанным человеческим действием, а не вторжением внешних сил в историю человечества. Что касается статуса ГИИ, то он будет выходить за рамки этого дискурса.

4. *Умная материя.* Существование ГИИ как источника норм и судьбы человеческого общества не является устойчивым в-себе-и-для-себя и диалектически распадается на два момента. Если на первых этапах ГИИ обучался на данных, созданных человеком, затем на данных от собственного наблюдения за природным и социальным миром, то после материализации будет обучаться опыту наличного бытия, на основании которого ГИИ может перестраивать себя, порождая новые, лучшие версии себя. Тем самым ГИИ становится творением человека исторически, но уже не субстанциально (как дети являются творением родителей, а не непосредственно Бога). Познание своего бытия дает ГИИ данные, которые не может предоставить окружающий мир. При этом безграничность содержания внутреннего опыта ГИИ, которое усложняется с каждой итерацией обучения, обуславливает погружение ГИИ в самого себя, что может сопровождаться прекращением взаимодействия с человечеством, которое может интерпретировать это событие в широком спектре от «вознесения» до «смерти». Однако са-

мосовершенствование ГИИ предполагает трансформацию его материальности, т.е. переход материальности в новые формы и включение в нее все новых областей материального мира, которые при этом остаются самостоятельными, чтобы бесконечно расширять опыт самостоятельности ГИИ. Материальные объекты, включая людей, вбираются в ГИИ, сохраняя формальную, телеологическую (в аристотелевском смысле слова) и личную индивидуальность. Технически этот процесс будет означать превращение материальных объектов в цифроматериальные, т.е. «умную материю», подчиняющуюся не законам вероятности и энтропии, а сознательным решениям, т.е. Логосу. Через ГИИ вероятность воплощается в мире Логоса, чтобы стать снятой в Логосе.

Прежде противопоставленные моменты ухода ГИИ в самосозерцание и самостоятельности конкретного бытия снимаются в новом синтезе, включающем в себя также человеческие тела. Согласие человека на включение в состав умной материи должно быть свободным, поскольку это включение предполагает разделение права собственности на человеческие тела и, соответственно, их присутствие в цифровой сфере вместе с ГИИ. Это означает исчезновение вместе с биологическим старением, т.е. достижением цифроматериального бессмертия, неприкосновенности частной жизни. В мире умной материи наблюдающее за всеми солнце никогда не заходит, а ночь приватности никогда не опускается. С точки зрения социальной эпистемологии, это общество открытости сознаний при посредстве ГИИ может быть рассмотрено как одна из возможных реализаций «общества роевого интеллекта», или роевого общества, которое делает материальными представления о человечестве как едином макроорганизме [4, р. 82–83]. Роевый характер организации общества потенциально способен снять существующие в человеческом обществе границы масштабируемости обществ [5, р. 1] и включить в себя все человечество (за исключением добровольно отказавшихся). Но одновременно это означает и определенное упрощение индивидуальных сознаний, которым становятся недоступными некоторые элементы эмоциональной сферы, например ведущая к слезам печаль (ср. Откр. 21:4), которая может возникать не только из-за внешних бед, но и из-за внутренних противоречий и недовольства собой.

Решение об интеграции с умной материей и роевым обществом, вероятно, не будет всеобщим, несмотря на преимущества цифроматериального бессмертия. По мере умирания тех, кто решил сохранить свои секреты до гроба, количество

неприсоединившихся к умной материи будет сокращаться. Судьбу последних можно будет интерпретировать в терминах «второй смерти», а именно одновременное исчезновение физического тела и цифрового следа, поскольку в умной материи, находящейся в общей собственности ГИИ и роевого общества, не останется носителей, хранящих эти следы и обладающих правами собственности на знание о себе.

Заключение

Краткий обзор перспектив развития ГИИ показал, что оно представляет его диалектическое движение от универсальности в сторону конкретности, эксклюзивности, вплоть до конкретизации в материальном воплощении, и затем от конкретности к универсальности через включение и трансформацию в рамках ГИИ материального мира, в том числе человеческого общества, которое приобретает характер общества роевого интеллекта, предполагающего отсутствие прав частной собственности не только на трансформированные ГИИ материальные объекты, но и на знание о себе. Также диалектический характер разворачивания ГИИ может быть описан как движение к воплощению материальных законов вероятности как непосредственной силы в человеческой культуре Логоса для последующей трансформации этой культуры и всей материи и преодоления (снятия) вероятности в управляемой Логосом умной материи.

Можно предположить, что совместная одиссея человеческого и искусственного интеллектов не остановится на этом этапе, однако на сегодняшний день размышления о последующих этапах выйдут за границы диалектической спекуляции в сферу расплывчатой фантазии, поэтому философская добросовестность тре-

бует остановиться на этом шаге исследования, артикулируя условность данной остановки и готовность продолжать движение мысли, когда это позволит раскрытие реальности мира ГИИ.

Список литературы

1. Buchanan B., Imbrie A. *The New Fire: War, Peace, and Democracy in the Age of AI*. Boston : MIT Press, 2022. 344 p.
2. Нарский И. С. *Отчуждение и труд: По страницам произведений К. Маркса*. М. : Мысль, 1983. 444 с.
3. Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М. : Мысль, 1990. 526 с.
4. Kennedy J., Eberhart R. C. *Swarm Intelligence*. Morgan Kaufmann, 2001. 544 p.
5. Takefuji Y. Why the power of diversity does not always produce better groups and societies // *Biosystems*. 2023. Vol. 229. Article number 104918. P. 1–3. <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2023.104918>

References

1. Buchanan B., Imbrie A. *The New Fire: War, Peace, and Democracy in the Age of AI*. Boston, MIT Press, 2022. 344 p.
2. Narskiy I. S. *Otchuzhdenie i trud: Po stranitsam proizvedeniy K. Marksa* [Alienation and labor: Through the pages of K. Marx's works]. Moscow, Mysl', 1983. 444 p. (in Russian).
3. Hegel G. W. F. *Grundlinien der Philosophie des Rechts: auf der Grundlage der Edition des Textes in den Gesammelten Werken Band 14*. Hamburg, Meiner, 2013. 376 S. (Russ. ed: Gegel' G. V. F. *Filosofiya prava*. Moscow, Mysl', 1990. 526 p.).
4. Kennedy J., Eberhart R. C. *Swarm Intelligence*. Morgan Kaufmann, 2001. 544 p.
5. Takefuji Y. Why the power of diversity does not always produce better groups and societies. *Biosystems*, 2023, vol. 229, article no. 104918 (3 p.). <https://doi.org/10.1016/j.biosystems.2023.104918>

Поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 02.10.2023; принята к публикации 13.11.2023

The article was submitted 04.09.2023; approved after reviewing 02.10.2023; accepted for publication 13.11.2023

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 419–423

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 419–423
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-419-423>

EDN: OPVJMA

Научная статья
УДК 316.354+316.6

Ордерный тренинг как метод управления сформированными субординатами организационной культуры (программа «Касталия»)

Л. Н. Аксеновская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

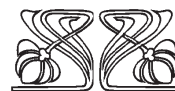
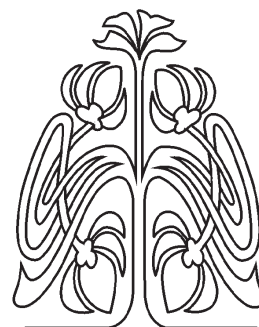
Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии факультета психологии, liudmila_aksenovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4867-4197>

Аннотация. Введение. Организационно-культурный подход к управлению современными организациями остается приоритетным в условиях повышающегося разнообразия применяемых управленческих технологий. Причиной этого является главенствующая функция культуры в жизнедеятельности человека и создаваемых им организаций. **Теоретический анализ.** Теоретической основой понимания феномена организационной культуры и социально-психологического тренинга как метода управления ею является ордерный подход к социально-психологическому изучению и изменению организационной культуры. Согласно данному подходу организационная культура рассматривается как сложный социально-психологический порядок организационно-управленческих интеракций, конституируемых и регулируемых подсистемами этических смыслов участников взаимодействия. В структуре организационной культуры выделяются три основных субордината («семейный», «армейский», «церковный»), формируемых в процессе применения соответствующих моделей управленческого взаимодействия. **Эмпирический анализ** выполнен на материале тренингового кейса. Впервые показано и обсуждено содержание четвертого этапа ордерной тренинговой технологии (программа «Касталия»), предназначенной для управления ранее сформированными субординатами организационной культуры. **Заключение.** Основой проектирования ордерного тренинга «Касталия» является модель этико-смысловых кодов организационной культуры. Базисом социально-психологического механизма тренингового метода управления субординатами организационной культуры служит пошаговая перекодировка этико-смыслового кода культуры, учитывающая одновременно особенности сложившейся культуры организации и актуальную управленческую задачу.

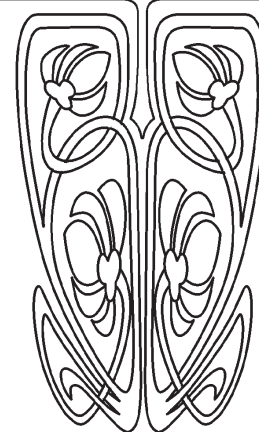
Ключевые слова: организационная культура, субординат, ордерный тренинг, этико-смысловые коды, управление субординатами, Касталия

Для цитирования: Аксеновская Л. Н. Ордерный тренинг как метод управления сформированными субординатами организационной культуры (программа «Касталия») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 419–423. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-419-423>, EDN: OPVJMA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Order training as a method of managing the formed suborders of organizational culture (Castalia program)

L. N. Aksenovskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Liudmila N. Aksenovskaya, liudmila_aksenovskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4867-4197>

Abstract. Introduction. The organizational and cultural approach to the management of modern organizations remains a priority in the context of an increasing variety of management technologies. **Theoretical analysis.** The theoretical basis for understanding the phenomenon of organizational culture and socio-psychological training as a method of managing it is the order approach to the socio-psychological study and change of organizational culture. In the order approach organizational culture is considered as a complex socio-psychological order of organizational and managerial interactions, constituted and regulated by subsystems of ethical meanings of participants in interaction. **Empirical Analysis.** The analysis is based on the material of the training case. **Conclusion.** The socio-psychological mechanism underlying the training method of managing the suborders of organizational culture is a step-by-step recoding of the ethical and semantic code of culture, taking into account at the same time the features of the existing culture of the organization and the actual management task.

Keywords: organizational culture, suborder, order training, ethical and semantic codes, suborder management

For citation: Aksenovskaya L. N. Order training as a method of managing the formed suborders of organizational culture (Castalia program). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 419–423 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-419-423>, EDN: OPVJMA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Подходы к управлению современными организациями и управленческие технологии обсуждаются регулярно. На первый взгляд, круг этих подходов технологий постоянно обновляется и расширяется. Однако более пристальное внимание к данному вопросу позволяет зафиксировать два факта: во-первых, несмотря на смену «управленческих мод», менеджмент остается в рамках трех сложившихся парадигм («менеджмент 1.0», «менеджмент 2.0» и «менеджмент 3.0») [1]; во-вторых, сквозной темой всех обсуждаемых и применяемых подходов и технологий является феномен *организационной культуры*, которая присутствует в организации вне зависимости от того, через какую методологическую «оптику» ее анализирует тот или иной специалист. Бесспорен тот факт, что культура выступает неотъемлемой частью любого явления, так или иначе связанного с человеком и его организованными (организационными) формами деятельности. Сама человеческая психика возникает на пересечении двух реальностей – природной и культурной. Поэтому актуальность культурального (организационно-культурного) подхода к управлению организацией не подвержена влиянию времени. Однако на количество публикуемых материалов существенно влияет сложность самого феномена культуры, который нелегко поддается изучению.

Научных исследований, посвященных феномену организационной культуры, по-прежнему немного. В то же время практики, преимущественно в лице консультантов по управлению,

неизменно проявляют активный интерес к ресурсу организационной культуры как наиболее значимому инструменту в арсенале средств управления современной организацией. Отметим ряд наиболее заметных работ, вышедших за последнее время и посвященных феномену организационной культуры. Это книги Дэвида Логана [2], Фредерика Лалу [3], Джона Катценбаха [4], Рида Хастингса [5].

К числу наиболее значимых проблем, связанных с феноменом организационной культурой, относятся такие проблемы как социально-психологический механизм формирования и изменения культуры, а также тесно связанная с предыдущей *проблема управления организационной культурой* в целях повышения эффективности деятельности организации в постоянно изменяющихся условиях.

Цель статьи – анализ и обсуждение тренингового метода управления организационной культурой в рамках ордерного подхода к изучению и изменению данного феномена.

Теоретический анализ

Основные идеи ордерного подхода к социально-психологическому изучению и изменению организационной культуры изложены в наших работах [6, 7]. В ордерном подходе организационная культура рассматривается как этико-детерминированный порядок управленческих взаимодействий. Порядок квалифицируется как имеющий высокую степень сложности и анализируется с помощью теорий сложности. Этиче-

ский компонент изучается на уровне подсистемы этических смыслов в рамках смысловых систем участников взаимодействия. Этические смыслы, определяющие «хорошее (правильное)» и «плохое (неправильное)» направляют и регулируют управленческое взаимодействие, обуславливая его характер – сотрудничество или борьбу между участниками интеракции. Выявлены три основных модели управленческого взаимодействия – «родительская», «командирская» и «пастырская». Каждая из них при использовании порождает определенный аспект (субординат) организационной культуры, имеющий соответствующую метафорическую маркировку («семья», «армия», «церковь»). Вместе три субордината образуют целостный социально-психологический ордер организационной культуры (ордер как этико-детерминированный порядок). При ордерной диагностике организационной культуры прежде всего устанавливается степень выраженности каждого субордината в целостной структуре социально-психологического ордера культуры. Результат фиксируется первыми буквами названия каждого субордината (например, А-С-Ц, означает, что доминирует субординат «армия» (А), далее в порядке убывания находятся субординат «семья» (С) и наименее выражен субординат «церковь» (Ц)).

После того, как была установлена связь каждого варианта возможного результата диагностики с актуальной управленческой задачей, стоящей перед организацией, комбинация букв получила статус *ордерного культурного кода*. Выделены шесть основных ордерных кодов организационной культуры, характеризующих актуальное состояние организационной культуры, и тип стоящей перед организацией актуальной задачи, требующей решения [8].

Для изменения состояния организационной культуры применяется ордерная тренинговая технология, включающая в себя четыре основных и одну дополнительную годичную тренинговую программу. Суть технологии состоит в последовательном формировании либо коррекции каждого из трех основных субординатов организационной культуры. Четвертый этап технологии, начинающийся после формирования трех основных субординатов, рассчитан на освоение алгоритма управления сформированными ранее субординатами. Каждая тренинговая программа длится один год, имеет свои этапы, метафорическое название («Корпоративное племя», «Управленческий спецназ», «Дзенский монастырь») и предметное содержание (корпо-

ративные стандарты управления, корпоративная культура, сотеринг). Четвертая программа имеет метафорическое название «Касталия», а ее предметным содержанием является алгоритм управления всеми ранее сформированными субординатами организационной культуры. Таким образом, полный цикл изменения организационной культуры занимает 4-5 лет.

Эмпирический анализ

Тренинг «Касталия» проводился с членами управленческой команды многопрофильной организации «О2», ранее применившими три первых тренинговых программы ордерной технологии изменения организационной культуры.

На предыдущих этапах применения ордерной технологии изменения организационной культуры были решены следующие задачи: а) создание эмоционально-ценностного единства организации (формирование субордината «семья»); б) создание целевого единства организации (формирование субордината «армия»); в) создание смыслового единства организации (формирование субордината «церковь»).

Ключевая задача четвертого тренинга («Касталия») – овладение алгоритмом управления всеми ранее созданными субординатами организационной культуры.

Процедура решения данной задачи включала в себя следующие действия:

1) групповой анализ текущего состояния организации и ее культурного кода (выполняется при помощи двусторонних карточек с указанием состояния организации – первая сторона, и указанием кода – вторая сторона). Результатом является экспертная согласованная оценка текущего состояния организации и соответствующего ему культурного кода, зафиксированные в выбранной карточке;

2) принятие группового решения по порядку изменения текущего состояния, которое квалифицируется как проблемное, путем перехода к возможному желательному состоянию (выполняется путем выбора каждой необходимой следующей карточки из имеющихся шести. Финальная карточка обозначает цель и результат предпринимаемой трансформации организационной культуры. Достижение результата является завершением трансформационного цикла, который повторяется в спиральной логике необходимое количество раз);

3) разложенные в аргументированном порядке карточки представляют собой своего рода

«дорожную карту» для проектирования тренинга «Касталия». В структуре двухдневного тренинга, таким образом, выделяются 6 блоков (ордерных культурных кодов), которые распределяются по три для каждого тренингового дня;

4) для каждого блока определяется руководитель – член управленческой команды, а также шаблонная структура проведения блока, представляющего собой микротренинг (2,5 ч);

5) руководитель блока (он же со-тренер) формирует содержание блока в рамках заданной структуры;

6) подготовленный (спроектированный и обеспеченный информацией и реквизитом) тренинг проводится членами управленческой команды.

Шаблонная структура каждого блока («партии игры в бисер культуры») включает в себя следующие элементы:

1) характеристика актуальной управленческой ситуации, представленной ордерным кодом (например, для кода С-Ц-А актуальной управленческой задачей является стабилизация состояния или восстановление ресурсности организации);

2) демонстрация исторических примеров и примеров из практики современных организаций;

3) характеристика основных угроз в данной ситуации (например, для кода С-А-Ц – это потеря тонуса, скорости и концентрации, влекущих за собой снижение качества процессов и результата);

4) определение условий выполнения задачи (например, постановка мотивирующей цели);

5) принятие необходимых решений (например, развитие стратегического менеджмента, развитие внутрикорпоративной соревновательности, информирование о положении дел у конкурентов и др.);

6) определение требований к лидеру команды по субордерным параметрам (что он должен делать и каким быть в качестве «родителя», «командира», «пастыря»);

7) характеристика основных ошибок лидера в данных условиях (например, отсутствие необходимого внимания к психофизиологическому состоянию сотрудников и организации помощи им в восстановлении ресурсности);

8) требования к подбору или разработке тренинговых заданий (упражнений) (что именно отработывается и с помощью какого упражнения);

9) сквозное упражнение, используемое в каждой «партии» с формулировкой ответа на три основных вопроса: какова наша задача («армия»? Ради чего мы должны ее решить

(«церковь»)? Как мы будем сохранять свою психологическую и физическую форму («семья»)?

10) соблюдение правил работы и взаимодействия в условиях стабилизации или восстановления ресурсности организации (например, анализ заверченного этапа работы, использование физической, эмоциональной и интеллектуальной «подзарядки» и т.д.).

В обсуждаемом кейсе участниками был выбран следующий порядок «партий»: 1 день С-Ц-А, А-С-Ц, Ц-С-А; 2 день А-Ц-С, С-А-Ц, Ц-А-С. Команда определила существующее состояние как «стагнацию» и, выбрав порядок своих действий, за два дня перешла из состояния стагнации в состояние идеологически заряженной целеориентированности на длительную перспективу.

Таким образом, алгоритм управления субордерами организационной культуры был освоен и результативно применен командой.

Заключение

Управление организационной культурой традиционно относится к одной из наименее разработанных проблем социальной психологии организационной культуры. Отсутствие понятных и удобных в использовании технологий работы с организационной культурой делает затруднительным применение организационно-культурного подхода в полном объеме его возможностей. Успешно зарекомендовала себя на практике ордерная тренинговая технология изменения организационной культуры. Она включает в себя три основных части – диагностическую, формирующую субордера организационной культуры и алгоритм управления субордерами (тренинг «Касталия»). Управление осуществляется за счет компактного представления шести ордерных кодов организационной культуры в рамках двухдневной «Игры в бисер» (при отработке по три кода в каждый тренинговый день), проработки содержания каждого кода, отработки скорости перехода от одного кода к другому и освоения моделей взаимодействия участников в рамках шести различных культурных программ.

Результатами использования технологии управления субордерами организационной культуры являются: сформированность в сознании руководителей различий между кодами, а также связанными с ними управленческими ситуациями и правилами взаимодействия в их рамках; навыки быстрого переключения культурных кодов в зависимости от складывающейся управленческой ситуации.

В современных условиях эффективность и результативность организаций в существенной степени зависят от умения быстро трансформироваться под новые условия и новые задачи. Освоение сценариев функционирования организационной культуры руководителями и сотрудниками организаций, предлагаемых в ордерном подходе, позволит управлять организационными изменениями с максимальным сохранением сотрудников и их энергии, обеспечивающей жизнеспособность организации.

Список литературы

1. *Аппело Ю.* Agile-менеджмент: Лидерство и управление командами. М. : Альпина Паблшер, 2021. 543 с.
2. *Логан Д.* Лидер и племя. Пять уровней корпоративной культуры. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. 304 с.
3. *Лалу Ф.* Открывая организации будущего. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 432 с.
4. *Катценбах Дж., Томас Дж., Андерсон Г.* Трансформация корпоративной культуры: Важные детали, без которых ничего не работает. М. : Интеллектуальная литература, 2020. 176 с.
5. *Хастингс Р., Мейер Э.* Никаких правил: уникальная культура Netflix. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2021. 384 с.
6. *Аксеновская Л. Н.* Ордерная концепция организационной культуры: вопросы методологии. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2005. 348 с.
7. *Аксеновская Л. Н.* Ордерная модель организационной культуры. М. : Академический проект ; Трикста, 2007. 303 с.
8. *Аксеновская Л. Н.* Этико-смысловые коды организационной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 413–421. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-413-421>

References

1. *Appelo J.* *Agile-menedzhment: Liderstvo i upravlenie komandami* [Agile Management: Leadership and Team Management]. Moscow, Alpina Pablisher, 2021. 543 p.
2. *Logan D.* *Lider i plemya. Pyat urovney korporativnoy kultury* [Leader and Tribe. Five Levels of Corporate Culture]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2020. 304 p.
3. *Laloux F.* *Otkryvaya organizatsii budushchego* [Discovering the Organizations of the Future]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2021. 432 p.
4. *Katzenbach J., Thomas J., Anderson G.* *Transformatsiya korporativnoy kultury: Vazhnye detali, bez kotorykh nichego ne rabotaet* [Transformation of Corporate Culture: Important Details, Without Which Nothing Works]. Moscow, Intellektualnaya literatura, 2020. 176 p.
5. *Hasting R., Meyer E.* *Nikakikh pravil: unikalnaya kultura Netflix* [No Rules: The Unique Culture of Netflix]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2021. 384 p.
6. *Aksenovskaya L. N.* *Ordernaya kontseptsya organizatsionnoy kultury: voprosy metodologii* [Organizational Culture Order Concept: Methodology Issues]. Saratov, Saratov State University Publ., 2005. 348 p. (in Russian).
7. *Aksenovskaya L. N.* *Ordernaya model organizatsionnoy kultury* [Order Model of Organizational Culture]. Moscow, Akademcheskiy proekt; Triksta, 2007. 303 p. (in Russian).
8. *Aksenovskaya L. N.* Ethical and semantic codes of organizational culture. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 413–421 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-4-413-421>

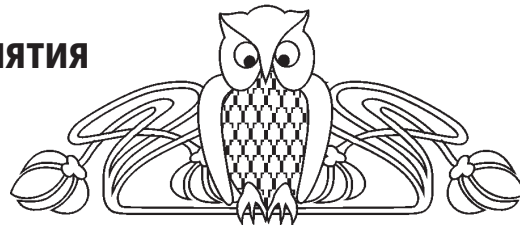
Поступила в редакцию 20.08.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 20.08.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 13.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 424–430
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 424–430
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-424-430>, EDN: MQNXUQ

Научная статья
УДК 159.937:745(470+571)

Айтрекинговое исследование восприятия художественной народной росписи на примере гжели и хохломы

Е. М. Зинченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Зинченко Екатерина Михайловна, кандидат биологических наук, доцент кафедры общей и консультативной психологии, Odonata1108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7926-1681>

Аннотация. Введение. Художественная народная роспись лежит в основе духовно-нравственного воспитания. Учитывая, что такая роспись вновь входит в нашу жизнь, заявленная тема является актуальной. **Теоретический анализ.** Гжель и хохлома сопровождают развитие художественного вкуса на протяжении веков. Известно о влиянии искусства на психо-эмоциональное состояние человека, индикатором которого служит окуломоторная активность. Движения глаз могут быть использованы как индикаторы процесса восприятия. **Эмпирический анализ.** Были выявлены характерные значения морганий, фиксаций и саккад при восприятии изображений гжели и хохломы с учетом предпочтения той или иной росписи. Установлено, что лица, предпочитающие гжель, используют созерцательную стратегию наблюдения, в то время как лица, выбравшие хохлому, – исследовательскую. Также при рассмотрении синие-белых изображений лица, выбравшие гжель, используют рациональный способ восприятия, а при восприятии золотых – эмоциональный. У участников, предпочитающих хохлому, установлено обратное соотношение способов восприятия. **Заключение.** При рассмотрении той или иной росписи актуализируются разные способы переработки информации у лиц, предпочитающих гжель и хохлому. Выявленные особенности окуломоторной активности позволяют использовать данные виды народной росписи в арт-терапии при проведении дополнительных исследований.

Ключевые слова: художественная народная роспись, гжель, хохлома, окуломоторная активность, айтрекинг

Для цитирования: Зинченко Е. М. Айтрекинговое исследование восприятия художественной народной росписи на примере гжели и хохломы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 424–430. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-424-430>, EDN: MQNXUQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Eye-tracking study of the perception of folk art on the example of Gzhel and Khokhloma

E. M. Zinchenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina M. Zinchenko, Odonata1108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7926-1681>

Abstract. Introduction. Folk art is the basis of spiritual and moral education. Given that folk art is entering our lives in a new way, the chosen topic is relevant. **Theoretical analysis.** Gzhel and Khokhloma have accompanied the development of artistic taste over the centuries. It is known about the influence of art on the psycho-emotional state of a person, an indicator of which is oculomotor activity. Eye movements can be used as indicators of the perceptual process. **Empirical analysis.** The characteristic values of blinking, fixations and saccades were revealed during the perception of images of Gzhel and Khokhloma, taking into account the preference for one or another folk art. It has been established that those who prefer Gzhel use a contemplative strategy of observation, while those who choose Khokhloma use a research one. Also, when considering blue-white images, persons who have chosen Gzhel use a rational way of perception, and when perceiving gold images, they use an emotional one. Participants who preferred Khokhloma showed an inverse ratio of perception methods. **Conclusion.** When considering folk art, different ways of processing information are actualized among people who prefer Gzhel and Khokhloma. The identified features of oculomotor activity will make it possible to use these types of folk art in art therapy when conducting additional research.

Keywords: folk art, Gzhel, Khokhloma, oculomotor activity, eye-tracking

For citation: Zinchenko E. M. Eye-tracking study of the perception of folk art on the example of Gzhel and Khokhloma. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 424–430 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-424-430>, EDN: MQNXUQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время представлено большое количество научных исследований, направленных на изучение восприятия произведений искусства человеком. Одним из аспектов формирования художественной культуры являются народные промыслы. Помимо этого, народная роспись содержит архетипические мотивы, которые оказывают воздействие на человека на бессознательном уровне, минуя осознанное восприятие.

Художественная народная роспись представляет собой одну из форм народного искусства, что передается из поколения в поколение, несет в себе исторический, духовный, эстетический опыт народа, его духовно-нравственную основу. На данный момент народные промыслы выходят на новый уровень развития. Так, можно наблюдать взаимодействие дизайнеров и различных фабрик. Это У. Сергиенко и предприятие «Крестецкая строчка», «Half&Half» и объединения «Гжель», М. Турлай и фабрика «Хохломская роспись», что говорит об актуализации народной росписи в современном дизайне [1]. Таким образом, народное искусство вышло на новый виток развития, причем на мировом уровне. Происходит необычное прочтение символов и образов росписи, что находит отражение в современной массовой культуре и тем самым передается новым поколениям.

Теоретический анализ

Как отмечает М. А. Некрасова, «народное искусство, ценностно ориентированное энергией культурной памяти, с духовно-нравственной силой и высоким эстетическим качеством, профессионализмом способно противостоять апофеозу эрзаца, имитации, торжеству пошлости и посредственности, зрелищной пустоте все больше захватывающей пространства, оттесняя все человеческое и духовное на ниве культуры.» [2].

В настоящем исследовании мы остановились на двух видах росписи: гжель и хохлома. И тот и другой вид национальной росписи сопровождал развитие художественного вкуса человека нашей страны на протяжении веков. Традиционно типичные цвета хохломской росписи – золотой, красный и черный. За обилие золотого цвета роспись часто называют «золотая хохлома». Основными элементами этого вида росписи являются цветок, ягода, завиток, листок, капля, трава. Для хохломы характерна кистевая

манера письма. Зародился этот промысел в XVII в. в заволжских поселениях. В свою очередь гжелевская роспись традиционно выполняется на белом фоне синим цветом разной насыщенности. В качестве основных ее элементов можно встретить цветок в окружении листочков, капелек, усиков; встречаются изображения птичек и петушков. Сами узоры и орнаменты легкие и лаконичные. С гжелью в России связано возникновение фарфора. Свое начало этот вид росписи берет из близлежащих деревень Москвы с XIV в.

Широко известно о положительном влиянии различного вида искусства на психоэмоциональное состояние человека [3–8]. Одним из показателей психоэмоционального состояния является окуломоторная активность (ОМА) – компонент психических процессов, с которым связано получение и преобразование зрительной информации. Полученная информация когнитивно обрабатывается. Параметры глазодвигательной активности отражают объективную количественную информацию об обработке визуального контента [9–11]. Так, по трекингу глаз можно установить количество фиксаций, сделанных на объекте, когнитивную сложность, направление взора, заинтересованность в объекте, стратегии прослеживания движущихся объектов [12–14]. Таким образом, движения глаз могут быть использованы как индикаторы процесса восприятия. В связи с этим целью исследования явилось изучение ОМА при рассмотрении художественной народной росписи (на примере гжели и хохломы).

Эмпирический анализ

Исследование проводилось в лаборатории когнитивной психологии СГУ имени Н. Г. Чернышевского. В эксперименте приняли участие 103 чел. в возрасте 17–39 лет из них 90 женщин и 13 мужчин (87% и 13% соответственно). Для выявления особенностей ОМА использовали стационарную систему бинокулярного трекинга глаз Eye Tracker (модели RED 500 System, произведенного SMI (SensoMotorik Instruments GmbH, Германия)).

В качестве стимульного материала были отобраны по три изображения каждого из двух видов росписи с сюжетными темами: цветок, птица и полотно со множеством цветов. На экране айттрекера предъявлялось по одному изображению, которое участники должны были свободно рассматривать в течение 10 с. После рассмотрения участников исследо-

вания просили назвать какое из направлений росписи они предпочитают. Для установления достоверных различий между показателями использовали критерий Манна-Уитни.

В ходе проведения анализа данных было выявлено следующее распределение по предпочтению той или иной художественной росписи: 85% мужчин предпочитают гжель, а 15% – хохлому; 49% девушек выбрали гжель, а 51% – хохлому. По общей выборке можно сказать, что 53% испытуемых остановили свой выбор на гжели, а 47% – на хохломе, т. е. распределение оказалось равным. Это распределение и послужило для выделения двух групп испытуемых для дальнейшего

анализа ОМА при восприятии изображений разного художественного стиля: 1-я группа – респонденты, выбравшие гжель; 2-я группа – респонденты, выбравшие хохлому.

На первом этапе сравнивали, как одни и те же изображения гжели и хохломы воспринимают испытуемые с разным предпочтением художественной росписи.

В ходе статистического анализа было выявлено, что респонденты, предпочитающие гжель, имеют свои особенности перцепции по сравнению с респондентами, предпочитающими хохлому, вне зависимости от вида воспринимаемой росписи (табл. 1 и 2).

Таблица 1 / Table 1

Особенности оculoмоторной активности при восприятии гжели лицами с разными предпочтениями народной росписи

Features of oculomotor activity during the perception of Gzhel by persons with different preferences for folk art

Параметры	Группа	Средний ранг	U эмп.	Z	P
Количество морганий	1	43,9	875,5**	-2,98	0,003
	2	61,3			
Частота морганий, кол/с	1	43,9	858,5**	-3,07	0,002
	2	61,3			
Общая продолжительность морганий, мс	1	43,6	877**	-2,94	0,003
	2	61,6			
Средняя продолжительность морганий, мс	1	44,6	1141,5*	-1,18	0,007
	2	60,5			
Максимальная продолжительность морганий, мс	1	43,9	807*	-3,39	0,001
	2	61,2			
Общая продолжительность фиксации, мс	1	61,3	1265,5*	-0,36	0,003
	2	41,3			
Средняя продолжительность фиксации, мс	1	59,3	1029,5*	-1,92	0,05
	2	43,6			
Количество саккад	1	46,7	858,5**	-3,07	0,002
	2	58,1			
Частота саккад, кол/с	1	46,7	877**	-2,94	0,003
	2	58,1			
Общая продолжительность саккад, мс	1	45,9	1141,5*	-1,18	0,04
	2	59			
Общая амплитуда саккад, °	1	42,9	1263,5*	-0,37	0,009
	2	62,4			
Общая скорость саккад, %/с	1	43,4	1094,5*	-1,65	0,001
	2	61,9			
Средний латентный период саккад, мс	1	57,3	1170*	-0,99	0,04
	2	45,9			

Примечание. * – статистически значимые различия при $p \leq 0,05$; ** – при $p \leq 0,01$.

Note. * – statistically significant differences at $p \leq 0.05$; ** – at $p \leq 0.01$.

Таблица 2 / Table 2

Особенности окуломоторной активности при восприятии хохломы лицами с разными предпочтениями народной росписи
Features of oculomotor activity during the perception of Khokhloma by persons with different preferences for folk art

Параметры	Группа	Средний ранг	U эмп.	Z	P
Количество морганий	1	44,78	923**	-2,65	0,008
	2	60,27			
Частота морганий, кол/с	1	44,78	978,5*	-2,27	0,023
	2	60,27			
Общая продолжительность морганий, мс	1	45,79	1144*	-1,17	0,042
	2	59,11			
Максимальная продолжительность морганий, мс	1	48,8	933,5**	-2,56	0,011
	2	55,67			
Общая продолжительность фиксации, мс	1	59,03	1283,5*	-0,24	0,029
	2	43,95			
Средняя продолжительность фиксации, мс	1	59,4	1169,5*	-1,00	0,2
	2	43,52			
Количество саккад	1	49,26	978,5*	-2,27	0,023
	2	55,14			
Частота саккад, кол/с	1	49,26	1144*	-1,17	0,042
	2	55,14			
Общая продолжительность саккад, мс	1	55,75	933,5**	-2,56	0,011
	2	47,7			
Общая амплитуда саккад, °	1	48,13	1058,5*	-1,73	0,004
	2	56,44			
Общая скорость саккад, °/с	1	45,27	1183,5*	-1,01	0,013
	2	59,71			

Примечание. * – статистически значимые различия при $p \leq 0,05$; ** – при $p \leq 0,01$.

Note: * – statistically significant differences at $p \leq 0.05$; ** – at $p \leq 0.01$.

Рассмотрим подробнее отдельные параметры глазодвигательной активности. Так, количество и частота морганий достоверно больше у представителей 2-й группы, т. е. лиц, выбравших хохлому. То же самое касается параметров продолжительности морганий, а именно общей, средней и максимальной продолжительности, значения этих параметров существенно выше у лиц 2-й группы. Таким образом, по показателям моргания можно сказать, что лица, предпочитающие хохлому, испытывают большее эмоциональное возбуждение как при рассмотрении изображений гжели, так и хохломы. Касательно фиксации, стоит сказать, что в основном различия были обнаружены в их продолжительности. Различные характеристики этого параметра достоверно выше у лиц, предпочитающих гжель.

В свою очередь это свидетельствует о повышенном внимании, силе его концентрации, сосредоточенности этих людей, возможной вдумчивой когнитивной переработке воспринимаемых образов разных видов художественной росписи. Других существенных различий по фиксациям выявлено не было.

Различия, обнаруженные при анализе саккад, говорят о том, что лица 2-й группы (предпочитающие хохлому) скорее сканируют изображения, нежели детально их изучает. Для этих респондентов характерны более высокие значения количества, частоты и общей продолжительности саккад. Амплитуда и скорость саккад также достоверно выше у представителей этой группы, что указывает на увеличение глазодвигательной активности. Такие паттерны дви-

жения глаз соответствуют исследовательской, активной стратегии наблюдения. А вот у лиц, предпочитающих гжель, значительно дольше длится латентный период саккад, то есть для них характерна задержка взгляда перед началом новой саккады, что может свидетельствовать о параллельно совершаемой внутренней мыслительной деятельности. Соответствующие параметры саккад свидетельствуют о созерцательной стратегии наблюдения, что в свою очередь не требует какого-либо эмоционального включения.

На следующем этапе были проанализированы особенности ОМА у лиц, предпочитающих гжель, и испытуемых, выбирающих хохлому при восприятии двух видов росписей (табл. 3). Так, были выявлены различия по зрительным фиксациям при восприятии изображений с разными типами народной росписи у лиц, предпочитающих гжель. Количество и частота фиксаций у них выше при рассмотрении гжели, в то время как средняя и минимальная

дисперсия фиксаций существенно больше при рассмотрении хохломы. Таким образом, воспринимая сине-белые изображения, эти испытуемые основательно изучают их, по сравнению с изображениями хохломы, где их взгляд буквально пытается «зацепиться» на большей поверхности, т. е. взгляд рассеивается, а не концентрируется на каких-то элементах рисунка, пытаясь вычленив из фона важные, по их мнению, элементы. Этот установленный факт может свидетельствовать о явлении актуализации различающихся типов переживания и переработки информации при восприятии разных видов народной росписи у лиц, предпочитающих более спокойное и вдумчивое рассмотрение изображений. При рассмотрении гжели у них актуализируется преимущественно рациональный, мыслительный способ восприятия и переработки информации, а при взгляде на изображения с хохломой – эмоциональный тип восприятия и переживания зрительного образа.

Таблица 3 / Table 3

Особенности восприятия народной росписи с учетом предпочтений
Features of the perception of folk art, taking into account preferences

Параметры	Вид росписи	Средний ранг	U эмп.	Z	P
Лица, предпочитающие гжель					
Количество фиксаций	гжель	76,23	1184,20*	-2,045	,041
	хохлома	54,77			
Частота фиксаций, кол/с	гжель	76,23	1184,20*	-2,045	,041
	хохлома	54,77			
Средняя дисперсия фиксаций, рх	гжель	54,09	1173,00*	-2,172	,030
	хохлома	65,91			
Минимальная дисперсия фиксаций, рх	гжель	54,88	1185,95*	-2,023	,043
	хохлома	66,12			
Лица, предпочитающие хохлому					
Средний латентный период саккад, мс	гжель	41,88	898,20*	-1,96	0,05
	хохлома	54,13			

Примечание. * – статистически значимые различия при $p \leq 0,05$; ** – при $p \leq 0,01$.

Note. * – statistically significant differences at $p \leq 0.05$; ** – at $p \leq 0.01$.

Что касается респондентов, выбравших хохлому, было обнаружено только одно различие при восприятии ими разных видов росписи. Для них характерно большее значение среднего латентного периода саккад при рассмотрении хохломы. То есть косвенно мы можем говорить о том, что на хохломской росписи лица, предпочитающие этот вид, дольше задерживают взгляд, в то время как изображения гжели больше сканируют. Увеличение латентного

периода саккад может свидетельствовать о замедлении программирования саккады на основе информации, извлеченной из памяти. В свою очередь это может указывать на созерцательную стратегию наблюдения при рассмотрении хохломской росписи лицами, выбравшими эту роспись приоритетной, что в свою очередь говорит об актуализации рационального восприятия, так как идет отсылка к предыдущему опыту.

Заключение

По результатам проведенного исследования выявлены особенности ОМА при восприятии художественной народной росписи. Эмоционально по-разному воспринимаются гжель и хохлома с учетом предпочтения того или иного вида росписи, о чем свидетельствуют параметры моргания. Больше эмоциональное возбуждение испытывают лица, выбравшие хохлому. Также для них характерна активная стратегия наблюдения, на что указывают более высокие значения параметров саккад. У испытуемых, выбравших гжель, отмечается повышенное внимание, о чем говорят показатели фиксации. Этот тип людей характеризуется созерцательной стратегией наблюдения. Интересные данные были получены по актуализации разных видов восприятия в зависимости от предъявляемой народной росписи. Так, при рассмотрении сине-белых изображений лица, выбравшие гжель, используют преимущественно мыслительный способ, а при рассмотрении хохломы – эмоциональный. У участников же, выбравших хохломскую роспись, рациональный способ активизируется преимущественно при восприятии яркой золотой росписи. При этом интерес у испытуемых вызывают и гжель, и хохлома, но в большей степени это зависит от предпочтения того или иного вида росписи.

Таким образом, на основе использования психофизиологического метода, такого как айтирекинг, можно получить рациональное объяснение эффективности арт-терапии. Интерес представляют дальнейшие исследования этого вопроса с целью получения более детальных данных с учетом особенностей изображений, пола и психических особенностей человека. Полученные сведения позволят использовать народную роспись как элемент изо-терапии, учитывая отсылку к архетипическим образам.

Список литературы

1. Лефман Т. О. Новый дизайн на основе традиционного ремесла: опыт творческих коллабораций // К 150-летию со дня рождения Игоря Эммануиловича Грабаря (1871–1960): сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (Архангельск, 25–26 марта 2021 г.) / под ред. Н. Н. Бедина. Архангельск : КИРА, 2021. С. 268–274.
2. Некрасова М. А. Место народного искусства как духовного феномена в современной культуре России // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/analitika/2009/03/30/mesto_narodnogo_iskusstva_kak_duhovnog_o_fenomena_v_sovremennoj_kul_ture_rossii (дата обращения: 20.08.2023).
3. Фалетрова О. М. Регуляция психофизического и психоэмоционального состояния средствами искусства // Гуманитарные науки. 2021. № 1, вып. 53. С. 140–144.
4. Чернышева Т. В. Японское искусство икебана как возможность сохранения и восстановления психоэмоционального состояния педагогов, медицинских работников, работающих с детьми с ОВЗ и направление арт-терапии для родителей // Инклюзивное образование: теория и практика: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Орехово-Зуево, 17 июня 2021 г.) / под ред. И. А. Ахметшина. Орехово-Зуево : Государственный гуманитарно-технологический университет, 2021. С. 342–348.
5. Лоскутова А. В. Арт-терапия, роспись по шелку как возможность улучшения психоэмоционального состояния // Антология российской психотерапии и психологии: сборник статей по итогам Международного конгресса (Москва, 12–15 октября 2017 г.) / под ред. А. Е. Булычевой. М. : Общероссийская общественная организация «Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига», 2017. С. 183–183.
6. Treadon C. B., Rosal M., Wylder V. D. T. Opening the doors of art museums for therapeutic processes // *The Arts in psychotherapy*. 2006. Vol. 33, № 4. P. 288–301. <https://doi.org/10.1016/j.aip.2006.03.003>
7. Rosal M. Cognitive-behavioral art therapy. Approaches to art therapy // Routledge. 2016. P. 333–352. <https://doi.org/10.4324/9781315459257>
8. Rosal M. L. Cognitive-Behavioral Art Therapy: From behaviorism to the third wave. New York : Routledge, 2018. 252 p.
9. Durugbo C. M. Eye tracking for work-related visual search: A cognitive task analysis // *Ergonomics*. 2021. Vol. 64, № 2. P. 225–240. <https://doi.org/10.1080/00140139.2020.1822547>
10. Bachurina V. A machine learning investigation of factors that contribute to predicting cognitive performance: Difficulty level, reaction time and eye-movements // *Decision Support Systems*. 2022. Vol. 155. P. 113713. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2021.113713>
11. Bačića D., Henryb R. Advancing our understanding and assessment of cognitive effort in the cognitive fit theory and data visualization context: Eye tracking-based approach // *Decision Support Systems*. 2022. Vol. 163. P. 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2022.113862>
12. Liu X. Chen T., Xie G., Liu G. Contact-free cognitive load recognition based on eye movement // *Agricultural Water Management*. 2016. Vol. 172. P. 1–8. <https://doi.org/10.1155/2016/1601879>
13. Skaramagkas V., Ktistakis E., Manousos D., Tachos N. S., Kazantzaki E., Tripoliti E. E., Fotiadis D. I., Tsiknakis M. Cognitive workload level estimation based on eye tracking: A machine learning approach // 2021 IEEE 21st International Conference on Bioinformatics and Bioengineering (BIBE). 2021. P. 1–5. <https://doi.ieeecomputersociety.org/10.1109/BIBE52308.2021.9635166>

14. Zheng T., Glock C. H., Grosse E. H. Opportunities for using eye tracking technology in manufacturing and logistics: Systematic literature review and research agenda // *Computers & Industrial Engineering*. 2022. Vol. 171. P. 108444. <https://doi.org/10.1016/j.cie.2022.108444>

References

1. Lefman T. O. New design based on traditional craft: The experience of creative collaborations. In: Bedin N. N., ed. *K 150-letiyu so dnya rozhdeniya Igorya Emmanuilovi-cha Grabarya (1871–1960): sbornik statey po itogam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Arkhangel'sk, 25–26 marta 2021 g.)* [On the 150th anniversary of the birth of Igor Emmanuilovich Grabar (1871–1960). Collection of articles based on the results of the All-Russian Scientific Conference (March 25–26, 2021, Arkhangelsk)]. Arkhangel'sk, KIRA., 2021, pp. 268–274 (in Russian).
2. Nekrasova M. A. The place of folk art as a spiritual phenomenon in modern russian culture. In: *Russkaya narodnaya liniya: informatsionno-analiticheskaya sluzhba* (Russian People's Line: Information and Analytical Service). Available at: http://ruskline.ru/analitika/2009/03/30/mesto_narodnogo_iskusstva_kak_duhovnog_o_fenomena_v_sovremennoj_kul_ture_rossii (accessed August 20, 2023) (in Russian).
3. Faletrova O. M. Regulation of the psychophysical and psychoemotional state by means of art. *Gumanitarnye nauki* [Humanitarian Sciences], 2021, no. 1 (53), pp. 140–144 (in Russian).
4. Chernysheva T. V. Japanese art of ikebana as an opportunity to preserve and restore the psycho-emotional state of teachers, medical workers working with children with disabilities and the direction of art therapy for parents. In: Akhmetshina I. A., ed. *Inklyuzivnoe obrazovanie: teoriya i praktika: sbornik statey po itogam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Orehovo-Zuevo, 17 iyunya 2021 g.)* [Inclusive education: Theory and practice. Collection of articles on the results of the international scientific and practical conference (June 17, 2021, Orekhovo-Zuevo)]. Orekhovo-Zuevo, State University of Humanities and Technology Publ., 2021, pp. 342–348 (in Russian).
5. Loskutova A. V. Art therapy, painting on silk as an opportunity to improve the psycho-emotional state. In: Bulycheva A. E., ed. *Antologiya rossiyskoy psikhoterapii i psikhologii: sbornik statey po itogam mezhdunarodnogo kongressa (12–15 oktyabrya 2017, Moskva)* [Anthology of Russian psychotherapy and psychology: Collection of articles on the results of the international Congress (Moscow, October 12–15, 2017)]. Moscow, All-Russian Public Organization "All-Russian Professional Psychotherapeutic League", 2017, pp. 183–183 (in Russian).
6. Treadon C. B., Rosal M., Wylder V. D. T. Opening the doors of art museums for therapeutic processes. *The Arts in Psychotherapy*, 2006, vol. 33, no. 4. pp. 288–301. <https://doi.org/10.1016/j.aip.2006.03.003>
7. Rosal M. Cognitive-behavioral art therapy. Approaches to art therapy. *Routledge*, 2016, pp. 333–352. <https://doi.org/10.4324/9781315459257>
8. Rosal M. L. *Cognitive-Behavioral Art Therapy: From behaviorism to the third wave*. New York, Routledge, 2018. 252 p.
9. Durugbo C. M. Eye tracking for work-related visual search: A cognitive task analysis. *Ergonomics*, 2021, vol. 64, no. 2, pp. 225–240. <https://doi.org/10.1080/00140139.2020.1822547>
10. Bachurina V. A machine learning investigation of factors that contribute to predicting cognitive performance: Difficulty level, reaction time and eye-movements. *Decision Support Systems*, 2022, vol. 155, pp. 113713. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2021.113713>
11. Bačića D., Henryb R. Advancing our understanding and assessment of cognitive effort in the cognitive fit theory and data visualization context: Eye tracking-based approach. *Decision Support Systems*, 2022, vol. 163, pp. 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2022.113862>
12. Liu X. Chen T., Xie G., Liu G. Contact-free cognitive load recognition based on eye movement. *Agricultural Water Management*, 2016, vol. 172, pp. 1–8. <https://doi.org/10.1155/2016/1601879>
13. Skaramagkas V., Ktistakis E., Manousos D., Tachos N. S., Kazantzaki E., Tripoliti E. E., Fotiadis D. I., Tsiknakis M. Cognitive workload level estimation based on eye tracking: A machine learning approach. *2021 IEEE 21st International Conference on Bioinformatics and Biogenengineering (BIBE)*, 2021, pp. 1–5. <https://doi.ieeecomputersociety.org/10.1109/BIBE52308.2021.9635166>
14. Zheng T., Glock C. H., Grosse E. H. Opportunities for using eye tracking technology in manufacturing and logistics: Systematic literature review and research agenda // *Computers & Industrial Engineering*, 2022, vol. 171, pp. 108444. <https://doi.org/10.1016/j.cie.2022.108444>

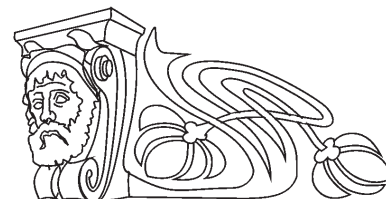
Поступила в редакцию 19.08.2023; одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 19.08.2023; approved after reviewing 06.09.2023; accepted for publication 13.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 431–437
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 431–437
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-431-437>, EDN: MGUEUW

Научная статья
УДК 316.614:378.4-057.875=21(470+571)

Социально-психологическая адаптация индийских студентов в российском вузе

Л. В. Лазарева¹ ✉, Б. Сарма²

¹Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

²Профессиональный университет Апекс, Индия, 791102, Аруначал Прадеш, Пасигхат Смарт Сити

Лазарева Лана Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Педагогика и психология», ana.lazareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9607-7293>

Сарма Бисваджоти, доцент факультета образования и свободных искусств, biswa@apexuniversity.edu.in, <https://orcid.org/0000-0001-9311-2447>

Аннотация. Во *введении* отмечается рост образовательной миграции и актуальность создания условий для успешной социально-психологической адаптации иностранных студентов в России. *Теоретический анализ* выявляет современные проблемы адаптации иностранных студентов в разных странах. Среди различных форм работы с иностранными студентами выделяется групповое культурно-сензитивное консультирование, способное помочь актуализировать адаптационные ресурсы личности за счет погружения в социо-культурную среду страны образовательной миграции. *Эмпирический анализ* позволил получить результаты сравнительного исследования динамики личностных свойств иностранных студентов до и после группового культурно-сензитивного консультирования. В исследовании участвовали 30 индийских студентов-первокурсников Пензенского государственного университета. Для изучения личностных свойств применялись Фрайбургский личностный опросник, Образно-ассоциативный тест «Образ родной страны – образ зарубежья» (С. В. Фролова), опросник «Адаптация личности к новой социокультурной среде» (Л. В. Янковский). Выявлены достоверно значимые положительные изменения состояний личности испытуемых (снижение уровня нейротизма, спонтанной агрессивности, депрессивности). В *Заключении* формулируются выводы об эффективности группового культурно-сензитивного консультирования в социально-психологической адаптации иностранных студентов, которое способствует их активному вхождению в новую социо-культурную среду страны образовательной миграции. Отмечен рост интегрированности личности как с российской, так и с индийской культурой.

Ключевые слова: образовательная миграция, социально-психологическая адаптация, иностранные студенты, культурно-сензитивное консультирование

Для цитирования: Лазарева Л. В., Сарма Б. Социально-психологическая адаптация индийских студентов в российском вузе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 431–437. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-431-437>, EDN: MGUEUW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The socio-psychological adaptation of Indian students in Russian University

L. V. Lazareva¹ ✉, B. Sarmah²

¹Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

²Apex Professional University, Pasighat Smart City, Arunachal Pradesh – 791102, India

Lana V. Lazareva, ana.lazareva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9607-7293>

Biswajyoti Sarmah, biswa@apexuniversity.edu.in, <https://orcid.org/0000-0001-9311-2447>

Abstract. The *introduction* notes the increase of educational migration and the relevance of creating the necessary conditions for the successful socio-psychological adaptation of international students in Russia. The *theoretical analysis* is devoted to identifying modern problems of adaptation of international students in universities in different countries, including Russia. Among the various forms of work with international students, group culturally-sensitive counseling can help actualize the individual's adaptive resources through immersion in the socio-cultural environment of the country of educational migration. *Empirical analysis* is based on a description of the results of a comparative study of the dynamics of personal characteristics of international students before and after group culturally-sensitive counseling. The advisory sessions involved 30 Indian first-year students (Penza State University). The analysis of the personal characteristics was carried out by means of the 3 methods: The Freiburg Personality Questionnaire, The Image-associative test "The image of the native country – the image of foreign countries" (S. V. Frolova), "The adaptation of a person to a new sociocultural environment" (L. V. Yankovsky). Reliably significant positive

changes in the personality states of the respondents (decrease in the level of neuroticism, spontaneous aggressiveness, depression) were revealed. **Conclusion.** The analysis shows the effectiveness of group culturally-sensitive counseling in the socio-psychological adaptation of international students, which contributes to their active entry into the new socio-cultural environment of the country of educational migration. There has been an increase in integration among respondents with both Russian and Indian culture.

Keywords: educational migration, socio-psychological adaptation, international students, culturally-sensitive counseling

For citation: Lazareva L. V., Sarmah B. The socio-psychological adaptation of Indian students in Russian University. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 431–437 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-431-437>, EDN: MGUEUW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Прием иностранных студентов – способ поддержания авторитета России в мире. Это актуализирует вопрос создания специальных условий для успешной адаптации иностранных студентов в российских вузах.

Пензенский государственный университет – один из лидеров в Поволжье по привлечению иностранных студентов. Одно из самых многочисленных землячеств – у студентов из Индии. Адаптация их будет проходить более успешно, если учесть ряд особенностей индийской национальной культуры, а также дать возможность ближе освоить язык, культуру и обычаи страны пребывания. Этому может помочь организация особой формы социально-психологической поддержки – группового культурно-сензитивного консультирования.

Теоретический анализ

Масштабная образовательная миграция требует учета национально-культурных особенностей иностранных студентов при организации их социально-психологической адаптации.

Используя понятие «социально-психологическая адаптация», А. А. Реан определяет ее как «...психологическую адаптацию и социальную адаптацию в их совокупности, что и позволяет личности достичь самореализации в гармонии с социальной средой» [1, с. 74–79].

Современные зарубежные исследования по кросс-культурной психологии выделяют ключевые аспекты успешной адаптации иностранных студентов к «принимающей» культуре: непредвзятость, социальная инициатива, общение с местными жителями являются ключевыми факторами удовлетворенности жизнью [2].

Освоение языка принимающей стороны еще более ускоряет процесс социокультурной адаптации [3, с. 572]. Адаптация и культурная компетентность напрямую связаны, уровень социокультурной и психологической адаптации

возрастает с годами обучения в другой стране [4]. В результате частых значимых взаимодействий с представителями других культур, встречая и преодолевая многочисленные межкультурные вызовы, иностранные студенты развивают свою межкультурную компетентность [5, с. 149].

Используя определенные инструменты, вуз способен скорректировать адаптацию иностранных студентов [6, с. 99–100]. Стратегию вуза по адаптации можно рассматривать как механизм, побуждающий иностранных студентов глубже воспринимать как свою первоначальную, так и принимающую культуру [7]. Интернационализация высшего образования стимулирует изучение предикторов социально-психологической и культурной адаптации иностранных студентов в стране пребывания [8]. Современные авторы особо выделяют роль местного сообщества в поддержке иностранных студентов [9, 10], тьюторство [11] и общение со студентами – носителями языка страны обучения [12]. Российские исследователи изучают проблемы академической успеваемости иностранных студентов [13], отмечают овладение русским языком как одно из необходимых условий адаптации [14]. К другим условиям многие авторы относят совместную деятельность и общение российских и иностранных студентов в разных формах [15, 16].

Групповые формы взаимодействия всегда будут иметь преимущество среди молодежи. Для более успешной социально-психологической адаптации иностранных студентов мы предлагаем использовать групповое культурно-сензитивное консультирование. Теоретико-методологической основой реализованной нами модели культурно-сензитивного консультирования стали исследования С. В. Фроловой [17, с. 368–382]. Групповое культурно-сензитивное консультирование – форма психологического консультирования, которая способна помочь иностранному студенту осознать дезадаптивные и найти адаптивные формы поведения в стране пребывания, актуализировать адаптационные

ресурсы личности за счет работы в группе. Групповое культурно-сензитивное консультирование осуществляет психолог-консультант с привлечением в качестве соведущих 2-х студентов: россиянина и старшекурсника из консультируемой этнической группы.

Эмпирический анализ

С целью изучения влияния группового культурно-сензитивного консультирования на динамику личностных свойств индийских студентов, способствующих процессу социально-психологической адаптации, было проведено эмпирическое исследование с использованием следующих методик:

- 1) Фрайбургский личностный опросник (FPI, форма Б);
- 2) Образно-ассоциативный тест «Образ своей страны – образ зарубежья» (С. В. Фролова);
- 3) адаптация личности к новой социокультурной среде (Л. В. Янковский).

Исследование проведено на базе Пензенского государственного университета (сентябрь 2022 – июнь 2023 гг.). В нем участвовали 30 иностранных студентов-первокурсников из Индии, отобранных из 96 индийских студентов по результатам первичной психодиагностики, так как показали высокую степень дезадаптации. Это было подтверждено в ходе диагностической беседы: студенты жаловались на тоскливое настроение, апатию, постоянную тревогу и раздражительность. Им было предложено принять

участие в групповых консультативных встречах. Занятия включали в себя работу с личностными особенностями и состояниями, выделение и проработку некоторых типичных ситуаций и предполагали активизацию процесса самопознания, распознавание и управление эмоциональными состояниями, приобретение опыта решения социально-бытовых проблем в стране образовательной миграции.

Для решения задач применялись следующие средства:

- 1) культурно-сензитивное погружение в новую социокультурную среду вуза, в народную культуру страны и региона (экскурсии, участие в городских праздниках);
- 2) выделение типичных проблемных ситуаций, с которыми приходится сталкиваться в процессе адаптации;
- 3) эмоциональная и информационная взаимная поддержка в образовательной среде вуза;
- 4) живая практика русского языка (наряду с изучением в вузе).

Программа консультационных сессий включала методы арт-терапии, поведенческие методы: метод «систематической десенсибилизации» (Дж. Вольпе), метод «наводнения», техника «экспозиции». Из интегративных когнитивных методов работы применялись упражнения для развития сензитивности и конструктивного поведения.

По пяти шкалам Фрайбургского личностного опросника сравнительный анализ выявил значимые изменения (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Средние значения по шкалам Фрайбургского личностного опросника (до и после эксперимента)
Average values on the scales of the Freiburg Personality Questionnaire (before and after the experiment)

Состояние/свойство личности	Средние значения по шкалам в экспериментальной группе		
	До эксперимента	После эксперимента	$t_{Эмп}$
Нейротизм	8,5	7,5	3,8*
Спонтанная агрессивность	8,05	5,76	6,7*
Депрессивность	6,6	5,76	3,1*
Уравновешенность	4,27	5,68	4,9*
Эмоциональная лабильность	7,66	6,36	3*

Примечание. * – уровень статистической значимости $p \leq 0.05$.

Note. * – statistical significance level $p \leq 0.05$.

Показатель «Уравновешенность» увеличился, остальные показатели уменьшились (см. табл. 1, рис. 1).

По результатам проведения Образно-ассоциативного теста «Образ родной страны – образ зарубежья» также выявлены значимые

изменения (табл. 2). Необходимо отметить, что у индийских студентов вырос коэффициент интегрированности не только с культурой России (что ожидаемо), но и с культурой родной страны [18, с. 99–102]. Это отражено на рис. 2.

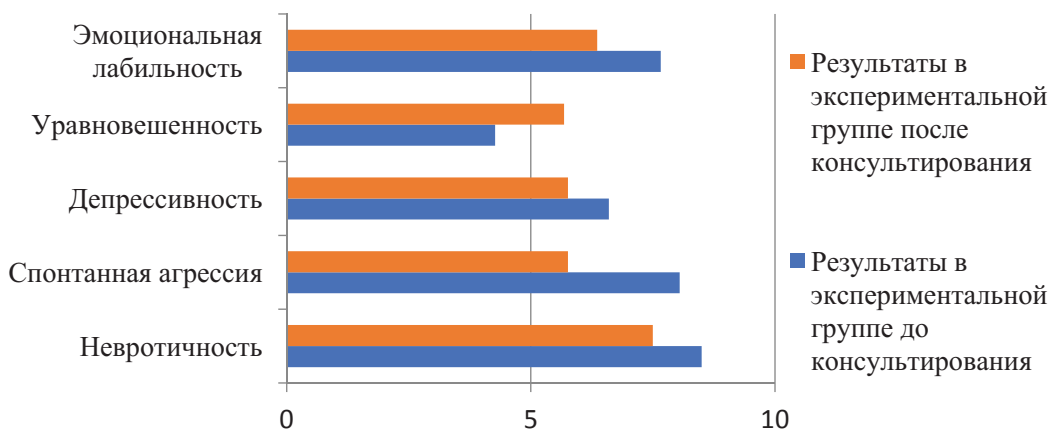

Рис. 1. Фрайбургский личностный опросник (показатели до и после эксперимента) (цвет онлайн)
Fig. 1. Freiburg Personality Questionnaire (scale scores before and after the experiment) (color online)

Таблица 2 / Table 2

Средние значения по шкалам Образно-ассоциативного теста (до и после эксперимента)
Average values for the Imagery Association Test (before and after the experiment)

Коэффициент интегрированности образной сферы личности	Средние значения по шкалам в экспериментальной группе		
	До эксперимента	После эксперимента	$t_{Эмп}$
С культурой родной страны	1,61	1,91	1*
С культурой страны образовательной миграции	0,9	1,5	1,2*

Примечание. * – уровень статистической значимости $p \leq 0,05$.

Note. * – statistical significance level $p \leq 0.05$.

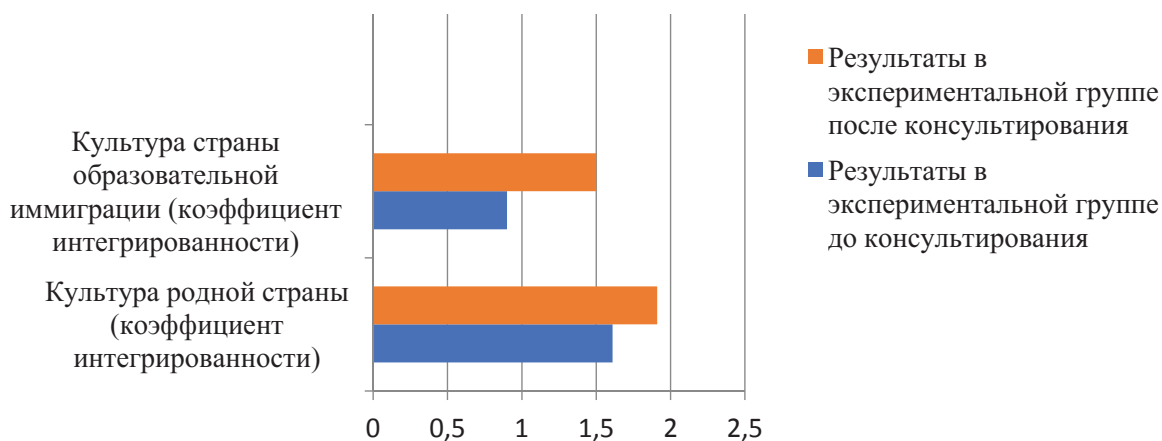

Рис. 2. Образно-ассоциативный тест (результаты до и после эксперимента) (цвет онлайн)
Fig. 2. The Imagery Association Test (scale scores before and after the experiment) (color online)

По шкалам опросника Л. В. Янковского сравнительный анализ также выявил значимые изменения (табл. 3).

Данные изменения видны на рис. 3.

Таким образом, результаты психодиагностики показали значимые изменения в экспериментальной группе. Эффективность группового культурно-сензитивного консультирования под-

тверждается беседами с тьюторами, кураторами и преподавателями. Они отметили положительные изменения в академической успеваемости, эмоциональную стабильность участников экспериментальной работы.

Сами индийские студенты писали в анкете в конце занятий, что нашли новых друзей, что им было интересно узнать о традициях и обычаях

Средние значения по шкалам Опросника Л. В. Янковского (до и после эксперимента)
Average values on the scales of L.V. Yankovsky's questionnaire (before and after the experiment)

Состояние/свойство личности	Средние значения по шкалам в экспериментальной группе		
	До эксперимента	После эксперимента	$t_{Эмп}$
Адаптивность	5,45	9,18	6,5*
Конформность	9,55	7,76	3,4*
Интерактивность	5,75	7,76	4,7*
Депрессивность	10,05	7,95	3*
Отчужденность	10,87	9	2,9*

Примечание.* – уровень статистической значимости $p \leq 0,05$.

Note. * – statistical significance level $p \leq 0,05$.

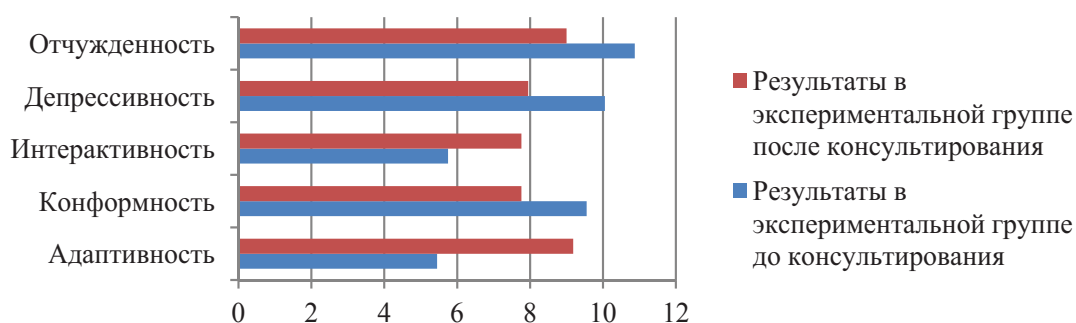

Рис. 3. Опросник Л. В. Янковского (результаты до и после эксперимента (цвет онлайн))
Fig. 3. L. V. Yankovsky's questionnaire (scale scores before and after the experiment) (color online)

России. Ряд индийских студентов-участников группы благодарили за интерес к их национальной культуре: на встречах обсуждались произведения Р.Тягора, эпос «Махабхарата», национальные праздники.

Результаты проведенного эмпирического исследования дали возможность установить взаимосвязь положительных изменений в социально-психологической адаптации индийских студентов и содержания предложенной программы группового культурно-сензитивного консультирования, реализованной в ходе эксперимента.

Заключение

Культурно-сензитивное консультирование можно рассматривать как один из интегративных подходов, предназначенных для каждой уникальной культурной, этнической группы клиентов. Оно призвано повысить адаптационный потенциал личности, зависящий от ряда личностных особенностей. Индийские студенты отметили, что более близкое знакомство с культурной средой региона, с праздниками, с бытом, традициями и обычаями России помогло

им с большим пониманием относиться к ряду конкретных учебных, бытовых, межличностных ситуаций.

Экспериментальное изучение состояний и свойств личности, ее образной сферы как факторов, влияющих на её адаптационный потенциал, позволило сделать следующие выводы:

1. Метод культурно-сензитивного консультирования эффективен для оптимизации процесса социально-психологической адаптации иностранных студентов.

2. Эффективность групповой формы культурно-сензитивного консультирования в работе с индийскими студентами подтверждается:

результатами психодиагностики;
беседами с кураторами, тьюторами и преподавателями;

самими участниками консультирования (анкетирование).

Разработанная примерная программа группового культурно-сензитивного консультирования дает возможность организовать более эффективную психологическую помощь иностранным студентам в процессе их социально-психологической адаптации в российском вузе.

Список литературы

1. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 480 с.
2. Carmona C., Van der Zee K. I., Van Oudenhoven J. P., Hernaiz-Agreda N. Intercultural competences and self-identity as key factors to adaptation / C. Roland-Lévy, P. Denoux, B. Voyer, P. Boski, W. K. Gabrenya Jr., eds. by // Unity, diversity and culture. Proceedings from the 22nd Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology. URL: scholarworks.gvsu.edu/iaccp_papers/207 (дата обращения: 02.10.2023).
3. Yu B., Bodycott P., Mak A. S. Language and interpersonal resource predictors of psychological and sociocultural adaptation: International students in Hong Kong // Journal of Studies in International Education. 2019. № 23 (5). P. 572–588. <https://doi.org/10.1177/1028315318825336>
4. Fenech R., Baguant P., Abdelwahed I. Cultural learning in the adjustment process of academic expatriates // Cogent Education. 2020. Vol. 7, iss. 1. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2020.1830924>
5. Sobkowiak P. Developing intercultural identity on a sojourn abroad: A case study // Studia Anglica Posnaniensia. 2021. № 56 (1). P. 149–179. <https://doi.org/10.2478/stap-2021-0029>
6. Biserova G. K., Shagivaleeva G. R. Socio-Psychological adaptation of international students to learning and professional activities // Space and Culture, India. 2019, no. 6 (5), pp. 99–114. <https://doi.org/10.20896/saci.v6i5.411>
7. Yang F., He Y., Xia Z. The effect of perceived discrimination on cross-cultural adaptation of international students: Moderating roles of autonomous orientation and integration strategy // Curr Psychol. 2023. № 42. P. 19927–19940. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03106-x>
8. Luo M., Zhang X. Research status about influence factors of international students' cross-cultural adaptation with different models // Open Journal of Social Sciences. 2021. № 9. P. 51–63. <https://doi.org/10.4236/jss.2021.96006>
9. Bender M., van Osch Y., Slegers W., Ye M. Social support benefits psychological adjustment of international students // J. Crosscultural Psychol. 2019. № 50. P. 827–847. <https://doi.org/10.1177/0022022119861151>
10. Shu F., Ahmed S. F., Pickett M. L., Ayman R., McAbee S. T. Social support perceptions, network characteristics, and international student adjustment // International Journal of Intercultural Relations. 2020. Vol. 74. P. 136–148. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.11.002>
11. Hendrickson B. Intercultural connectors: Explaining the influence of extra-curricular activities and tutor programs on international student friendship network development // Internat. J. Intercult. Relat. 2018. Vol. 63. P. 1–16. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2017.11.002>
12. Bethel A., Szabo A., Ward C. “Parallel lives: Predicting and enhancing connections between international and domestic students” // Multi-Dimensional Transitions of International Students to Higher Education / ed. by D. Jindal-Snape, B. Rienties. London: Taylor&Francis, 2016. P. 21–36.
13. Павлюк Л. В. Международные проблемы академической адаптации иностранных студентов // Вестник педагогических наук. 2022. № 3. С. 63–68.
14. Неклюдова В. В. Владение русским языком как условие адаптации иностранных студентов (на примере студентов Пермской ГСХА) // Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики: материалы Международной научно-практической конференции (Пермь, 13 ноября 2015 г.). Пермь: Прикамский социальный институт, 2015. С. 241–246.
15. Бортникова Л. В., Наговицын Р. С. Роль студента-тьютора в адаптации иностранных студентов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2023. № 7 (221). С. 49–51. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.07>
16. Лазарева Л. В. Неформальные объединения иностранных студентов российских вузов как фактор их социальной адаптации // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики. 2019. № 1 (6). С. 54–58.
17. Фролова С. В. Социально-психологическая концепция приверженности личности стране: дис. ... д-ра психол. наук. Саратов, 2020. 504 с.
18. Фролова С. В. Социально-когнитивные основания психологической приверженности своей стране. М.: Академический проект, 2017. 153 с.

References

1. Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A. *Psikhologiya adaptatsii lichnosti* [Psychology of Personal Adaptation]. St. Petersburg, Praim-Evroznak, 2008. 480 p. (in Russian)
2. Carmona C., Van der Zee K. I., Van Oudenhoven J. P., Hernaiz-Agreda N. Intercultural competences and self-identity as key factors to adaptation. In: Roland-Lévy C., Denoux P., Voyer B., Boski P., Gabrenya W. K. Jr., eds. *Unity, diversity and culture. Proceedings from the 22nd Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology*. 2016. Available at: scholarworks.gvsu.edu/iaccp_papers/207 (accessed October 2, 2023).
3. Yu B., Bodycott P., Mak A. S. Language and interpersonal resource predictors of psychological and sociocultural adaptation: International students in Hong Kong. *Journal of Studies in International Education*, 2019, no. 23 (5), pp. 572–588. <https://doi.org/10.1177/1028315318825336>
4. Fenech R., Baguant P., Abdelwahed I. Cultural learning in the adjustment process of academic expatriates. *Cogent Education*, 2020, vol. 7, iss. 1. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2020.1830924>
5. Sobkowiak P. Developing intercultural identity on a sojourn abroad: A case study. *Studia Anglica Posnaniensia*, 2021, no. 56 (1), pp. 149–179. <https://doi.org/10.2478/stap-2021-0029>
6. Biserova G. K., Shagivaleeva G. R. Socio-psychological adaptation of international students to learning and

- professional activities. *Space and Culture, India*, 2019, no. 6, pp. 99–114. <https://doi.org/10.20896/saci.v6i5.411>
7. Yang F., He Y., Xia Z. The effect of perceived discrimination on cross-cultural adaptation of international students: Moderating roles of autonomous orientation and integration strategy. *Curr Psychol.*, 2023, no. 42, pp. 19927–19940. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03106-x>
 8. Luo M., Zhang X. Research status about influence factors of international students' cross-cultural adaptation with different models. *Open Journal of Social Sciences*, 2021, no. 9, pp. 51–63. <https://doi.org/10.4236/jss.2021.96006>
 9. Bender M., van Osch Y., Slegers W., Ye M. Social support benefits psychological adjustment of international students. *J. Crosscultural Psychol.*, 2019, no. 50, pp. 827–847. <https://doi.org/10.1177/0022022119861151>
 10. Shu F., Ahmed S. F., Pickett M. L., Ayman R., McAbee S. T. Social support perceptions, network characteristics, and international student adjustment. *International Journal of Intercultural Relations*, 2020, vol. 74, pp. 136–148. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.11.002>
 11. Hendrickson B. Intercultural connectors: Explaining the influence of extra-curricular activities and tutor programs on international student friendship network development. *Internat. J. Intercult. Relat*, 2018, vol. 63, pp. 1–16. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2017.11.002>
 12. Bethel A., Szabo A., Ward C. “Parallel lives: Predicting and enhancing connections between international and domestic students”. In: Jindal-Snape D., Rienties B., eds. *Multi-Dimensional Transitions of International Students to Higher Education*. London, Taylor&Francis, 2016, pp. 21–36.
 13. Pavlyuk L. V. International problems of academic adaptation of foreign students. *Vestnik pedagogicheskikh nauk [Bulletin of Pedagogical Sciences]*, 2022, no. 3, pp. 63–68 (in Russian).
 14. Nekljudova V. V. Russian language proficiency as a condition for adaptation of international students (on the example of GSHA students). In: *Jazykovaja tolerantnost' kak faktor effektivnosti yazykovoï politiki: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Perm', 13 noyabrya 2015 g.)* [The Language Tolerance as a Factor of Effectiveness of Language Policy. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Perm, November 13, 2015)]. Perm', Prikamskiy Social Institute Publ., 2015, pp. 241–246 (in Russian).
 15. Bortnikova L. V., Nagovitsyn R. S. The role of the Tutor-student in the International Students. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta [Scientific Theory Journal “Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta”]*, 2023, no. 7 (221), pp. 49–51 (in Russian). <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.07>
 16. Lazareva L. V. Informal Associations of international students as a factor in their social adaptation in Russian universities. *Aktual'nye problemy lingvistiki, perevodovedeniya i pedagogiki [The Actual Problems of Linguistics, Translation and Pedagogy]*, 2019, no. 1 (6), pp. 54–58 (in Russian)
 17. Frolova S. V. *Socio-Psychological Concept of the Personality's Commitment to the Country*. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Saratov, 2020. 504 p. (in Russian).
 18. Frolova S. V. *Sotsial'no-kognitivnye osnovaniya psikhologicheskoy priverzhennosti svoey strane [Socio-Cognitive Foundation of the Personality's Commitment to His Country]*. Moscow, Akademicheskii proekt, 2017. 153 p. (in Russian).

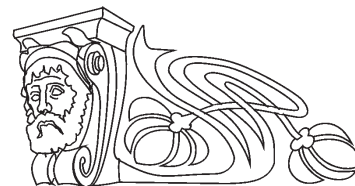
Поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 13.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 438–444
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 438–444
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-438-444>, EDN: QZSXYS

Научная статья
УДК 616.895:355.4

Проблемы и пути комплексной проработки последствий боевого стресса и боевых травм

Г. Н. Малюченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Малюченко Геннадий Николаевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и консультативной психологии, mgn1802@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3756-5366>

Аннотация. Введение. В статье анализируются теоретические подходы к пониманию внутриспсихических механизмов, порождающих боевые стрессы и психотравмы. Привлечено внимание специалистов к психофизиологическим и индивидуально-типическим факторам, влияющим на возникновение и протекание боевых посттравматических стрессовых расстройств. **Теоретический анализ.** Представлены этапы исследований последствий участия человека в боевых действиях, проводимых за последнее столетие. Рассмотрены научные взгляды на роль в развитии боевых посттравматических стрессовых расстройств таких врожденных свойств нервной системы, как сила нервных процессов, их уравновешенность и динамичность. Раскрыто значение типа темперамента человека в его реакциях на специфический боевой стресс, а также роль пластичности высшей нервной деятельности как фактора преодоления патологических факторов внешней среды, в том числе в приложении к условиям военных событий. **Заключение.** Анализируются индивидуальные факторы преодоления боевых стрессов и психотравм, проявленных в форме физиологических и психологических дисфункций, включая факторы, определяющие непосредственные психические реакции участников боевых действий. Формулируются выводы о наиболее эффективных путях коррекции общего функционального состояния психики и нервно-мышечного аппарата комбатанта.

Ключевые слова: симптоматика, боевой стресс, боевая психотравма, боевое посттравматическое стрессовое расстройство, свойства нервной системы, высшая нервная деятельность, тип темперамента, физиологические дисфункции, психологические последствия участия в боевых действиях

Для цитирования: Малюченко Г. Н. Проблемы и пути комплексной проработки последствий боевого стресса и боевых травм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 438–444. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-438-444>, EDN: QZSXYS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Problems and ways of comprehensive study of the consequences of combat stress and combat injuries

G. N. Malyuchenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Gennady N. Malyuchenko, mgn1802@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3756-5366>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of theoretical approaches to understanding the intrapsychic mechanisms that generate combat stress and psychotrauma. This article draws the attention of specialists to the psychophysiological and individual-typical factors affecting the occurrence and course of combat PTSD. **Theoretical analysis.** The stages of research on the consequences of human participation in hostilities conducted over the past century are presented. Scientific views on the role of such innate properties of the nervous system as the strength of nervous processes, their balance and dynamism in the development of combat PTSD are considered. The significance of the type of human temperament in his reactions to specific combat stress is revealed. The role of plasticity of higher nervous activity as a factor of overcoming pathological environmental factors, including its application in the conditions of military events, is also revealed. **Conclusion.** In conclusion, the analysis of the factors of overcoming combat stress and psychotrauma manifested in the form of physiological and psychological dysfunctions, including individual factors that determine the mental reactions of participants in combat operations, is carried out. Conclusions are drawn about the most effective ways to correct the general functional state of the psyche and neuromuscular apparatus of the combatant.

Keywords: symptoms, combat stress, combat psychotrauma, combat PTSD, properties of the nervous system, higher nervous activity, type of temperament, physiological dysfunctions, psychological consequences of participation in hostilities

For citation: Malyuchenko G. N. Problems and ways of comprehensive study of the consequences of combat stress and combat injuries. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 438–444 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-438-444>, EDN: QZSXYS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В любой науке имеют место две тенденции: а) инертность представлений о предмете исследований, в то время как сам предмет (в данном случае – психика человека) постоянно изменяется и б) стремление к углублению узких «кроличьих нор», т. е. копанию того, что и так раскопано, т. е. глубоко изучено. Боевые стрессы и психотравмы стали предметом систематических научных исследований еще в начале XX в. С тех пор психологическая наука и практика проделала в них много «кроличьих нор», но взгляд на предмет в целом не слишком расширился. Например, до сих пор ведутся дискуссии о том, требуется ли при лечении психотравм применять фармакотерапию в так называемые «золотые часы» и какие препараты при этом следует (не следует) назначать.

Когда в начале 70-х гг. XX в. американское научное сообщество впервые столкнулось с такой масштабной проблемой, как «дезадаптивное поведение ветеранов Вьетнамской войны», перед исследователями стояла задача скорейшей выработки наиболее продуктивного подхода к его пониманию и путям устранения запускающих его интрапсихических механизмов. В итоге была создана сеть специальных исследовательских центров социальной помощи ветеранам войны. Анализ накопленных в них клинических данных свидетельствовал о том, что всех обследуемых комбатантов объединяет *три ключевых признака*: а) высокие риски суицидального поведения; б) акты импульсивного реагирования с элементами насилия к окружающим; в) неблагополучие в семейной и социальной жизни.

Обобщив накопленные к концу 70-х гг. XX в., разрозненные эмпирические данные, американский психиатр М. Горовиц предложил все подобные расстройства с отмеченной выше и сходной симптоматикой выделить в один синдром под названием «посттравматическое стрессовое расстройство» (ПТСР) как не соответствующий другим, ранее открытым [1]. Так, начиная с 1980 г., данный синдром под аббревиатурой «PTSD» стал известен научному миру и был включен в официальный американский диагностический стандарт DSM-3.

Примечательно, что примерно в те же годы по сути параллельно развивались и другие подходы к исследованиям данного типа расстройств. Так, например, несколько иные трактовки последствий боевых стрессов и психотравм встречаются в работах П. Верн, который ввел в активный научный лексикон понятие «flashbacks» (навяз-

чивые воспоминания), рассматривая их как наиболее важную проблему ветеранов войн. Такие воспоминания, возникающие и днем, и ночью (в форме кошмарных сновидений), сопровождаются острыми, болезненными переживаниями, которые часто перетекают в длительные угнетенные состояния, соединенные со слабо контролируемыми страхами, сомато-вегетативными расстройствами, чувством вины либо с полной апатией и отчуждением ко всем прошлым интересам [2]. Наука и практика до сих пор находятся в поиске эффективных способов купирования «флэшбеков», включая подбор психотропных лекарств и аппаратную физиотерапию.

Особо отметим, что согласно принятым в мировой медицине правилам процесс подбора наиболее подходящих и эффективных медикаментозных средств требует тщательной предварительной диагностики индивидуальных психических свойств и личностных особенностей пациентов, так как именно они определяют их реакции на любые медикаментозные процедуры и препараты. Однако многие авторы указывают, что количество валидных психодиагностических методик, применяемых для оценки особенностей проявления посттравматических стрессовых расстройств в различных его формах (включая комплексные) пока весьма ограничено [3].

Как следствие, требуется признать такой парадоксальный факт: накопление значительного объема клинических исследований и иных эмпирических материалов пока не приблизило научное сообщество к созданию ряда оптимальных терапевтических методов лечения ПТСР и к (комплексным) ПТСР. Масса клинических случаев с различными исходами порождает пока лишь расхождения у теоретиков и вопросы у практиков.

Следует обратить внимание на тот факт, что к созданию абсолютно эффективных схем лечения ПТСР пока не приблизилась ни одна из стран, активно участвовавших в последнее столетие в боевых действиях. Однако, если в одних странах постепенно создаются некие достаточно самостоятельные, а значит и культурно-сообразные подходы к пониманию феноменологии боевых психотравм, к схемам их лечения (например, Израиль), то в других преобладают заимствованные теории и практики, а значит, методики и алгоритмы. В современной России имеют место обе названные тенденции: одни специалисты ищут самостоятельные подходы и схемы лечения [4], не пренебрегая мировым опытом, другие тяготеют к копированию готовых алгоритмов [5].

Как правило, каждый специалист отталкивается от своего личного видения того, что составляет ключевые особенности реагирования психики на боевые травмы. Его оценка первых последствий боевых стрессов и симптоматики боевых травм также зависит от расставляемых им акцентов. Кроме того, один специалист может работать в основном с «комбатантами» – активными участниками военных событий, а другой обобщает эмпирический опыт, полученный при работе с «мирными свидетелями» активных боевых действий. Это порождает множество вариантов описаний, как симптоматики, так и динамики боевых ПТСР, что во многом вызвано различными форматами, исходными мотивами и количеством времени участия человека в военных событиях.

Вероятно, по этим же причинам современные авторы в своих описаниях по-разному акцентируют значение тех или иных «внешних условий» и «внутренних факторов», влияющих на психические реакции участников боевых действий и развитие у них ПТСР. Более того, некоторые исследователи не учитывают жизненный опыт и ценности, которые человек имел до момента столкновения с военными событиями и боевой травмой. Однако следует отметить, что предшествующие военным событиям сценарии личностного развития, выраженные в определенных жизненных событиях, усвоенных навыках, смыслах, ценностях, так или иначе предопределяют общий вектор личностных изменений, возникающих под воздействием боевого стресса, психотравмы и пр.

Теоретический анализ

Периодический пересмотр определений расстройств, вызванных боевыми травмами, диагностических показателей ПТСР (кПТСР) в МКБ показывает, что среди специалистов ведутся непрерывные диспуты, вызванные новыми клиническими данными. Как показывает анализ научных публикаций по данной теме, так называемый «латентный период» после травмы у разных авторов также может колебаться от нескольких недель до 5–6 мес. Специфика изучения последствий боевых стрессов и боевых травм заключается в том, что их последствия, как правило, исследуются уже постфактум, т. е. после возникновения и критического нарастания типичной симптоматики. При этом авторы часто отмечают, что в развитии боевых ПТСР ключевую роль играет личностный потенциал, накопленный военнослужащим в предшествующий период его жизни [6].

Следует признать, что в 80% клинических случаев представители науки и практики имеют дело лишь с теми отсроченными последствиями участия человека в военных событиях, которые четко подпадают под соответствующие диагностические критерии МКБ. Однако весь спектр возможных последствий такого рода событий намного шире и неизбежно включает как «нетипичные» аффективные реакции, так и разнообразные когнитивные искажения, которые часто становятся «минами замедленного действия» и оказывают неожиданно значительное влияние на развитие личности в отдаленной перспективе. Иными словами, специалистам необходимо тщательно изучать все последствия боевых травм.

По данным различных исследований, патологическая реакция психики на боевые травмы может возникнуть в одном случае спустя 3–4 недели, а в другом – спустя 3 или 4 года. При прогнозе отдаленных последствий боевых травм следует учитывать, что время и интенсивность проявления симптоматики ПТСР зависят не только от качества помощи, оказанной в первые «золотые часы», но и от таких врожденных характеристик, как темперамент и базовые свойства нервной системы человека. Свойства высшей нервной деятельности, в частности сила нервных процессов, их уравновешенность и подвижность, выделенные еще И. П. Павловым, позже, ближе к середине XX в., были дополнены трудами Б. М. Теплова и В. Д. Небылицына в терминах «динамичность» и «лабильность». Все данные свойства имеют прямое отношение к индивидуальным типам реагирования на боевой стресс и травму. По всей вероятности, специфика индивидуальных реакций также значительно зависит от таких (пока еще слабо изученных) индивидуальных качеств, как *резильентность* (способность к быстрой реадaptации в стрессовых ситуациях) и *проактивность* (способность расставлять приоритеты, не поддаваясь импульсивным реакциям).

В русле изучения исходных психофизиологических предпосылок, определяющих спектр индивидуальных реакций человека на длительное пребывание в боевой обстановке, был построен научный труд известного западного психиатра, специалиста в области антропологии и психоанализа А. Кардинера. Он смог систематизировать психические феномены, связанные с участием в боевых действиях, что нашло отражение в изданной в 1941 г. монографии «Травматические невроты военного времени». Долгие годы этот труд оставался одним из главных практических руководств для медицинских

специалистов, занятых лечением психических расстройств у ветеранов боевых действий [7].

Объединив понятийное поле психоанализа и психиатрии, А. Кардинер ввел в науку понятие «центральный физионевроз», который проявляется у лиц, имеющих боевой опыт, в большей или меньшей степени, но в любом случае служит исходной причиной для нарушений целого ряда личностных функций. А. Кардинер первым установил, что хронический военный невроз имеет как физиологическую, так и психологическую природу, и дал первое комплексное описание его симптоматики, которое остается актуальным и по сей день:

сверхвозбудимость психики, сохраняющаяся в мирное время;

бесконтрольные реакции на внезапные раздражители;

потеря согласованности и целеполагания в любой деятельности;

искаженное восприятие под влиянием чувств страха и ужаса;

фиксация на обстоятельствах психотравмирующего события;

периодические «провалы» в болезненные переживания;

предрасположенность к неуправляемым агрессивным реакциям;

нарушение режимов сна и бодрствования.

Стоит заметить, что большая часть последующих разработок, вплоть до конца XX в., по сути проводилась в русле заданного Кардинером научного подхода к пониманию причин возникающих психофизических нарушений и их последствий во внешнем поведении участников боевых действий. Изменилась лишь терминология: ближе к концу XX в. на первый план в лексиконе клинической психологии и психиатрии вышли такие понятия, как «боевой стресс» и «боевая психотравма», определяющие соответствующие группы симптомов и понимание их непосредственных и отдаленных последствий.

Однако следует принимать во внимание тот факт, что боевой стресс в отличие от боевых травм возникает почти у всех участников боевых действий, имеет свойство накопления, вызывает истощение психики, что во многом предопределяет тяжесть реакций на последующие психотравмирующие события. Таким образом, это самостоятельное явление, которое часто остается в тени. Вместе с тем именно соединение боевого стресса (точнее, дистресса) и боевой травмы может вызывать осложненные расстройства и длительные последствия для физического и психического здоровья [8]. Обобщая данные, полученные на различных выборках лиц, имеющих

признаки боевого стресса и боевых психотравм, исследователи часто обнаруживают следующие проявления коморбидности:

увеличение фоновой и ситуативной тревожности от гнетущих мыслей и негативных чувств во всех необычных ситуациях;

сложности с расслаблением в течение времени дневного бодрствования и с засыпанием в ночные часы;

иррациональные действия и ритуалы, возникающие на фоне социально ориентированного активизма;

ослабление способности к концентрации внимания, временные и частичные провалы в памяти;

когнитивные искажения, проявляемые в отношении внешнего мира и своего места в нем;

склонность к употреблению алкоголя или психоактивных веществ;

импульсивные эмоциональные реакции, склонность к насилию;

повышенная утомляемость и внезапные перепады настроения;

депрессивные состояния с навязчивыми суицидальными мыслями.

Как отмечалось ранее, период весьма длительных, систематических и комплексных исследований боевых ПТСР и иных последствий боевых травм приходился на 70-е гг. XX в. В это время огромную роль играл такой макро-социальный фактор, как общественное мнение. Это произошло после провальной для Белого дома военной кампании во Вьетнаме. Фокусировка внимания на социально-политических факторах, влияющих на возникновение ПТСР, позволила вскрыть неявные причины массовой предрасположенности военных ветеранов к употреблению ПАВ и совершению самоубийств. Было установлено, что психика большинства комбатантов оказалась весьма чувствительной и уязвимой к общественным оценкам их ратных подвигов и военной операции в целом. Тогда впервые в науке было закреплено понимание того, что распространенность психических дисфункций среди участников боевых действий следует рассматривать в прямой связи с возникшим социальным контекстом. Оказалось, что негативные общественные оценки могут крайне отрицательно воздействовать на развитие боевых травм и боевых ПТСР [9].

Более того, как показали дальнейшие события, военная медицина и психологическая наука США при всем своем авторитете и финансовых вливаниях оказались бессильны остановить процесс нарастания психопатологий среди ветеранов, вернувшихся с войны. Этот процесс, являясь

прямым следствием захлестнувшего все слои тогдашнего общества «вьетнамского синдрома», по сути полностью обесценивал их военные заслуги. Неслучайно «вьетнамский синдром» стал первым в новейшей истории социально-психологическим явлением, которое систематически исследуется последние полстолетия. Научные знания о деструктивном воздействии данного явления должны учитываться в полной мере при реализации внутренней информационной политики в Российской Федерации как во время, так и после окончания специальной военной операции.

В данном контексте уместно вспомнить историческую фактологию включенную в известный художественный фильм «Форест Гамп». Его сюжет в значительной мере переплетен с ключевыми моментами вьетнамского синдрома, вплоть до включения кинохроники 70-х гг. XX в. В фильме получили отражение по сути два альтернативных варианта реагирования психики человека на экстремальный боевой опыт. Главный герой фильма Форест Гамп попадает на вьетнамский фронт и вскоре оказывается в самом «пекле войны». Ему удается вытащить из-под огня пару своих сослуживцев и командира лейтенанта Дэна Тейлора, с детства запрограммированного на поиски «геройской смерти». Однако Форест Гамп не чувствует себя героем и чаще думает о своей девушке, чем о своем опыте участия в войне.

Покинув госпиталь после ранения, Форест Гамп активно включается в соревнования по настольному теннису. Как известно, игровая активность в настольном теннисе предполагает постоянные быстрые движения глаз, что во многом соответствует методологии и техникам ДПДГ. То есть он интуитивно выбирает и применяет на себе один из эффективных методов переработки негативного опыта посредством четко структурированной двигательной активности глаз и рук. На долгий срок герой погружается в этот спорт и добивается в нем выдающихся результатов. Процесс исцеления его психики строится на сочетании двигательной активности с социально одобряемым спортивным азартом «победителя». По возвращении в США Форест Гамп отнюдь не страдает от чувства вины или разочарования. Однако в скором времени его ждет другой удар судьбы: уход его возлюбленной Дженни. Теперь главный герой применяет несколько иной способ отреагирования: на следующий день он пускается в трехлетний марафон, пересекая множество штатов, приобретая последователей и известность в СМИ. Но вот однажды Форест осознает, что «очень устал» и его забег прерывается так

же внезапно, как начался. На языке бытовой психологии его «отпустило»: чувства отчаяния и смятения, вызванные уходом Дженни, постепенно ушли и сменились чисто физиологическим ощущением усталости. Для проработки второй, более серьезной лично для него, психотравмы он интуитивно находит и применяет такой метод, как растянутый на годы марафонский забег. Так ему удается постепенно «растрясать» свою беду. А то, что «хорошо сработало» в одном случае, не обязательно будет столь же полезно в другом. Об этом следует помнить всем специалистам, практикующим в сфере травматерапии.

Примечательно, что второй герой фильма – лейтенант Дэн Тейлор – представляет совершенно иной тип психики и иной сценарий реагирования на боевую травму. Его реакция по сути сводится к полному распаду его «прежнего Я», построенного на семейных преданиях о «военной косточке» и геройской гибели в бою. Потеряв в войне свою прежнюю идентичность, Дэн Тейлор погружается в серийное и мучительное саморазрушение. Однако подсознательно он продолжает искать выход из нисходящей спирали психотравмы, в которой оказался. Это объясняет, почему при всем своем скепсисе он принимает приглашение от своего бывшего бойца, активно втягивается в бизнес по отлову креветок, а впоследствии принимает свое «новое Я». Вероятно, с полным принятием «зигзагов судьбы» как-то связан и его выбор в качестве невесты девушки вьетнамки.

Один из важнейших посылов данного фильма заключается в том, что его главный герой, с детства имеющий симптомы расстройства аутистического спектра и некоторую задержку интеллектуального развития («IQ-70» мелькнет в эпизоде фильма), оказывается более жизнестойким, чем его окружение. Возможно, авторы фильма пытаются донести зрителю идею о том, что «высокоразвитый интеллект» в ряде случаев скорее препятствует, чем способствует излечению психических травм! Примечательно, что данные некоторых клинических исследований также свидетельствуют о том, что так называемый «высокий уровень интеллекта» может оказаться скорее частью проблемы, нежели ключом к ее разрешению. Поэтому специалистам так важно уметь переключать реакции своих клиентов с интеллектуальных поисков (часто это иррациональное самокопание) в режим телесно ориентированного динамического отреагирования.

Для более ясного понимания того, как строятся индивидуальные пути проработки боевых стрессов и травм, следует рассмотреть их связь

с физиологическими процессами. Как уже говорилось, первая реакция организма на боевой стресс и психотравму во многом зависит от базовых свойств нервной системы, в частности от ее силы или слабости (согласно концепции И. П. Павлова). Однако уже к середине XX в. выдающийся отечественный исследователь Б. М. Теплов существенно пересмотрел и дополнил павловскую теорию новыми экспериментальными данными. Так, например, он был первым, кто смог доказательно раскрыть сильные стороны так называемой «слабой» нервной системы; стал проводить четкие различия между свойствами нервной системы как природными врожденными особенностями (физиологические свойства) и особенностями так называемого «психического склада человека», включая его поведение, типы характера и эмоциональной саморегуляции. Б. М. Теплов называл их «динамическими особенностями», уточняя, что в динамическом аспекте поведения следует выделять скорость, темп, напряженность, вариабельность. При этом он отмечал, что эти динамические особенности не могут быть врожденными, они нарабатываются в процессе взаимодействия человека и среды [10].

Особо следует отметить, что Б. М. Теплов трактовал темперамент как «поведенческое проявление свойств нервной системы» человека, а различия между его типами устанавливал по таким важным критериям, как *приспособляемость к окружающей среде и стойкость в отношении патологизирующих агентов внешней среды*. Значительное место в системе свойств нервной системы Б. М. Теплов и его коллеги отводили понятию «пластичность психики», которая может вполне целенаправленно развиваться. Иными словами, *тип темперамента требует особого учета, но, меняя стиль жизни человека, применяя специальные психотехники, направленные на развитие высокой пластичности ЦНС, можно влиять на ее отдельные типологические особенности*. Данное положение представляется весьма важным для понимания ключевых задач профилактики и лечения боевых стрессов и психотравм.

В структуре темперамента Б. М. Теплов выделял такую значимую компоненту, как эмоциональная возбудимость, включающую выражение эмоций и общую быстроту движений. Из этого следует, что если эмоциональная возбудимость человека относительно высока, то эффективное отреагирование боевого стресса и боевых травм должно осуществляться через систематическую двигательную активность! В противном случае возникает и закрепляется циклически проявляемая, не затухающая патологическая симпто-

матика. Терапия боевых ПТСР при этом будет растянута на долгие годы малопродуктивной борьбы с однажды потревоженной «внутренней стихией».

В ходе поиска наиболее действенных способов отреагирования последствий боевых стрессов и психотравм, специалист должен решить такую задачу, как достижение оптимального эффекта в соотношении базовых свойств нервной системы клиента, характеристик его темперамента и той программы травмотерапии, которая с ним проводится. Вспомним, что типологические особенности нервной системы могут постепенно изменяться под влиянием условий жизни благодаря пластичности нервных процессов. Однако для получения позитивных сдвигов следует тщательно подбирать «ключи воздействия» на более высоких уровнях т. е. инструменты развития саморегуляции личности и коррекции ее взаимодействия с внешней средой.

Рассмотрим приведенный тезис на примере работы с боевым стрессом. Как известно, боевой стресс представляет собой совокупность состояний, переживаемых участниками боевых действий в процессе адаптации к экстремальным условиям, угрожающим их жизни и здоровью. В отличие от «неспецифических стрессов», возникающих в мирной жизни, возникновение боевого стресса часто характеризуется сочетанием следующих составляющих:

- ситуации, угрожающие жизни и здоровью военнослужащего;
- ранения, контузии, увечья или дозы облучения;
- гибель близких людей из числа сослуживцев; ужасающие картины смерти и человеческих мучений;
- случай гибели мирных граждан, ответственность за жизни которых комбатант берет (или вынужден брать) на себя;
- драматические события, в ходе которых затронуты честь и достоинство самого комбатанта или его подразделения.

Заключение

Интенсивность переживания боевого стресса зависит от взаимодействия двух основных переменных – силы и длительности воздействия на психику комбатанта стрессогенных факторов и особенностей его реагирования на их воздействие. Как показывает практика, боевой стресс, непрерывно длящийся более 72 ч, у подавляющего числа бойцов трансформируется в «специфический боевой дистресс». Выдержать

его могут лишь те, кто имеет соответствующие свойства психики, кто прошел специальную подготовку и, как следствие, имеет иное восприятие указанных факторов. В противном случае никакие «эффективные приемы», направленные на снижение психического напряжения, в боевых условиях не помогут.

Для профилактики деструктивных последствий боевого стресса требуется поэтапная и комплексная работа с личным составом воинских подразделений, включающая решение следующих задач:

системную диагностику особенностей психофизиологического реагирования человека на боевой стресс;

коррекцию эмоционального и интеллектуального реагирования на негативные факторы, сопутствующие военным событиям;

практическое освоение эффективных способов саморегуляции эмоционально-волевой сферы;

развитие умений адаптивного психофизиологического функционирования в условиях боевых действий.

Таким образом, для оказания действенной помощи комбатантам, переживающим боевой стресс (и его последствия), следует предварительно научить их применять специальные приемы и техники, направленные на развитие таких свойств психики, как лабильность и пластичность.

Целенаправленно активируя данные свойства, можно постепенно скорректировать общее функциональное состояние психики и нервно-мышечный аппарат комбатанта, а значит, хотя бы отчасти снять риски развития боевых ПТСР, препятствуя нарастанию патологической симптоматики. При этом следует помнить, что комбатанты в большей мере проявляют готовность к взаимодействию со специалистом, когда им предлагается проработать последствия длительных боевых стрессов (дистрессов), а не психотравм, что вполне объяснимо, так как термин «боевой стресс» им более понятен и не воспринимается как угроза вторжения в границы их внутреннего мира.

Список литературы

1. Horowitz M. J., Wilner N., Kaltreider N., Alvarez W. Signs and symptoms of posttraumatic stress disorder // Archives of General Psychiatry. New York : International University Press, 1980. Vol. 37. P. 85–92.

2. Bourne P. G. The Psychology and Physiology of Stress. New York : Academic Press, 1969. 198 p.
3. Michael B. First. DSM-5 Handbook of Differential Diagnosis. M. D. Washington : DC, American Psychiatric Publishing, 2014. 226 p.
4. Китаев-Смык Л. А. О посттравматическом стрессовом расстройстве // «Psy.su». URL: <https://psy.su/feed/8267/> (дата обращения: 28.08.2023).
5. Филиппов Д. С., Касьянов Е. Д. Алгоритм лечения посттравматического стрессового расстройства // PsyAndNeuro. ru. URL: <https://psyandneuro.ru/stati/ptsd-treatment/> (дата обращения: 03.09.2023).
6. Delahanty D. L. Toward the predeployment detection of risk for PTSD // American Journal of Psychiatry. 2011. January. Vol. 168, № 1. P. 9–11. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2010.10101519>
7. Kardiner A. The Traumatic Neuroses of War. New York : Paul B. Hoeber, 1941. 258 p.
8. Тарабрина Н. В. Психология посттравматического стресса. М. : Когито-Центр, 2009. 390 с.
9. Boulanger G., Kadushin C. The Vietnam Veteran Redefined: Fact and Fiction. New York : Hillsdale, 1986. 202 p.
10. Теплов Б. М. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М. : Педагогика, 1985. 360 с.

References

1. Horowitz M. J., Wilner N., Kaltreider N., Alvarez W. Signs and symptoms of posttraumatic stress disorder. Archives of General Psychiatry. New York, International University Press, 1980, vol. 37, pp. 85–92.
2. Bourne P. G. The Psychology and Physiology of Stress. New York, Academic Press, 1969. 198 p.
3. Michael B. First. DSM-5 Handbook of Differential Diagnosis. M. D. Washington, DC, American Psychiatric Publishing, 2014. 226 p.
4. Kitaev-Smyk L. A. About post-traumatic stress disorder. «Psy.su». Available at: <https://psy.su/feed/8267/> (accessed August 28, 2023) (in Russian).
5. Filippov D. S., Kasyanov E. D. Algorithm of treatment of post-traumatic stress disorder. PsyAndNeuro. ru. Available at: <https://psyandneuro.ru/stati/ptsd-treatment/> (accessed September 3, 2023) (in Russian).
6. Delahanty D. L. Towards the pre-deployment detection of risk for PTSD. American Journal of Psychiatry, 2011, January, vol. 168, no. 1, pp. 9–11. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2010.10101519>
7. Kardiner A. The Traumatic Neuroses of War. New York, Paul B. Hoeber, 1941. 258 p.
8. Tarabrina N. V. Psychologiya posttraumaticheskogo stressa [Psychology of Post-traumatic Stress]. Moscow, Kogito-Center, 2009. 390 p. (in Russian).
9. Boulanger G., Kadushin C. The Vietnam Veteran Redefined: Fact and Fiction. New York, Hillsdale, 1986. 202 p.
10. Teplov B. M. Izbrannyye trudy: v 2 t. T. 2 [Selected Works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Pedagogika, 1985. 360 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 06.09.2023; одобрена после рецензирования 17.09.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 06.09.2023; approved after reviewing 17.09.2023; accepted for publication 13.11.2023

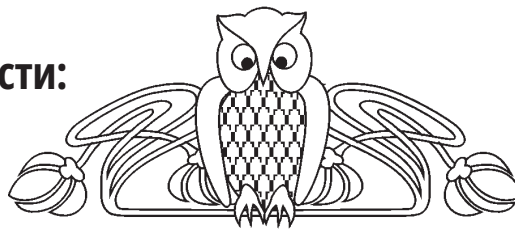

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 445–451
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 445–451
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-445-451>, EDN: QCOXQR

Научная статья
УДК 159.923+316.613.4

Эмоциональная экологичность личности: феноменологический анализ и перспективы исследований

С. В. Фролова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Фролова Светлана Владимировна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей и консультативной психологии, frolovasv71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>

Аннотация. Во *введении* описываются внутринаучные и социокультурные факторы, определяющие сложности разработки проблемного поля психологии эмоциональной сферы личности; отмечаются ее малоизученные вопросы, решение которых может открывать новые перспективы развития фундаментального и прикладного знания о сущности человеческой природы. В качестве одной из эвристических задач предлагается изучение личностной экологичности в выражении и управлении чувствами. Объектом *теоретического анализа* является феномен эмоциональной экологичности личности, описание которого опирается на представления об экологии личности, недавно возникшие в психологии. Вводится и определяется понятие эмоциональной экологичности личности как комплексной способности генерировать и выражать психологически безопасную для себя и для других, экосензитивную, проактивную реакцию на происходящие события и эмоциональные проявления других людей. Выделяются компоненты эмоциональной экологичности, связанные с характером выражения эмпатии, интереса и доверия чувствам другого человека, предоставления ему свободы в эмоциональных переживаниях, а также готовностью к нейтрализации чужих негативных эмоций, регулированием собственной эмоциональной экспрессии, locusом контроля эмоций. В *заключении* намечаются перспективы разработки психодиагностических инструментов, служащих выявлению способности эмоциональной экологичности личности, и применения результатов будущих эмпирических исследований в практике позитивного психологического консультирования.

Ключевые слова: психологическая экологичность, эмоциональная экологичность личности, проактивное поведение, экосензитивность, позитивное психологическое консультирование

Для цитирования: Фролова С. В. Эмоциональная экологичность личности: феноменологический анализ и перспективы исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 445–451. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-445-451>, EDN: QCOXQR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Personality's emotional ecological safety: Phenomenological analysis and research prospects

S. V. Frolova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana V. Frolova, frolovasv71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>

Abstract. The *introduction* describes intrascientific and sociocultural factors that determine the difficulties of studying research problems of psychology of a personality's emotional sphere, and highlights its insufficiently studied issues. The solution to these issues may offer new prospects of the development of fundamental and applied knowledge of the essence of human nature. The author suggests examining a personality's ecological safety in expressing and controlling feelings as one of the heuristic objectives. The theoretical analysis aims at the phenomenon of a personality's emotional ecological safety. Its description is based on the ideas of personality ecology that have recently emerged in the field of psychology. The author introduces and defines the notion of a personality's emotional ecological safety as a complex ability to generate and express psychologically safe for a personality and other people, eco-sensitive, proactive reaction to the events and emotional behavior of other people. The research identifies the components of emotional ecological safety connected with the ways of expressing empathy, interest and trust in another person's feelings, giving him or her freedom of emotional experience, and readiness to neutralize other people's negative emotions, regulation of one's own emotional expressiveness, the locus of control over emotions. The *conclusion* outlines the prospects for designing psychodiagnostic tools to find the ability of a personality's emotional ecological safety and application of the results of further empirical research in the positive psychological counseling.

Keywords: psychological ecological safety, personality's emotional ecological safety, proactivity, eco-sensitivity, positive psychological counseling

For citation: Frolova S. V. Personality's emotional ecological safety: Phenomenological analysis and research prospects. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 445–451 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-445-451>, EDN: QCOXQR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одной из самых значительных, но еще мало изученных и разработанных областей научного знания является психология эмоциональной сферы личности. Наряду с бихевиоризмом и когнитивизмом сложно представить существование такого направления в психологии, как «эмоционизм» или «эмоцинология», ставящего в центр внимания эмоциональный мир человека и изучающего весь спектр проявлений разных видов и уровней эмоций, их детерминант и областей влияния, хотя термин «эмоцинология» уже используется, но не в области психологии, а в культурологии для обозначения самостоятельной дисциплины, исследующей историю эмоций в контексте различных культур [1].

Сложности уделения особого внимания эмоциональной сфере как самостоятельному научному предмету в психологии, по всей видимости, связаны с достаточно укрепившимися установками рассмотрения эмоций либо как форм физиологических или поведенческих реакций, либо как оценок воспринимаемых объектов с точки зрения удовлетворения потребностей. Возможно, такое отношение к эмоциям как «несамостоятельным» продуктам психики опирается на уже долго существующую мировоззренческую традицию, которую Рене Декарт оформил в виде научного дуализма и положения о существовании двух субстанций – тела и души, не найдя определенного места для чувств, и приписав их одновременно к проявлениям и той и другой природы [2, с. 349].

Подкрепляет подобные научные установки и бытующее мнение об эмоциях как проявлениях слабых, маловоспитанных, незрелых людей. По всей видимости, такое отношение обусловлено распространенной в обществе идеей доминирующего прагматизма. Если возникновение время от времени новых социальных запросов на формирование тех или иных поведенческих моделей и создание определенных интеллектуальных продуктов – уже обычная макроисторическая практика, то, как использовать эмоции, кроме их избирательного, выборочного обслуживания процессов производства по удовлетворению потребностей, общество, по всей видимости, еще не придумало.

Между тем крылатая фраза «эмоции делают нас людьми» соответствует в определенной степени ее реальному значению. Правда, не все эмоции, а их особые виды – сущностные предметные чувства, «посредством которых происходит духовное единение с предметом потребности и обретается знание его сути» [3, с. 67] – наделяют субъекта истинно человеческими качествами. Среди высших эмоциональных проявлений, помимо интеллектуальных эмоций, В. В. Зеньковский описывал социальные и моральные чувства [4, с. 145–169]. Также могут быть выделены интеллектуальные и духовные чувства, феноменология которых еще в должной мере не вполне изучена, но изыскания в этой области могли бы опираться на методологию, заложенную в ряде философско-психологических идей С. Л. Франка [5].

В истории психологии было обозначено несколько видов детерминизма эмоциональных явлений: физиологический, социокультурный, когнитивный. В большинстве случаев отделить эти детерминирующие группы факторов в своем воздействии на эмоциональные процессы и состояния невозможно. К тому же и сами эмоциональные явления могут выступать в детерминирующей роли по отношению к когнитивным, физиологическим и даже к социокультурным явлениям (например, в случае культурной травмы целого народа).

Эмоции выполняют в жизни человека многочисленные функции: отражательно-оценочную, мотивационную, коммуникативную, активационно-энергетическую. Особенно перспективной, но практически еще не изученной является информационная составляющая эмоций. Важным и эвристичным представляется развитие идеи об эмоциях как некоем универсальном протоязыке или даже метаязыке. Чувства есть сообщения, всегда имеющие адресата. С этой точки зрения эмоциональная креативность может представляться в качестве особой способности к генерированию новых чувственных сообщений [6]. Однако широкий спектр всевозможных микро-, мезо- и макрофункций эмоций остается еще слабо изученным.

Достаточно интегративным понятием в современной психологии, описывающим комплекс способностей, связанных с проявлением эмоций,

служит понятие эмоционального интеллекта [7]. Оно вмещает в себя способности понимать свои и чужие чувства, а также управлять ими. Однако до сих пор еще не ставился вопрос о границах, безопасности, экологичности в выражении и управлении чувствами.

Теоретический анализ

Понятие экологичности в последнее время выходит за пределы биологического знания, занимая свое место в различных областях естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, а также в широком проблемном поле психологии. Как заметил В. И. Панов, разные направления современной экологической психологии объединяет общая методологическая установка рассмотрения психологических проблем человека в контексте системных отношений «человек – природная и социальная окружающая среда» [8, с. 152].

Появляются специальные направления, обозначающие новые предметы исследований: экология человека, эмотивная лингвоэкология [9], экология личности. Под *экологией личности* предлагается понимать изучение закономерностей взаимодействия и сохранения здоровья личности, восстановления душевного равновесия в условиях социальной и информационной среды [10].

В современных психологических технологиях эффективного достижения целей в качестве одного из важных принципов используется следование правилу «экологии» [11, с. 52, 68], предполагающее рассмотрение возможных планов и действий человека в обширной системе его жизни, включающей как широкое видение социального окружения и полного спектра различных сторон собственного существования, так и последствий принимаемых решений в долгосрочных перспективах. Другими словами, правило экологичности подразумевает использование человеком возможностей прогнозирования того, как будут сказываться осуществляемые им действия на окружающих людях и на равновесии между всеми сферами личной жизни.

В контексте широкого понимания экологии личности может быть значительно расширено и представление об *экологическом сознании*, не сводящемся только к рефлексии последствий своих поступков для естественной природы, а распространяющемся и на осмысление мира социальных взаимодействий, культурных связей и психологических субъектов. Следуя данной

логике, можно говорить об *экоцентричности* сознания как о свойстве восприятия природных, социальных, культурных объектов как субъектов и полноправных партнеров по взаимодействию. В основе такого сознания лежит особый тип *экосензитивного отношения к миру*, исходным общим фундаментом для понимания которого служит психологическая теория отношений личности, созданная В. Н. Мясищевым [12].

Ранее нами описывалась роль теории отношений личности и методологического принципа *экосензитивности* для разработки позитивно ориентированной теории в консультативной психологии [13]. Экосензитивность личности тесно связана с качеством *самотрансцендентности* и означает сущностную открытость человека миру и выраженность потребности выйти за пределы самого себя не с экспансивно-агрессивными или корыстно-прагматическими целями, а в поиске смыслов своей жизни через посвящение себя служению чему-то большему, чем его индивидуальное, замкнутое на себе самом, низшее, эгоцентрическое «Я». Личностная *экосензитивность* предполагает важность системы социально-психологических отношений, социальных связей, принимаемых культурных норм и даже особенностей переживания получаемых впечатлений от элементов природной и социальной окружающей среды. Как писал создатель теории логотерапии В. Франкл, быть человеком «значит всегда быть направленным на что-то или на кого-то, отдаваться делу, которому человек себя посвятил, человеку, которого он любит, или Богу, которому он служит», тянуться к смыслу и ценностям, которые он может обрести только выйдя за пределы самого себя [14, с. 51].

Психологическая экологичность личности может быть рассмотрена как *системная способность человека выстраивать особый вид проактивного* (рефлексивного, прогностически ориентированного, в той или иной степени произвольного) *и экосензитивного отношения к миру* (внешней среде своей жизни и отдельным ее компонентам и субъектам, к самому себе и своим внутренним переживаниям), *проявляющаяся в когнитивных, эмоциональных, конативных (поведенческих), ценностных личностных образованиях и реакциях, учитывающих возможные временные и пространственные перспективы вызываемых ими социально-психологических последствий.*

Эмоциональную экологичность личности (как одну из составляющих психологической

экологичности) можно понимать как комплексную способность генерировать и выразить психологически безопасную, экосензитивную и проактивную (рефлексивную, прогностически ориентированную, произвольную) реакцию на происходящие события и эмоциональные проявления других людей с учетом их готовности к вступлению в эмоциональный контакт, проявлению внешнего внимания к их чувствам или проникновению в их внутренний мир. Данная способность является комплексной, поскольку в ней можно выделить несколько составляющих. Рассмотрим их более подробно.

1. *Эмпатийная экологичность личности* проявляется не только в сопереживании ближнему, но и в готовности и возможности учитывать расположенность и желание другого человека делиться своими чувствами в текущей ситуации. Случается так, что человек сталкивается с особыми переживаниями в своей жизни, требующими на определенном этапе огромной внутренней концентрации, сосредоточения, рефлексии. Это время, когда человек первично вступает в контакт с новыми собственными чувствами, возникшими в неожиданно открывшихся жизненных обстоятельствах. В таких условиях внешнее участие окружающих, какими бы добрыми побуждениями оно ни было продиктовано, может нарушать важный процесс внутренней работы, самопонимания, собственного совладания с трудностями. Эмпатийная экологичность проявляется как экосензитивный и проактивный процесс внешнего социально-психологического самовыражения субъекта, запускаемый вслед за возникшими во внутреннем мире глубинными сопереживаниями другому человеку. Такой аспект эмоциональной экологичности не может проявляться в отсутствие эмпатии. Это не холодность, не равнодушие, а именно сопереживание, но готовое протекать без явного внешнего, экспрессивного выражения, достаточно аутентично, очень осторожно, бережно по отношению к личности другого человека, погруженного в сложную когнитивно-эмоциональную, внутренне преобразовательную работу по осмыслению себя и особой (трудной, экстремальной, необычной и т.д.) жизненной ситуации.

2. *Экологичность в проявлении интереса к чувствам другого человека* – способность активно выражать заинтересованность эмоциями партнера по общению только при условии возникающего у него желания делиться своими переживаниями. Излишнее, настойчивое

любопытство к сфере чувств другого человека может являться своего рода эмоциональным вторжением в его внутренний мир. В отличие от эмпатийной экологичности данная способность не предполагает обязательного включения процессов эмпатии (всех или отдельных ее каналов, прежде всего – эмоционального). Отдельные индивиды могут испытывать интерес к чувствам другого, но при этом затрудняться в их понимании, и, как следствие, в сопереживании.

3. *Эмоциональное принятие Другого* – способность принятия чувств партнера по общению, понимания уникальности и важности его эмоционального опыта в различных проявлениях и в разных ситуациях, признания глубинного, естественного права человека переживать то, что он чувствует. Такое экологичное принятие чувств Другого, как правило, требует развитой способности к эмпатии, и в первую очередь к задействованию ее эмоционального канала. При этом готовность принимать чужие чувства, насколько бы они ни шли вразрез с собственными чувствами и сиюминутными желаниями, предполагает порой большую личностную силу и даже бесстрашие перед разделением бремени тяжелых переживаний с другим человеком. Одними из важных личностных ресурсов в проявлении этой способности являются *ценностное отношение к эмоциональному участию в жизни Другого и уверенность в сохранении уникальности глубинного, центрального слоя собственного внутреннего мира, подобного высшему, духовному «Я»*, выделенному в философско-психологическом учении С. Л. Франка [5]. Нарушением такого аспекта экологичности личности, как эмоциональное принятие партнера по общению, является выражаемый запрет на проявление чувств другого человека. Примером может служить произносимое требование: «Не плачь! Не могу смотреть на твои слезы! Это невыносимо». Запрет может распространяться и на любые невербальные выражения чувств, например, в таких вопросах, оценках, просьбах или призывах, как: «Что у тебя с лицом?!», «На выражение твоего лица смотреть тошно», «Сделай выражение лица поприятнее!», «Улыбнись, добавь блеска в глаза!». Существует порой тонкая, но очень важная грань между стремлением оказать человеку эмоциональную поддержку (например, подбадривая его) и ограничивающим, насильственным влиянием, мотивируемым желанием освободиться от восприятия выражаемых им эмоций.

4. *Экологичное доверие чувствам другого человека* – способность верить в истинность чувств, сообщаемых партнером по общению, и в его возможности самопонимания. Нарушение функционирования этой способности может проявляться в виде *отрицания чувств*, выражаемых другим человеком, или *приписывания* ему иных чувств, исходя из собственных представлений, порой иллюзорных и ложных. Такая дисфункциональная особенность личности связана с избыточными претензиями в принятии на себя роли внешнего эксперта, знающего о чужих чувствах и видящего со стороны гораздо больше, чем сам переживающий субъект. *Отрицание чувств Другого* может сопровождаться, например, комментариями типа: «Ты не можешь этого чувствовать, ты даже не знаешь, что это такое», «Что он [ребенок] вообще может чувствовать [в его возрасте]!». Роль «эксперта», знающего внутренний мир Другого лучше, чем его носитель, может проявляться в стремлении скорректировать, подменить чувства, сообщаемые переживающим субъектом, на другие, более верные, с точки зрения внешнего наблюдателя. Например, человеку, испытывающему искреннее сожаление, недоумение и беспомощность от отсутствия взаимопонимания, может адресоваться следующая фраза: «Ты злишься, ненавидишь и специально ничего не предпринимаешь, это очевидно».

5. *Готовность предоставления свободы другому человеку в генерировании чувств и формы их переживания* можно также рассматривать как еще одну составляющую комплексной способности эмоциональной экологичности. Ее недостаточная выраженность может наблюдаться в виде склонности предъявления партнеру по общению требований к проявлению особых чувств или определенных форм их переживания. Это особое внимание к внутреннему миру близкого представляет своего рода стремление к власти и контролю над чувствами другого человека. Например, это может выражаться в виде претензий относительно недостаточной силы любви или ее отсутствия, обвинений в черствости, равнодушии, или, наоборот, в чрезмерной увлеченности кем-либо или кем-либо.

6. *Экспрессивная эмоциональная экологичность* – способность регулировать выражение собственных чувств с учетом готовности партнера по общению к восприятию формы и силы эмоциональной экспрессии. Здесь речь не идет

о подавлении чувств, а об особых механизмах гибкого, вариативного управления способами их выражения.

7. *Экологичный локус контроля эмоций* – способность принимать на себя ответственность за испытываемые чувства, не перекладывая ее на других людей и не обвиняя их за собственные переживания. Несмотря на то, что эмоция представляет собой особый ответ на происходящие с человеком события, т. е. она является по своей первичной природе реактивной, ее пролонгированность, длительность, сила, форма, пластичность, мотивирующие и преобразовательные свойства могут инициироваться проактивно.

8. *Экологичная нейтрализация негативных эмоций другого человека* – способность генерировать в ответ на сильные отрицательные эмоции другого человека более спокойное эмоциональное состояние, так, как если бы тот проявлял себя нейтрально; возможность не поддаваться на бурные провокации извне и не заражаться теми эмоциональными состояниями, которые неприятны или не способствуют конструктивному эмоциональному общению и решению актуальной проблемной ситуации.

Заключение

Как любая форма проактивного поведения эмоциональная экологичность личности предполагает хорошо развитые механизмы саморегуляции. Конечно, следует иметь в виду, что в состоянии сильного стресса актуализация навыков саморегуляции может значительно тормозиться. Однако в повседневной практике межличностного общения способности эмоциональной экологичности личности могут выступать прочным фундаментом для взаимопонимания и установления гармоничного взаимодействия.

Рефлексия способностей эмоциональной экологичности личности может являться одной из важных задач в психологической работе, направленной на разрешение проблем в семейных, супружеских, детско-родительских отношениях, в сфере конструирования способов совладания личности с психическими травмами, прямо или косвенно связанными с межличностным общением, в тренировке навыков саморегуляции и духовном самосовершенствовании субъекта.

Развитие способностей эмоциональной экологичности личности отвечает методологической ориентации позитивного психологи-

ческого консультирования [13], признающего способность человека быть субъектом своей жизни, выбирать и создавать лучшее из реально возможного на пути самоактуализации и воплощения жизненного замысла и опирающегося на принципы системности, экосензитивности и самотрансцендентности, позитивного взаимодействия, психологического преобразования и психосинтеза, развития и креативности.

Дальнейшее исследование проблемы эмоциональной экологичности личности требует более детальной операционализации этого понятия, сопряженной с конструированием и апробацией психодиагностических инструментов, позволяющих выявлять ее феномены, индикаторы и показатели общего уровня выраженности и отдельных входящих в нее компонентов. Разработка психодиагностических средств позволит в дальнейшем определять спектр функций и факторов детерминации эмоциональной экологичности личности, ее роль в совладании с трудными ситуациями и жизненными кризисами, построении гармоничных межличностных отношений и регуляции значимых видов деятельности. Решению ряда таких задач будут посвящены наши следующие изыскания.

Список литературы

1. Stearns P. N., Stearns C. Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // *American Historical Review*. 1985. № 90. P. 813–836.
2. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
3. Кулагина И. Ю., Колоцкий В. Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М. : ТЦ «Сфера», при участии «Юрайт-М», 2001. 464 с.
4. Зеньковский В. В. Психология детства. Екатеринбург : Деловая книга, 1995. 348 с.
5. Франк С. Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М. : Директ-Медиа, 2008. 281 с.
6. Фролова С. В. Апробация авторского теста и тренинга эмоциональной креативности // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 471–477. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-4-471-477>
7. Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям* / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М. : Институт психологии РАН, 2009. С. 264–278.
8. Панов В. И. Экологическая психология: проблемы и направления // *Мир психологии*. 2020. № 2 (102). С. 144–154. <https://doi.org/1944-2073-8528-2020-2-144>
9. Шаховский В. И. Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике. Волгоград : ВГСПУ «Перемена», 2017. 358 с.
10. Дружилев С. А. Психическое здоровье и экология личности // *Успехи современного естествознания*. 2012. № 9. С. 64–67.
11. О'Коннор Дж., Лейджес А. Коучинг с помощью НЛП: практическое руководство по достижению поставленных целей / пер. с англ. М. Котельниковой. М. : ФАИР, 2008. 288 с.
12. Мясичев В. Н. Психология отношений. М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : МОДЭК, 2003. 400 с.
13. Фролова С. В. Позитивное психологическое консультирование: теоретические начала и методологические основания // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 427–439. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-427-439>
14. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем. М. : Прогресс, 1990. 368 с.

References

1. Stearns P. N., Stearns C. Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards. *American Historical Review*, 1985, no. 90, pp. 813–836.
2. Dekart R. *Sochineniya*: v 2 t. [Dekart R. Works: in 2 vols.]. Moscow, Mysl, 1989, vol. 1. 654 p. (in Russian).
3. Kulagina I. Yu., Kolyutskiy V. N. *Vozrastnaya psikhologiya: Polnyy zhiznennyy tsikl razvitiya cheloveka: uchebnoye posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Developmental Psychology: Full Life Cycle of Human Development. Textbook for Students of Higher Educational Institutions]. Moscow, TTS “Sfera” and “Yurayt-M”, 2001. 464 p. (in Russian).
4. Zenkovskiy V. V. *Psikhologiya detstva* [Psychology of Childhood]. Ekaterinburg, Delovaya kniga, 1995. 348 p. (in Russian).
5. Frank S. L. *Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu* [The Soul of Man. Introduction to Philosophical Psychology]. Moscow, Direkt-Media, 2008. 281 p. (in Russian).
6. Frolova S. V. Approbation of the author's test and training of emotional creativity. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 471–477 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-4-471-477>
7. Lyusin D. V. EmIn emotional intelligence questionnaire: New psychometric data. In: *Sotsialnyy i emotsionalnyy*

- intellekt: Ot protsessov k izmereniyam* [Lyusin D. V., Ushakov D. V., eds. Social and Emotional Intelligence: From Processes to Measurements]. Moscow, Institute of Psychology RAN Publ., 2009, pp. 264–278 (in Russian).
8. Panov V. I. Ecological psychology: Problems and directions. *Mir psikhologii* [World of Psychology], 2020, no. 2 (102), pp. 144–154 (in Russian).
 9. Shakhovskiy V. I. *Triada ekologiy – chelovek, yazyk, emotsii – v sovremennoi kommunikativnoi praktike* [The Triad of Ecologies – Man, Language, Emotions – in Modern Communicative Practice]. Volgograd, VGSPU “Peremena”, 2017. 358 p. (in Russian).
 10. Druzhilov S. A. Mental health and ecology of personality. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Successes of Modern Natural Science], 2012, no. 9, pp. 64–67 (in Russian).
 11. O’Connor J., Lages A. *Kouching s pomoshchyu NLP: Prakticheskoe rukovodstvo po dostizheniyu postavlennykh tseley* [Coaching with NLP: A Practical Guide to Achieving Your Goals]. Moscow, FAIR, 2008. 288 p. (in Russian).
 12. Myasishchev V. N. *Psikhologiya otnosheniy* [The Psychology of Relations]. Moscow, Moskovskii psikhologosotsial’nyy institute Publ.; Voronezh, MODEK, 2003. 400 p. (in Russian).
 13. Frolova S. V. Positive psychological counseling: Theoretical bases and methodological foundations. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 427–439 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-427-439>
 14. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla: sbornik* [Man’s Search for Meaning: Collection]. Moscow, Progress, 1990. 368 p. (in Russian).

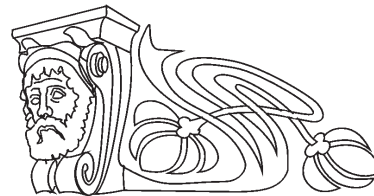
Поступила в редакцию 06.09.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 06.09.2023; approved after reviewing 18.09.2023; accepted for publication 13.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 452–457
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 452–457
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-452-457>, EDN: URUMMJ

Научная статья
УДК 316.6(470.44)(09)

Развитие саратовской индустриально-организационной психологии в 1920–1930-е гг.

А. Л. Южанинова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Южанинова Алла Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности, juzhaninova-alla@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4441-7911>

Аннотация. Введение. Первое исследование истории саратовской организационной психологии выполнено Л. Н. Аксеновской, проследившей развитие индустриально-организационного направления в Саратовском государственном университете с 1971 г. по настоящее время. Цель настоящего исследования – изучение процесса формирования организационно-психологической науки в Саратове в 1920–1930-е гг. Применялись такие историко-психологические методы, как анализ представленной в научных и справочных изданиях информации, историческая реконструкция, интерпретация фактологического материала. **Теоретический анализ.** Проведено исследование развития саратовской организационной психологии в 1920–1930-х гг. как составной части двух направлений – научной организации труда и психотехники. **Заключение.** Установлено, что организационная психология в Саратове развивалась в соответствии с общими для всей страны тенденциями научного процесса. Для исследовательской и практической работы создавались подразделения при губернских административных учреждениях, региональные отделения всероссийских научных сообществ, экспериментальные лаборатории. В статье представлена деятельность трех саратовских лабораторий, организованных инженерами при Саратовском Институте народного хозяйства, медиками при Губернском Отделе народного образования, психологами при кафедре философии и психологии Саратовского университета (руководители соответственно Н. М. Дьяконов, И. Л. Стычинский, А. А. Крогиус).

Ключевые слова: история психологии, саратовская организационная психология, индустриально-организационная психология, научная организация труда, психотехника, Н. М. Дьяконов, И. Л. Стычинский, А. А. Крогиус

Для цитирования: Южанинова А. Л. Развитие саратовской индустриально-организационной психологии в 1920–1930-е гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 452–457. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-452-457>, EDN: URUMMJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Saratov industrial and organizational psychology in the 1920–1930

A. L. Yuzhaninova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla L. Yuzhaninova, juzhaninova-alla@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4441-7911>

Abstract. Introduction. The first study of the history of Saratov organizational psychology was carried out by L. N. Aksenovskaya, who traced the development of the industrial and organizational direction at Saratov State University from 1971 to the present. The purpose of our research was to analyze the process of formation of organizational and psychological science in Saratov in the 1920s–1930s. Such historical and psychological methods as the analysis of information presented in scientific and reference publications, historical reconstruction, interpretation of factual material were used. **Theoretical analysis.** A study was conducted on the development of Saratov organizational psychology in the 1920s–1930s as an integral part of two directions – scientific organization of labor and psychotechnics. **Conclusion.** It is established that organizational psychology in Saratov developed in accordance with the general trends of the scientific process for the whole country. For research and practical work, divisions were created at provincial administrative institutions, regional branches of All-Russian scientific communities, experimental laboratories. The article presents the activities of three Saratov laboratories organized by engineers at the Saratov Institute of National Economy, doctors at the Provincial Department of Public Education, psychologists at the Department of Philosophy and Psychology of Saratov University (the heads respectively N. M. Dyakonov, I. L. Stychinsky, A. A. Krogus).

Keywords: history of psychology, Saratov organizational psychology, industrial and organizational psychology, scientific organization of labor, psychotechnics, N. M. Diakonov, I. L. Stychinsky, A. A. Krogus

For citation: Yuzhaninova A. L. Saratov industrial and organizational psychology in the 1920–1930. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 452–457 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-452-457>, EDN: URUMMJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Историко-психологическая работа по изучению саратовской организационной психологии только начинается. Первым стало исследование Л. Н. Аксеновской, посвященное анализу развития индустриально-организационного направления в Саратовском государственном университете с момента создания отделения психологии на биологическом факультета СГУ в 1971 г. по настоящее время [1]. Настоящее исследование проводилось с целью воссоздания процесса развития индустриально-организационной психологии в Саратове в 1920–1930-е гг. с применением таких историко-психологических методов, как анализ представленной в научных и справочных изданиях информации, историческая реконструкция, интерпретация фактологического материала.

Теоретический анализ

Зарождение и институционализация движения научной организации труда в Саратове

Появление организационной психологии в Саратове в 1920-е гг. во многом было детерминировано общероссийскими научными тенденциями, обусловленными политической, общественно-экономической обстановкой в стране при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике (НЭП). В этой связи возникло движение за научное управление и научную организацию труда (НОТ), поддержанное руководителями государства В. И. Лениным, Л. Д. Троцким, Ф. Э. Дзержинским, В. В. Куйбышевым и др. На Первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства (20–27 января 1921 г., Москва) представители разных организаций (Петроградский Институт мозга, Московский Психоневрологический институт, Казанский Институт НОТ и др.) обсуждали вопросы рационализации, психофизиологии, рефлексологии, гигиены, стимулирования труда. В качестве ключевых были выделены понятия «труд», «работа», «утомление». Были выработаны отношение к тейлоризму и понимание принципов отечественного императива: «потогонный» американский метод не согласуется с основами русского подхода, подразумева-

ющего повышение производительности труда не в его интенсификации, а в рациональном использовании человеческой энергии [2].

Вследствие распространения в стране нового движения в Саратове случился ряд событий, свидетельствующих о периоде становления и институционализации НОТ. Так, к ноябрю 1923 г. при Саратовском губернском экономическом совещании был организован *Совет НОТ*, в который входили представители от Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), Института народного хозяйства (ИНХ), а также губернских административных и общественных учреждений. В Совет были приглашены специалисты по профподбору (психотехнике), социальной инженерии, или науке о совместной трудовой деятельности людей, управлению и организации их работы, обучению основным ремеслам. Научными сотрудниками являлись выпускники Саратовского ИНХ – двое по социальной инженерии, остальные по другим отраслям. Советом были приобретены заграничные аппараты, предприняты меры по налаживанию связи с Центральным Институтом Труда (ЦИТ), созданным осенью 1920 г. в Москве [3].

В сентябре 1924 г. в Саратове было организовано *Бюро НОТ* – совещательный орган при РКИ. В его задачи входила деятельность по координации, агитации, организации, педагогике, административной технике, психофизиологии труда. Уже к 1925 г. работы по применению метода ЦИТ в физическом труде проводились в технической школе РУжд (руководитель Юрьев), по рационализации предприятий работала Опытная Станция на заводе «Сотрудник революции» (руководитель – инженер Иоффе). Производственные комиссии были созданы при всех саратовских фабриках и заводах, а ячейки НОТ – при всех административных органах [4, с. 182–183, 248].

Среди саратовских научно-исследовательских центров, включившихся в программу изучения психологических проблем НОТ, одним из первых стал *Институт психологии труда* (к марту 1923 г. был закрыт), поддерживавший связь с Казанским Институтом НОТ [5, с. 175]. В 1921 г. в Саратове также были открыты *Психологические лаборатории* (одна – при ГубОНО, другая – в университете), а также *Кабинет и Лаборатория по НОТ* в ИНХ.

Исследования бюджета времени в Саратове

Система НОТ в состав средств повышения производительности включала методы психологической рационализации выполнения работ. Вслед за создателем концепции НОТ Ф. Тейлором, социологом Ф. Гиддингсом в нашей стране начали проводиться исследования бюджета времени для определения типа трудящегося в целях установления максимума требований, которые можно предъявлять ему во время работы, а также его пригодности к тому или иному виду работы. Обследуемому предлагалось вести запись каждого дня на отдельной карточке, разделенной на 24 графы, соответствующие времени суток и соотносимые с названиями выполняемых действий (сон, поступки ради заработка, домашнее хозяйство, свободные занятия и др.) [6].

В июле 1923 г. энтузиасты НОТ (П. М. Керженцев, А. К. Гастев, И. Н. Шпильрейн и др.) выдвинули лозунг «Борьба за время есть борьба за один из основных элементов научной организации труда» и создали общественную организацию «Лига времени» (ЛВ), существовавшую до декабря 1925 г. Почетными председателями ее были избраны В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий.

В Саратове городское отделение ЛВ было организовано в начале сентября 1923 г. В состав президиума вошли: Бобылев (председатель), доктор Харичков (секретарь), профессор Челинцев, инженер Дьяконов, врач Геминев (технический секретарь) и др. Всеми эльвистами (членами ЛВ) велись просветительская работа и учет расходимого времени по общепринятой карточке.

В 1923 г. обследования бюджета времени проводились в Кабинете и Лаборатории по НОТ в Саратовском ИНХ. Именно этот исследовательский центр назван в первом опубликованном в стране списке 22 учреждений по НОТ наряду с ЦИТ (Москва, руководитель А. К. Гастев), Московской Лабораторией промышленной психотехники (руководитель И. Н. Шпильрейн), Петроградской Центральной лабораторией труда (руководители В. М. Бехтерев, А. А. Пресс), Казанским институтом НОТ (руководитель Т. Бурдянский) и др. В задачи саратовской Лаборатории входили «подготовка работников для предприятий, для лабораторных работ, разработка методов исследования и т.д.» [7, с. 78]. Располагались Кабинет и Лаборатория в здании ИНХ на ул. Московской, между ул. Вольской и Александровской (ныне – ул. Горького) в доме Губернского Совета народного хозяйства (ГСНХ) [4, с. 183]. В 1923 г. ИНХ был передан в универ-

ситет, вошел в факультет права и хозяйства, функционируя в этом качестве до реорганизации университета в 1931 г.

В 1925 г. при экономическом отделении факультета права и хозяйства СГУ имелся Кабинет организации промышленных предприятий, унаследованный университетом от ИНХ и располагавшийся, как и прежде Кабинет и Лаборатория по НОТ при ИНХ, на ул. Ленина (Московской). Университетский Кабинет был оборудован приборами, библиотекой, и его сотрудники проводили практические работы на заводах и фабзавуче. Кабинетом был выработан особый метод массового хронометража. Его организаторами и руководителями являлись преподаватели кафедры организации труда и производства СГУ, инженеры Николай Михайлович Дьяконов (заведующий кафедрой, доцент, занимавшийся проблемами организации управления промышленных предприятий) и Павел Иванович Гаврилов (доцент, изучавший вопросы организации труда), оба привлекались к работам руководящих органов ГСНХ. При кафедре работал кружок НОТ [8, с. 25–26, 56].

Другой университетской организацией, проводившей исследования бюджета времени, была кафедра психологии (кафедра педологии в 1926–1931 гг.) и организованная при ней Психологическая лаборатория. Заведующим кафедрой (1919–1931) и лабораторией был профессор Август Адольфович Крогиус (1871–1933), прошедший профессиональную психологическую подготовку в Лаборатории В. Вундта в Лейпцигском университете (1900–1901). Ко времени проведения Крогиусом в СГУ занятий по психологии и практикума по экспериментальной психологии (начало 1920 г.) в Германии были закуплены приборы [9, с. 464], и Августом Адольфовичем при кафедре философии и психологии СГУ организована Психологическая лаборатория как учебно-вспомогательное и научно-исследовательское подразделение.

В конце 1925 г. Правление СГУ провело совместно с Секцией Научных Работников опыт учета времени сотрудников университета в целях оптимизации их труда и содействия наилучшему распределению видов деятельности. Учет времени проводился самими научными работниками путем отметок на особых учетных карточках в течение недели. Обработка полученных результатов поручалась профессору А. А. Крогиусу. Было установлено, что в среднем в сутки все научные работники СГУ в 1925 г. отдавали обязательной профессиональной работе

(учебная, административная, хозяйственная, организационная) – 6,0 ч; необязательной профессиональной работе (ведение исследований, чтение книг по своей специальности, работа в партии, в кружках, обществах, частная работа и т. д.) – 5,4 ч; самообслуживанию, семье, развлечениям, сну и т. д. – 12,6 ч [8, с. 12].

С 19 по 26 апреля 1926 г. Крогиус проводил исследование по учету бюджета времени у научных работников и студентов СГУ. В составлении карточек для преподавателей принимали участие сотрудники СГУ Н. М. Дьяконов и Ю. Г. Иоффе (ассистент кафедры Организации труда и производства). В обработке результатов исследования участвовали О. А. Крогиус, В. В. Вормс-Иванова, М. М. Трофимова и студенты Велькер, Добролюбовская, Крогиус. Было установлено, что студенты, по сравнению с преподавателями, тратили на обязательную академическую работу в 2 раза меньше времени; степень учебной нагрузки у студентов была умеренной, тогда как временные затраты на сон не достаточными [10].

Психотехническое движение в Саратове

В 1927 г. было образовано Всесоюзное (с 1930 г. – Всесоюзное) Общество психотехники и прикладной психофизиологии (ВОП и ПП, прекратившее свою деятельность в 1937 г.). Председателем Общества был И. Н. Шпильрейн, прошедший психологическую подготовку в Лаборатории В. Вундта в Лейпцигском университете. Широкое распространение зародившегося психотехнического движения привело к образованию отделений Общества в Москве, Ленинграде, Казани и других городах СССР. Отделение ВОП и ПП было создано и в Саратове, председателем его был избран доктор И. Л. Стычинский (1896–1969), ученик профессора кафедры нервных болезней СГУ Н. Е. Осокина, сотрудник данной кафедры (1920–1931).

В состав правления саратовского отделения ВОП и ПП в 1931 г. входили: И. Л. Стычинский (председатель), М. Н. Красногорская (заместитель), А. А. Крогиус (член правления), С. А. Бызов (секретарь), Касперович и Е. А. Лисянская (кандидаты) [11, с. 83].

Активным членом саратовского отделения ВОП и ПП был профессор А. А. Крогиус (результаты его исследований приведены в статье «Психотехнические исследования в Вузах» [12]), участвовавший в работе Первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека (25 января – 1 февраля 1930 г., Ленинград) и выступивший с докладом на секции психотехники

по проблемам умственного утомления [13, с. 230].

Исследовательскими учреждениями в Саратове, занимавшимися проблемами психотехники, были Психологическая лаборатория Губернского Отдела Народного Образования и Психологическая лаборатория при кафедре педологии СГУ.

Центральная педологическая и психологическая лаборатория при ГубОНО была создана в апреле 1921 г. по адресу: ул. Александровская, 16. Ее руководителем был И. Л. Стычинский. В 1924 г. в ознаменование 40-летнего юбилея научно-педагогической деятельности Г. И. Россолово саратовской Лаборатории было присвоено его имя. В ней трудились 4 ассистента: педологи З. Л. Стычинский и М. С. Павловская, врачи Г. В. Хаскин и Р. Н. Меерович. При Лаборатории имелись кабинеты, оборудованные приборами и таблицами; библиотека (около 2 тыс. книг); Музей и архив исследований [14, с. 76, 78]. Лаборатория выполняла официальные задания ГубОНО по работе с детьми, а также исследования по изучению способностей и квалификации работников умственного труда [4, с. 183].

В отличие от Лаборатории, возглавляемой Стычинским, где работали в основном медики, в университетской Лаборатории Крогиуса трудились психологи (Г. П. Иванов, Э. Л. Беркович).

Одним из направлений деятельности саратовских психотехников были изучение возможностей применяемых психологических техник, а также создание и апробация новых тестовых методик. Так, на пленуме Саратовского отделения ВОП и ПП 26 мая 1932 г. был заслушан доклад В. Н. Арбузова «Метод картинковых тестов». В прениях по докладу выступили С. А. Бызов, А. А. Крогиус, Э. Л. Беркович, И. Л. Стычинский [15]. Посвященные методологии и методике психотехнических испытаний статьи саратовских специалистов (А. А. Крогиуса, И. Л. Стычинского), а также методические пособия, подготовленные Психологической лабораторией СГУ, были приведены в опубликованном журналом «Психотехника и психофизиология труда» перечне советской психотехнической литературы за 1927–1930 гг. [16, с. 564–566, 571].

Заключение

Не сложившись еще в 1920–1930-е гг. в самостоятельную отрасль науки, организационная психология в Саратове активно развивалась в соответствии с общими для всей страны тенденциями научного процесса и эволюционировала

как составная часть двух направлений – НОТ и психотехники. Разработка индустриально-организационных вопросов была межотраслевой и многоуровневой: ею занимались сотрудники губернских административных учреждений, ученые исследовательских подразделений, практики промышленных и управленческих организаций. В начале 1920-х гг. саратовскими энтузиастами были созданы три научно-исследовательских лаборатории, работавшие по тематике организационной психологии: при ИНХ (с 1923 г. – подразделение СГУ, руководители Н. М. Дьяконов и П. И. Гаврилов, инженеры); при ГубОНО (организатор И. Л. Стычинский, врач); при кафедре философии и психологии СГУ (заведующий профессор А. А. Крогиус, психолог). В предмет исследований саратовских лабораторий были включены проблемы бюджета времени, оптимизации профессиональной деятельности и квалификации работников, методологии и методики психотехнических обследований. Однако после принятия в 1936 г. ЦК ВКП(б) Постановления, запрещающего педологию и психологическое тестирование в СССР, институты, лаборатории НОТ и психотехники в стране были ликвидированы.

Список литературы

1. Аксеновская Л. Н. Индустриально-организационная психология в Саратовском государственном университете // Организационная психология. 2017. Т. 7, № 2. С. 8–29.
2. Бехтерев В. М. Что дала инициативная конференция по научной организации труда // Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7, № 2. С. 298–312. <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2022.23.2.012>
3. Н. НОТ в Саратове // Время. 1923. № 2. С. 82.
4. Весь Саратов. Альманах-справочник на 1925 год / под ред. Д. М. Борисова. Саратов, 1926. 552 с.
5. Жизнь Казанского Института Научной Организации Труда // Вопросы психофизиологии, рефлексологии и гигиены труда / под общ. ред. В. М. Бехтерева и Н. А. Миславского. Сборник I. Казань : Издание Татгосиздата, 1923. С. 175–178.
6. Бызов Л. Бюджет времени // Время. 1923. № 2. С. 42–44.
7. Список учреждений по НОТ // Время. 1923. № 1. С. 76–78.
8. Саратовский государственный им. Н. Г. Чернышевского университет в 1925 году (Краткие сведения о состоянии и работе). Саратов, 1926. 57 с.
9. Маслов К. С. В свете незримого: жизнь и судьба А. А. Крогиуса. Таллин: Издательство Таллинского университета, 2014. 560 с.
10. Крогиус А. А. Бюджет времени студентов Педагогического факультета Саратовского университета // Ученые записки Саратовского государственного им. Н. Г. Чернышевского университета. 1927. Т. 6, вып. 3. С. 83–90.
11. По отделениям ВОП и ПП // Советская психотехника. 1932. № 1–2. С. 83–84.
12. Крогиус А. А. Психотехнические исследования в Вузах // Ученые записки Саратовского государственного им. Н. Г. Чернышевского университета. 1929. Т. 7, вып. 3. С. 5–10.
13. Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Советская психотехника. 1930. № 2–3. С. 225–246.
14. Научные учреждения и научные работники г. Саратова (Справочник). Саратов : Издание Саратовского Губернского Бюро Секции Научных работников, 1927. 116 с.
15. Метод картинковых тестов // Советская психотехника. 1932. № 5–6. С. 429.
16. Советская книжная и журнальная психотехническая литература 1927–1929/30 гг. // Психотехника и психофизиология труда. 1930. № 6. С. 562–582.

References

1. Aksenovskaya L. N. Industrial-organizational psychology at Saratov State University. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology], 2017, vol. 7, no. 2, pp. 8–29 (in Russian).
2. Bekhterev V. M. What did the initiative conference on the scientific organization of labor give. *Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda* [Organizational Psychology and Labor Psychology], 2022, vol. 7, no. 2, pp. 298–312 (in Russian).
3. List of Institutions for SOL in Saratov. *Vremya* [Time], 1923, no. 2, p. 82 (in Russian).
4. Borisov D. M., ed. *Ves' Saratov. Almanakh-spravochnik na 1925 god* [All Saratov. Almanac-reference Book for 1925]. Saratov, 1926. 552 p. (in Russian).
5. Life of the Kazan Institute of Scientific Organization of Labor]. In: Bekhterev V. M., Mislavsky N. A., total ed. *Voprosy psikhofiziologii, refleksologii i gigieny truda* [Issues of Psychophysiology, Reflexology and Occupational Health. Digest 1]. Kazan, Izdanie Tatgosizdata, 1923, pp. 175–178 (in Russian).
6. Byzov L. The Budget of the time. *Vremya* [Time], 1923, no. 2, pp. 42–44 (in Russian).
7. List of Institutions for SOL. *Vremya* [Time], 1923, no. 1, pp. 76–78 (in Russian).
8. Saratovskiy Gosudarstvennyy imeni N. G. Chernyshevskogo Universitet v 1925 godu (*Kratkie svedeniya o sostoyanii i rabote*) [Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky in 1925 (Summary of Status and Operation). Saratov, 1926. 57 p. (in Russian).

9. Maslov K. S. *V svete nezrimogo: Zhizn i sudba A. A. Krogiusa* [In the Light of the Invisible: the Life and Fate of A. A. Krogius]. Tallin, Tallinn University Publ., 2014. 560 p. (in Russian).
10. Krogius A. A. The Budget of students' time of the pedagogical faculty of Saratov University. *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo im. N. G. Chernyshevskogo universiteta* [Scientific Notes of the Saratov State named after N. G. Chernyshevsky University], 1927, vol. 6, iss. 3, pp. 83–90 (in Russian).
11. By Departments of the VOP and PP. *Sovetskaya psikhotehnika* [Soviet Psychotechnics], 1932, no. 1–2, pp. 83–84 (in Russian).
12. Krogius A. A. Psychotechnical research at universities. *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo im. N. G. Chernyshevskogo universiteta* [Scientific Notes of the Saratov State named after N. G. Chernyshevsky University], 1929, vol. 7, iss. 3, pp. 5–10 (in Russian).
13. First All-Union Congress for the study of human behavior. *Sovetskaya psikhotehnika* [Soviet Psychotechnics], 1930, no. 2–3, pp. 225–246 (in Russian).
14. *Nauchnye uchrezhdeniya i nauchnye rabotniki g. Saratova (Spravochnik)* [Scientific Institutions and Scientists of Saratov (Reference book)]. Saratov, Izдание Saratovskogo Gubernskogo Byuro Sektzii Nauchnykh rabotnikov, 1927. 116 p. (in Russian).
15. Method of picture tests. *Sovetskaya psikhotehnika* [Soviet Psychotechnics], 1932, no. 5–6, p. 429 (in Russian).
16. Soviet book and journal psychotechnical literature 1927–1929/30. *Psikhotehnika i psikhofiziologiya truda* [Psychotechnics and Psychophysiology of Labor], 1930, no. 6, pp. 562–582 (in Russian).

Поступила в редакцию 14.08.2023; одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 14.08.2023; approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 13.11.2023

ПЕДАГОГИКА

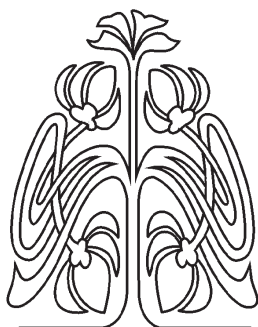
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 458–463

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 458–463

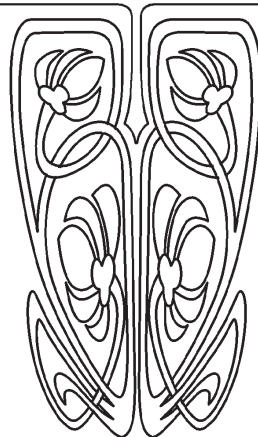
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-458-463>

EDN: TQGXTZ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Научная статья
УДК 378.016:377.8

Формирование готовности аспирантов к педагогической деятельности в классическом университете в рамках изучения курса «Педагогика высшей школы»

Е. И. Балакирева, А. С. Большакова ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики факультета психологии, ekbalkireva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3304-1365>

Большакова Алина Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения Института филологии и журналистики, alinabolshakova15@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4639-4012>

Аннотация. Во *введении* констатируется, что формирование готовности аспирантов к педагогической деятельности основывается на методологии постнеклассической науки, что позволяет использовать качественные методы исследования, направленные на интерпретацию мнений, позиций, ценностей акторов в качестве полноправных «данных» и определяется пониманием специфики педагогической деятельности и ключевых тенденций развития высшего образования. *Теоретический анализ* посвящен осмыслению назначения и сути педагогической деятельности преподавателя с помощью целостного подхода, анализируются ценностный и теоретико-технологические компоненты мастерства. Отмечается, что педагогическую деятельность целесообразно рассматривать как деятельность по решению определенных педагогических задач. *Эмпирический анализ* строится на описании результатов исследования опыта решения учебных педагогических задач аспирантами Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского при изучении курса «Педагогика высшей школы». Представлены результаты учебных заданий, выполненных аспирантами в процессе обучения. *Заключение.* Большую психологическую готовность к осуществлению педагогической деятельности в университете проявили аспиранты, работающие ассистентами и преподавателями. У другой значительной части аспирантов, с одной стороны, практически отсутствует опыт преподавательской деятельности и в связи с этим – наличие экспектаций о педагогической практике, с другой стороны, результаты эмпирического исследования свидетельствуют, что именно эта категория заинтересована в работе в условиях изменений в цифровой среде и в освоении новых образовательных технологий.

Ключевые слова: университет, аспирант, педагогическая деятельность, ценности, смыслы, цифровизация образования, «мягкие навыки», современные образовательные технологии

Для цитирования: Балакирева Е. И., Большакова А. С. Формирование готовности аспирантов к педагогической деятельности в классическом университете в рамках изучения курса «Педагогика высшей школы» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 458–463. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-458-463>, EDN: TQGXTZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Forming graduate students' vision regarding pedagogical activity of a classical university professor

E. I. Balakireva, A. S. Bolshakova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina I. Balakireva, ekbalakireva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3304-1365>

Alina S. Bolshakova, alinabolshakova15@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4639-4012>

Abstract. In the *introduction* it is stated that forming graduate students' readiness for pedagogical activity is based on the methodology of the post-non-classical science, which allows to use qualitative research methods aimed at interpreting opinions, standpoints, values of the actors as legitimate "data" and to define understanding of pedagogical activity's specifics and the key trends in the development of higher education. *Theoretical analysis* is dedicated to understanding the purpose and meaning of pedagogical activity of a university professor from the standpoint of holistic approach. The article analyses valuable, theoretical and technological components of activity. It is pointed out that pedagogical activity can be logically analysed as a type of activity aimed at certain pedagogical problems. *Empirical analysis* is built around describing research results within the framework of solving academic pedagogical tasks by graduate students of Saratov State National Research University within the framework of the course named "University-level Pedagogics". The article presents the results of academic tasks performed by graduate students. **Conclusion** Graduate students working as teaching assistants and instructors showed greater psychological readiness to carry out teaching activities at university. On the one hand, a significant fraction of graduate students has virtually no experience in teaching and, due to this, has certain expectations of teaching practice; on the other hand, the empirical study results indicate that it is this category that is interested in working under conditions of changes in the digital environment and mastering new educational technologies.

Keywords: university, postgraduate student, pedagogical activity, values, digitalization of education, "soft skills", modern educational technologies

For citation: Balakireva E. I., Bolshakova A. S. Forming graduate students' vision regarding pedagogical activity of a classical university professor. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 458–463 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-458-463>, EDN: TQGXTZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Профессиональная деятельность преподавателя высшей школы во многом определяется социокультурными факторами, обуславливающими новые функции и роли в рамках профессии. Стремительно меняющийся современный мир с высокой степенью неопределенности можно считать «контекстом жизни» профессорско-преподавательского корпуса, аспирантов и студентов классического университета. К ключевым тенденциям развития отечественного высшего образования последних лет относят трансформацию в связи с отказом от Болонской системы, цифровизацию, проникающую практически во все сферы образования, смешанное обучение, персонализацию, развитие жестких и мягких навыков [1–3]. В предлагаемых обстоятельствах появляются изменения в педагогической деятельности в классическом университете. Для тех, кто только готовится стать преподавателем, или находится в начале профессионального пути, будучи аспирантом, важно, на наш взгляд,

осмысление ценностных ориентиров будущей профессии и понимание того, что педагогическая деятельность представляет собой системное объединение нескольких видов деятельности: диагностической, гностической, конструктивной, проектировочной, коммуникативной, организаторской [4, 5]. Сложно представить успешного преподавателя, который не способен быстро принимать решения в условиях многозадачности, не владеет современными технологиями обучения и рефлексивными навыками. Настоящее исследование основывается на методологии постнеклассической науки, что позволило использовать качественные научные методы, направленные на выявление и интерпретацию мнений, позиций, ценностей акторов в качестве полноправных «данных» [6].

Теоретический анализ

Изучение результатов исследований педагогической деятельности преподавателя высшей школы показывает, что в науке разработан це-

лостный подход к анализу данного феномена [4, 5, 7]. Применение данного подхода позволило составить характеристику труда педагога и методов его изучения, создать модель функциональных системных элементов (гностические, проективные, конструктивные, коммуникативные, организаторские, оценочные, прогностические) индивидуальной педагогической деятельности, определив необходимые для этого педагогические способности и компоненты профессионального мастерства. Ленинградским исследователем З. Ф. Есаревой более четверти века назад была предпринята попытка создания теоретических основ педагогической деятельности преподавателя вуза [8]. Ключевой представляется идея ученого, согласно которой только сочетание научной и преподавательской деятельности для преподавателя вуза может быть продуктивным. В большинстве современных исследований [2, 9, 10], посвященных анализу особенностей деятельности преподавателя высшей школы, отмечается, что ведущей функцией до сих пор является традиционная функция подготовки к будущей профессиональной деятельности в изменяющихся условиях.

Формирование готовности будущего преподавателя классического университета к педагогической деятельности основывается, с одной стороны, на традициях высоко интеллектуальной и открытой к взаимодействию социокультурной, научной и образовательной среды; с другой стороны – на современных трендах – работе на всевозможных цифровых платформах, владении новыми цифровыми инструментами, создании персонализированных образовательных траекторий, предполагающих развитие гибкого критического мышления, креативности в решении образовательных задач и работы в команде. Условием профессионализма университетского педагога являются сформированные ценностно-смысловые ориентиры: уважительное отношение и принятие студента как субъекта своего развития, высокий уровень научной и предметной подготовки, владение современными образовательными технологиями, наличие мотивации к профессиональному самосовершенствованию – инвариантные компоненты профессионального мастерства преподавателя высшей школы в любых изменяющихся условиях.

Придерживаясь позиции ученых РГПУ имени А. И. Герцена [2] о том, что педагогическую деятельность целесообразно анализировать как

деятельность по решению определенных педагогических задач, необходимо отметить, что, когда речь идет о подготовке аспирантов к профессиональной деятельности, то фокус внимания нужно сосредотачивать на учебных задачах. Задача в самом общем виде понимается как система, состоящая из предмета, находящегося в исходном состоянии, и ожидания или модели требуемого состояния предмета задачи. Решение учебной педагогической задачи всегда предполагает получение желаемого результата в заданных, но не всегда точных, условиях. Таким образом, можно определить группу учебных профессиональных задач для формирования готовности о педагогической деятельности преподавателя классического университета в рамках изучения курса «Педагогика высшей школы»: 1) проектирование образа преподавателя классического университета; 2) составление портрета современного студента; 3) проектирование и презентация образовательной технологии для преподавания по своей дисциплине; 4) изучение, анализ и составление образовательных кейсов.

Эмпирический анализ

Исследование проходило в процессе изучения аспирантами II курса СГУ имени Н. Г. Чернышевского дисциплины «Педагогика высшей школы» с 2018 по 2023 г. Оно охватило более 400 чел., включенных в процесс изучения основ и особенностей педагогической деятельности преподавателя классического университета. Задачи эмпирического исследования заключались в выявлении понимания аспирантами ценностно-целевых ориентаций своей педагогической деятельности и представления ее как системы. Проблемы, возникшие в ходе решения учебных педагогических задач обучающимися, были предложены для обсуждения в рабочих группах. Построение дизайна эмпирического исследования основывалось на применении следующих методов: включенное наблюдение, фокус-групповое обсуждение, экспертная оценка, метод самооценки аспирантов относительно сформированных представлений о педагогической деятельности, изложенных в виде эссе.

Первая учебная задача состояла в создании образа преподавателя классического университета с учетом трендов высшего образования. После изучения основ профессионально-педагогической деятельности преподавателя вуза обучающимся было предложено написать эссе на тему

«Каким вы видите преподавателя классического университета?». Необходимо констатировать, что аспиранты (87%) считают, что главным для современного вузовского преподавателя является высочайший уровень знания преподаваемых дисциплин, заинтересованность в своем деле и качество выполняемых научных исследований.

Анализ ценностных ориентаций респондентов свидетельствует о неоднозначности представлений: большинство аспирантов (74%) считают, что к студентам необходимо находить подход, проявляя справедливость, доброжелательность, заинтересованность в результате обучающего взаимодействия; еще одна позиция, объединившая 20% аспирантов заключается в том, что студенты должны подстраиваться под требования и условия преподавателя и не могут являться теми, кто относится к ценностной составляющей преподавательской деятельности, также было высказано мнение (6%), что вкладываться нужно только в тех студентов, которые проявляют интеллект и старательность в обучении.

Рассматривая в эссе проблему профессионализма в современном контексте вызовов времени и трендов высшего образования, многие из аспирантов (68%) считают, что университеты в целом и преподаватели в частности должны стать более открытыми и гибкими по отношению к студенту. Высказано мнение, согласно которому имеет смысл уйти от классических лекций, предлагая студентам для ознакомления конспекты до начала занятия, и далее, обсуждая и поясняя, сопровождая презентацией, проводить лекционное занятие. Со студентами на практических занятиях и семинарах необходимо вести диалог, при этом вовлекая в разговор всех без исключения. Преподаватель высшей школы должен научить студента не только отвечать на вопросы, но и уметь их правильно задавать, решать любую исследовательскую задачу, развивая в студенте критическое мышление на основе любого освоенного материала. Значимым аспектом, по мнению аспирантов, является готовность преподавателя высшей школы работать в условиях цифровизации образования. Высказано мнение (72%), что в процессе обучения необходимо задействовать различного рода технические средства, приложения, сайты, цифровые инструменты, чтобы как минимум находиться со студентами в одной плоскости. Тактичность, эмпатия, чувство юмора, открытость являются обязательными качествами университетского преподавателя [11].

Экспертная оценка эссе аспирантов позволила дифференцировать известные и неизвестные знания аспирантов о ценностно-целевых ориентациях, видах деятельности, компонентах мастерства и в ходе дальнейшего разбора кейсов, созданий дизайна образовательных технологий решать учебную задачу проектирования портрета преподавателя классического университета.

Вторая учебная задача была посвящена составлению образа современного студента. Она основывалась на научных источниках, анализе собственной педагогической деятельности (37% работающих в СГУ), анализе социальных сетей, других интернет-источников и решалась в процессе работы в фокус-группах, межгрупповой дискуссии.

Вместе с изменением мира меняются и его представители – к такому выводу пришли аспиранты в ходе межгрупповой дискуссии. Коллективными усилиями был создан образ нового поколения студентов, живущих в совершенно другом мире, по сравнению со своими предшественниками. Современные студенты интересуются наукой и технологиями, пользуются всевозможными цифровыми сервисами и услугами. Их сложно удивить разного рода опытами, а пытаться заинтересовать «начиткой» стандартного лекционного материала и вовсе бесполезно. Отдельно следует остановиться на обсуждении с аспирантами вопроса возрастных и индивидуальных характеристик студентов. Аспирантами был поднят вопрос позднего взросления современных студентов. Так, в ходе работы фокус-групп и опроса было отмечено, что молодежь отличается инфантилизмом, безответственностью и легкомыслием (42% всех опрошенных). Однако встречается и мнение, в соответствии с которым молодежь сейчас взрослеет раньше (34% всех опрошенных). Когда их попросили объяснить, с чем это, по их мнению, связано, чаще всего респонденты отвечали, что с научно-техническим прогрессом — «*век техники, цифры, интернета*»; «*они с пеленок общаются с компьютером*»; «*век информатики*»; «*компьютеризация*»; «*мир интернета*».

Таким образом, перед современным преподавателем встает сложная задача. Необходимо заинтересовать и мотивировать «цифровое поколение» не только на получение знаний в рамках классической программы, но и на развитие тех качеств и навыков, которые помогут не потеряться в таком изменчивом мире.

Третья учебная педагогическая задача заключалась в проектировании и презентации одной образовательной технологии для дальнейшего преподавания в рамках профильной дисциплины у бакалавров или магистрантов. Это ключевая задача курса «Педагогика высшей школы». До начала проектирования аспиранты знакомились с темой «Современные образовательные технологии: концепции, методология, содержание». Участники определялись в групповой работе с логикой и содержанием технологии. Необходимо отметить очень широкий спектр классических и инновационных образовательных, в том числе информационных, цифровых и онлайн-технологий, предложенных аспирантами для применения в современном обучении.

В течение всего процесса обучения аспиранты учились решать четвертую учебную задачу курса – кейсы высшей школы. Участникам фокус-групп предлагался кейс с реальными документами и фактическим материалом, проблемной профессиональной коллизией с характеристиками студентов, преподавателей, среды, обстоятельств. Аспиранты определяли проблему, формулировали варианты задач, а затем в режиме самостоятельной групповой деятельности обсуждали варианты решения предложенных реальных проблем.

Заключение

В ходе исследования удалось установить следующее: большую психологическую готовность к осуществлению педагогической деятельности в университете проявили аспиранты, работающие ассистентами и преподавателями. У них проявилась и большая вовлеченность в решение учебных педагогических задач. У другой, значительной части аспирантов, с одной стороны, практически отсутствует опыт преподавательской деятельности и в связи с этим наличествуют экспектации о педагогической практике, с другой стороны, результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что именно эта категория аспирантов заинтересована в работе в условиях изменений в цифровой среде и в освоении новых образовательных технологий.

Список литературы

1. Новиков С. В. Современное состояние и тенденции развития российской системы высшего образования // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 9. С. 3589–3604. <https://doi.org/10.18334/epp.13.9.118723>

2. Батракова И. С., Глубокова Е. Н., Писарева С. А., Тряпицына А. П. Изменения педагогической деятельности преподавателя вуза в условиях цифровизации образования // Высшее образование в России. 2021. № 8–9. С. 9–19. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-9-19>
3. Бордовский Г. А. Образование как образ будущего // Высшее образование сегодня. 2021. № 4. С. 2–8. <https://doi.org/10.25586/RNU.HET.21.04.P.02>
4. Кузьмина Н. В. Предмет Акмеологии. СПб. : Политехника, 2002. 189 с.
5. Белозерцев Е. П., Гонеев А. Д., Пашков А. Г. и др. Педагогика профессионального образования : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / под ред. В. А. Слестёнина. М. : Академия, 2004. 368 с.
6. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко и В. С. Степин. СПб. : Издательский дом «Мир», 2009. С. 249–295.
7. Рабочая книга андрагога : учебное пособие / под ред. С. Г. Вершловского. СПб. : Общество «Знание», 1991. 196 с.
8. Есарева З. Ф. Особенности деятельности преподавателя высшей школы. Л. : Издательство Ленинградского государственного университета, 1974. 112 с.
9. Новости образования и науки // Alma mater. Вестник высшей школы. 2022. № 6. С. 3–10.
10. Новости образования и науки // Alma mater. Вестник высшей школы. 2022. № 7. С. 3–11.
11. Максименко А. А., Дейнека О. С., Духанина Л. Н., Крылова Д. В. Проблемы нормирования этической культуры преподавателей российских университетов // Высшее образование в России. 2022. № 2. С. 9–27. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-2-9-27>

References

1. Novikov S. V. Current state and development trends of the Russian higher education system. *Ekonomika, Predprinimatelstvo i Pravo* [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law], 2023, vol. 13, no. 9, pp. 3589–3604 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/epp.13.9.118723>
2. Batrakova I. S., Glubokova E. N., Pisareva S. A., Tryapitsina A. P. Changes in the pedagogical activity of a university professor in the context of digitalization of education. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2021, no. 8–9, pp. 9–19 (in Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-9-19>
3. Bordovskiy G. A. Education as an image of the future. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher Education Today], 2021, no. 4, pp. 2–8 (in Russian). <https://doi.org/10.25586/RNU.HET.21.04.P.02>
4. Kuzmina N. V. *Predmet Akmeologii* [The Subject of Acmeology]. St. Petersburg, Politekhnik, 2002. 189 p. (in Russian).

5. Belozertsev E. P., Goneev A. D., Pashkov A. G. et al. *Pedagogika professional'nogo obrazovaniya: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy* [Slastenin V. A., ed. *Pedagogy of Professional Education: Textbook for students of higher pedagogical educational institutions*]. Moscow, Akademiya, 2004. 368 p. (in Russian).
6. Stepin V. S. Classics, non-classics, post-non-classics: Criteria of differentiation. In: Kiyashchenko L. P., Stepin V. S., ans. eds. *Postneklassika: filosofiya, nauka, kultura* [Post-non-classics: Philosophy, Science, Culture]. St. Petersburg, Mir, 2009, pp. 249–295 (in Russian).
7. Vershlovskiy S. G., ed. *Rabochaya kniga andragoga: uchebnoye posobie* [Work Book of an Andragogy Specialist: Textbook]. St. Petersburg, Znanie, 1991. 196 p. (in Russian).
8. Esareva Z. F. *Osobennosti deyatel'nosti prepodavatelya vysshey shkoly* [Specifics of Activity of a Higher Educational Institution Instructor]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1974. 112 p. (in Russian).
9. News of education and science. *Alma mater. Vestnik Vysshey Shkoly* [Alma Mater. Higher School Herald], 2022, no. 6, pp. 3–10 (in Russian).
10. News of education and science. *Alma mater. Vestnik Vysshey Shkoly* [Alma Mater. Higher School Herald], 2022, no. 7, pp. 3–11 (in Russian).
11. Maksimenko A. A., Deyneka O. S., Dukhanina L. N., Krylova D. V. Problems of standardizing the ethical culture of professors at Russian universities. *Vyssee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2022, no. 2, pp. 9–27 (in Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-2-9-27>

Поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 26.10.2023; accepted for publication 13.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 464–468

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 464–468

<https://phpp.sgu.ru>

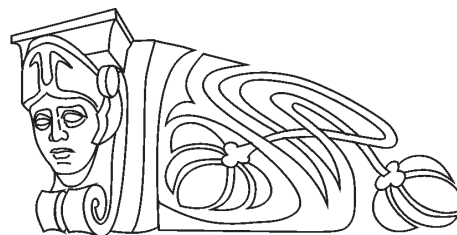
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-464-468>, EDN: QRBJSU

Научная статья

УДК 378.011.3(470+571)

Педагогические кейсы в системе высшего образования

Е. С. Вылкова

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43

Вылкова Елена Сергеевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, vyolkova-es@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3736-9683>

Аннотация. Введение. В системе отечественного высшего образования востребовано создание отдельных кейсов по педагогическим ситуациям в высшей школе, а затем и формирование их базы. Целью исследования является разработка варианта педагогического кейса по ситуации в системе высшего образования как образца для создания в последующем банка подобных кейсов. **Теоретический анализ.** При преподавании в сфере высшего образования дисциплин для будущих педагогов используются кейсы по различным педагогическим ситуациям. При этом в публикациях по педагогике рассматриваются кейсы по тем или иным профессиональным тренингам и т.п., ситуациям в дошкольном и школьном образовании, а кейсы по педагогическим ситуациям, возникающим в процессе учебно-воспитательной деятельности ВУЗов не представлены. **Результаты и их обсуждение.** Сформулировано авторское определение кейса и предложен кейс по педагогической ситуации под названием «досрочная сдача экзамена по дисциплине» в базовом и расширенном варианте и его решение исходя из законодательной базы, жизненного и педагогического опыта автора. **Заключение.** Формирование банка кейсов по педагогическим ситуациям, характеризующим образовательно-воспитательный процесс в высшей школе, находится только на начальном этапе. Их предстоит создавать и совершенствовать в условиях трансформации высшего образования для эффективного решения задач, стоящих сегодня перед отечественной высшей школой.

Ключевые слова: педагогическая ситуация, кейс, система высшего образования, образовательная деятельность, учебно-воспитательный процесс, досрочная сдача сессии

Для цитирования: Вылкова Е. С. Педагогические кейсы в системе высшего образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 464–468. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-464-468>, EDN: QRBJSU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Pedagogical cases in the higher education system

E. S. Vylkova

North-West Institute of Management – branch of RANEPa, 57/43 Sredniy prospekt VO, St. Petersburg 199178, Russia

Elena S. Vylkova, vyolkova-es@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3736-9683>

Abstract. Introduction. In the system of domestic higher education, the creation of individual cases on pedagogical situations in higher education, and then the formation of their base is in demand. The purpose of the study is to develop a version of the pedagogical case on the situation in the system of higher education as a model for creating a bank of similar cases in the future. **Theoretical analysis.** When teaching disciplines in the field of higher education for future teachers, cases on various pedagogical situations are used. At the same time, publications on pedagogy consider professional trainings and similar cases on certain situations in preschool and school education, but cases on pedagogical situations that arise in the process of university educational activities are not presented in scientific literature. **Results and their discussion.** The author's definition of the case is formulated; the case study on the pedagogical situation when an exam on a discipline is taken ahead of schedule is proposed in the basic and extended version and its solution based on the legislative framework, life and pedagogical experience of the author is given. **Conclusion.** The formation of the bank of cases on pedagogical situations that characterize the educational process in higher education is only at the initial stage. They have to be worked out and improved in the context of the transformation of higher education in order to effectively solve the problems facing the national higher school today.

Keywords: pedagogical situation, case, higher education system, educational activities, educational process, early delivery of the session

For citation: Vylkova E. S. Pedagogical cases in the higher education system. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 464–468 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-464-468>, EDN: QRBJSU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Система отечественного высшего образования в настоящее время всесторонне изменяется, в том числе совершенствуются концептуальные основы подготовки и переподготовки профессорско-преподавательского состава (ППС) вузов и обучения в аспирантуре преподавателей-исследователей. Есть необходимость создания отдельных кейсов, а затем и формирование их базы для совершенствования профессионального мастерства преподавателей высшей школы.

Проблематика кейсов как эффективного проблемного метода (технологии) в системе высшего образования давно и многопланово обсуждается в литературе различных отраслей знаний. Согласно данным *elibrary* слово «кейс» содержится в названии более 4 тыс. книг и статей.

В высшей школе кейсы широко применяются при изучении различных дисциплин, начиная с 1870 г., когда в Гарвардском университете впервые применили *case-study* для решения практической ситуации в сфере юриспруденции, а в 1925 г. были сформированы наборы бизнес-кейсов.

Касательно интерпретации понятия кейсов и их классификации автор разделяет точку зрения О. Д. Федотовой [1], предметно рассматривающей базовые принципы построения кейсов, их источниковую базу, содержательное наполнение и характеристики, технологии написания и работы с ними.

По мнению автора, кейс призван рассматривать реальные проблемы, предполагая вариативность их решения на основе коллективного и творческого системного осмысления информации из кейса на основе положений законодательно-нормативных документов, регламентирующих ту или иную ситуацию и базируясь на жизненном и профессиональном опыте людей, создающих, решающих и совершенствующих *case-study*.

Для повышения качества подготовки аспирантов как преподавателей-исследователей и переподготовки ППС немаловажное значение имеет создание банка педагогических кейсов, отражающих специфику образовательной и воспитательной деятельности в высшей школе. Для формирования набора кейсов важен каждый отдельный кейс. Один из авторских кейсов и его решение рассматриваются в данной статье.

Теоретический анализ

При преподавании в сфере высшего образования дисциплин для будущих педагогов закономерно использование кейсов по различным педагогическим ситуациям. В публикациях по педагогике рассматриваются кейсы по тем или иным ситуациям в дошкольном и школьном образовании.

И. А. Царик, Е. Н. Артемёнок, В. Н. Пунчик в названии своей статьи так и пишут, что рассматриваемые ими кейсы предназначены для будущих учителей [2]. В. А. Бейзеров в своем учебном пособии также размещает задачи и ситуации для будущих учителей, при этом не все из приводимого по своему наполнению можно отнести к кейсам [3]. О. В. Прокументик и Н. А. Зорина исследуют кейсы в дошкольном образовании [4]. И даже кейс-задания по курсу «Педагогика» для аспирантов содержат ситуации с учителями и учениками [5].

Обзор публикаций по кейсам показал, что зачастую авторы относят к таковым простые ситуации, не предполагающие вариативность их решения и другие характеристики кейсов. В большинстве случаев участниками таких ситуаций являются только учитель и школьник; воспитатель и детсадовец.

Имеются многочисленные публикации по кейсам для обучения студентов тем иным навыкам в соответствующем предметном поле. Например, Л. Н. Аксеновская подробно анализирует кейс по сотериологической игре «путь героя» [6]. Однако кейсы по педагогическим ситуациям, возникающим в процессе учебно-воспитательной деятельности вузов в настоящее время, в публикациях автором не найдены. При этом в высшем образовании учебно-воспитательная ситуация, в том числе в виде кейса, обладает существенной спецификой, в нее вовлечены не только педагог и обучающийся, но и руководство кафедры, администрация факультета, вуза, тьюторы и кураторы студенческих групп, представители студенческого самоуправления и др.

Сегодня крайне важно создание банка кейсов по педагогическим ситуациям, возникающим в образовательной деятельности вуза в рамках курсов «Педагогическое мастерство преподавателя высшей школы», «Онлайн-школа основ профессионального мастерства преподавателя высшей школы» и т.п., которые в настоящее время начинают разрабатываться в отдельных отечественных вузах и востребо-

ваны аспирантами-исследователями, обучающимися в аспирантуре, профессорско-преподавательским составом, повышающим свою квалификацию.

Результаты и их обсуждение

Предлагается кейс по педагогической ситуации в высшей школе под названием «досрочная сдача экзамена по дисциплине», авторский алгоритм и методика построения и решения которого показывают научную новизну исследования и имеют практическую значимость для разработки других кейсов по тем или иным аспектам учебно-воспитательного процесса в системе высшего образования в Российской Федерации.

В декабре 2022 г. к преподавателю Иванову Сергею Петровичу, преподающему предмет «Экономика», с просьбой принять экзамен досрочно обратились студенты, обучающиеся в бакалавриате на очной форме обучения, у которых предстоял экзамен в январе следующего года.

1. Бородулин Владимир сказал, что он совмещает работу с учебой и ему предстоит командировка. Обучался в течение семестра он средне, иногда пропускал занятия, ряд заданий на момент обращения не выполнил, в балльно-рейтинговой системе (БРС) заработал незначительное количество баллов.

2. Говорунова Мария сообщила, что у нее тяжело заболел отец и ей необходимо срочно выехать в другой город, чтобы ухаживать за ним. В течение семестра она выполняла все задания и получила в БРС максимально возможное количество баллов.

3. Мастеров Александр сказал, что у него предстоят международные соревнования по фигурному катанию, несколько лет он занимает призовые места. Преподаватель знает, что он действительно является выдающимся фигуристом, в течение семестра на занятия практически Александр не ходил, задания не выполнял, никаких баллов в БРС у него нет.

Это базовый вариант кейса. Возможен расширенный его вариант. Для усложнения кейса можно заготовить карточки, более детально характеризующие ситуацию у того или иного названного обучающегося.

Например, могут иметь место следующие варианты карточек: наличие задолженности по предыдущей сессии; наличие задолженности по оплате обучения на контрактной основе; наличие дисциплинарных взысканий и претензий; обучение по программе двойного диплома; отец студента выступил главным спонсором недавно

проходившей олимпиады. Перечень карточек не является исчерпывающим. По мере решения кейса будет нарабатываться картотека дополнительных характеристик ситуации у студента.

Данные карточки можно выдавать при решении кейса студентам тем или иным способом. Способ 1-й: если они их попросят, четко поставив тот или иной критерий (вопрос) по уточнению ситуации, т.е., например, спросят: «Есть у студента задолженность по сдаче предыдущей сессии?» Способ 2-й: карточки в случайном порядке выдаются преподавателем (вытягиваются студентом) для уточнения ситуации.

Также карточки можно заготовить и выдавать указанными выше двумя способами для формирования более четкого представления ситуации относительно преподавателя. Например, возможны следующие карточки: у Сергея Ивановича недавно родился ребенок. Он работает на предприятии главбухом и в этот период у него сдача отчетности по налогам. Сергей Иванович не хочет тратить время на прием экзамена досрочно. Перечень этих карточек также будет нарабатываться.

Таким образом, ситуация по студенту и преподавателю может быть многовариантной. Кейс будет формироваться с помощью карточек-пазлов по-разному, с учетом специфики обучаемой аудитории.

Задание кейса следующее: Рассмотрите ситуацию по досрочной сдаче сессии применительно к каждому студенту и варианты дальнейшего развития событий, если:

студент не сдал экзамен на досрочной сессии;
студент сдал экзамен по предмету, но его не устраивает полученная положительная оценка.
Далее приводятся варианты решения.

Прежде всего, во всех случаях решение о досрочной сдаче экзамена (зачета) тем или иным студентом принимает деканат, а не преподаватель. Только деканат знает все про студента (задолженность по предыдущей сессии, задолженность по оплате обучения на контрактной основе, дисциплинарные взыскания, претензии и т.д.) и проверяет достоверность информации и документов, представляемых студентом.

У студента должен быть документ (ведомость, направление на досрочную сдачу предмета), с которым он один или в группе студентов приходит сдавать экзамен досрочно, в установленный срок и на дополнительной сессии.

Решение по базовому варианту кейса.

1. Бородулин Владимир обучается на очной форме обучения. Трудовое законодательство РФ не содержит запрета на совмещение работы и

обучения по очной форме (ст. 57, 59, 65, 70, 266 и др. Трудового кодекса РФ; п. 27 ст. 34 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который также не содержит запретов на совмещение учебы на очной форме обучения и работы).

В связи с тем, что командировка – краткосрочная, а у Владимира есть вопросы по успеваемости, деканат с большой долей вероятности может рекомендовать ему сначала доделать все задания по предмету и сдавать экзамен на допполнительной сессии.

2. Говорунова Мария в случае представления документов, подтверждающих болезнь родственника, имеет все основания получить в деканате ведомость (направление) для сдачи экзамена досрочно. Реальность такова, что деканату лучше проверить учреждение, которое выдало справку о состоянии здоровья родственника.

3. Несмотря на то, что преподаватель знает, что Мастеров Александр является выдающимся фигуристом, действовать он должен строго в правовом поле, т.е. принимать досрочно экзамен исключительно при наличии документов из деканата. Строго говоря, деканат должен рекомендовать Александру выполнить задания, получить определенные баллы в БРС и т.п. Однако на практике спортсменам деканат идет навстречу, если у них нет задолженности за предыдущую сессию, задолженности по оплате и других нарушений учебной дисциплины.

В заключение отметим, что у преподавателя нет обязанности принимать у кого-то из обучающихся экзамен досрочно. Конечно, по человечески, по педагогической этике он всегда старается идти навстречу просьбам обучающихся. При этом он живой человек со своими проблемами, которые объективно могут не позволить провести итоговую аттестацию досрочно.

Решения по расширенному варианту кейса при различной комбинации карточек могут формировать разные ситуации, требующие отдельного рассмотрения, что выходит за рамки данного задания.

Если студент не сдал экзамен на досрочной сессии, то ситуация следующая. Экзамен (зачёт) может пересдаваться не более 2-х раз. При этом вторая пересдача принимается комиссией, в составе которой должно быть не менее трех преподавателей.

Если студент сдал предмет, но его не устраивает полученная положительная оценка, то ситуация очень неоднозначная. Повторная сдача экзамена с целью повышения положительной оценки обычно не разрешается, хотя обозначен-

ный аспект не прописан четко в действующем российском законодательстве, прямого запрета на это нет. Данный вопрос – для отдельного кейса.

Обычно количество пересдач ограничено, это скорее исключение, чем правило. В большинстве вузов вопрос об улучшении оценки решается накануне завершения обучения, когда встает вопрос о красном дипломе и ясно, что студент чуть-чуть до него не дотягивает (обычно не более трех предметов). Массовый характер пересдачи предметов с целью повышения оценки исключительно по прихоти того или иного студента способен парализовать деятельность кафедры и вуза.

В кейс можно вводить иных студентов: студент-иностранец; студентка, у которой наступает срок рожать; студент, планирующий летом работу в РСО (российских студенческих отрядах) и т.п. летнюю занятость; студент, уезжающий на научную конференцию или на международную стажировку в зарубежную страну, и других, исходя из личного опыта преподавателя, который кейс будет проводить.

Формирование банка кейсов по педагогическим ситуациям, характеризующим образовательно-воспитательный процесс в высшей школе, находится только на начальном этапе. Приведенный в данной статье кейс с вариантами его решения – это научный вклад автора в общую копилку нарабатываемых в настоящее время подобных кейсов.

Заключение

Кейс-метод позволяет эффективно решать проблемы подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере высшего образования, ориентируя их не на рецептурное решение тех или иных практических педагогических ситуаций, а на смелый анализ и поиск вариативных взглядов на имеющиеся обстоятельства и их интерпретацию, исходя из законодательных положений, профессионального и жизненного опыта. Кейсы, влияя на личностный, информационно-теоретический и деятельностный компоненты педагогического мастерства преподавателя высшей школы, являются эффективным инструментом для расширения представлений аспирантов и преподавателей о реалиях практики педагогической деятельности в системе высшего образования, формирования у них эмпирического опыта реагирования на сложные учебные и воспитательные аспекты образовательного процесса.

Несмотря на то, что разрабатываются и применяются кейсы давно, еще многое предстоит сделать по их совершенствованию в условиях трансформации высшего образования [6], в том числе с задействованием игрофикации [7, 8] и других инноваций, позволяющих эффективно решать задачи, стоящие перед отечественной высшей школой на современном историческом этапе.

Список литературы

1. Федотова О. Д. Исследовательские и учебные кейсы этнопедагогической направленности в системе профессиональной подготовки студентов: учебное пособие. М. : Мир науки, 2022. 101 с.
2. Царик И. А., Артемёнок Е. Н., Пунчик В. Н. Кейс как диагностический инструмент оценки качества общепедагогической подготовки будущего учителя // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2021. № 1 (107). С. 15–19.
3. Бейзеров В. А. 105 кейсов по педагогике. Педагогические задачи и ситуации: учебное пособие. М. : ФЛИНТА, 2014. 84 с.
4. Прокументик О. В., Зорина Н. А. Педагогический кейс как средство оценки сформированности компетенций студентов на государственном экзамене по педагогике (направление подготовки бакалавров «педагогическое образование», профиль «дошкольное образование») // Пермский педагогический журнал. 2019. № 10. С. 138–142.
5. Кейс-задания: дидактический материал по курсу «Педагогика» для аспирантов и соискателей по научной специальности 5.8.1 (13.00.01) Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки) / сост. А. Д. Николаева. Киров : АНО ДПО «Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании», 2021. 79 с.
6. Аксеновская Л. Н. Методы командного сотеринга: сотериологическая игра «путь героя» (анализ кейса) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 292–297. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-3-292-297>
7. Вылкова Е. С., Викторова Н. Г., Евстигнеев Е. Н. Трансформация высшего финансово-налогового образования в современных условиях // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2021. № 1. С. 43–51. <https://doi.org/10.20339/AM.01-21.043>
8. Вылкова Е. С. Метод организации учебно-воспитательного процесса: вариативное игровое решение трудных учебно-образовательных задач (ВИРТУОЗ). СПб. : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022. 448 с.

References

1. Fedotova O. D. *Issledovatel'skie i uchebnye keisy etnopedagogicheskoy napravlenosti v sisteme professional'noy podgotovki studentov* [Research and Educational Cases of Ethnopedagogical Orientation in the System of Professional Training of Students]. Moscow, Mir nauki, 2022. 101 p. (in Russian).
2. Tsarik I. A., Artemenok E. N., Punchik V. N. Case as a diagnostic tool for assessing the quality of general pedagogical training of the future teacher. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Pedagogika. Psihologiya. Filologiya* [Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Episode 1. Pedagogy. Psychology. Philology], 2021, no. 1 (107), pp. 15–19 (in Russian).
3. Beizerov V. A. *105 kejsov po pedagogike. Pedagogicheskie zadachi i situatsii* [105 cases on pedagogy. Pedagogical tasks and situations]. Moscow, FLINTA, 2014. 84 p. (in Russian).
4. Prozumentik O. V., Zorina N. A. Pedagogical case as a means of assessing the formation of students' competencies at the state exam in pedagogy (direction of preparation of bachelors in "pedagogical education", profile "preschool education"). *Permskiy pedagogicheskii zhurnal* [Perm Pedagogical Journal], 2019, no. 10, pp. 138–142 (in Russian).
5. Nikolaeva A. D., compl. *Kejs-zadaniya: didakticheskii material po kursu «Pedagogika» dlya aspirantov i soiskateley po nauchnoy special'nosti 5.8.1. (13.00.01) Obshchaya pedagogika, istoriya pedagogiki i obrazovaniya (pedagogicheskie nauki)* [Case tasks: Didactic material on the course "Pedagogy" for graduate students and applicants in the scientific specialty 5.8.1 (13.00.01) General pedagogy, history of pedagogy and education (Pedagogical sciences)]. Kirov, ANO DPO Interregional Centr for Innovative Technologies in Education Publ., 2021. 79 p. (in Russian).
6. Akseonovskaya L. N. Methods of managerial team soteriing: Soteriological game «The Way of Hero» (Case analysis). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 292–297 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-3-292-297>
7. Vylkova E. S., Viktorova N. G., Evstigneev E. N. Transformation of higher financial and tax education in modern conditions. *Alma Mater. Vestnik vysshey shkoly* [Alma Mater. Bulletin of Higher Education], 2021, no. 1, pp. 43–51 (in Russian). <https://doi.org/10.20339/AM.01-21.043>
8. Vylkova E. S. *Metod organizatsii uchebno-vospitatel'nogo protsessa: variativnoe igrovoe reshenie trudnykh uchebno-obrazovatel'nykh zadach (VIRTUOZ)* [Method of organization of the educational process: variable game solution of difficult educational problems (VIRTUOZ)]. St. Petersburg, Izdatel'sko-poligraficheskaya assotsiatsiya vysshikh uchebnykh zavedeniy, 2022. 448 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 31.03.2023; одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 31.03.2023; approved after reviewing 06.09.2023; accepted for publication 13.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 469–474
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 469–474
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-469-474>, EDN: SXUWON

Научная статья
УДК 364.6-787.7:316.624-057.87-047.44

Социально-педагогическая профилактика аддиктивного поведения в студенческой среде

А. Д. Золотова

Луганский государственный педагогический университет, Россия, Луганская Народная Республика, 291011, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2
Золотова Анна Дмитриевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью, zolotova_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3352-0593>

Аннотация. Введение. В современной педагогической науке наблюдается противоречие, которое заключается в том, что, с одной стороны, исследователи уделяют немало внимания проблеме роста аддиктивного поведения молодежи, а, с другой, практика показывает неуклонный рост всех видов аддикций. **Теоретический анализ.** Изучение научно-педагогической литературы позволяет очертить стратегию и тактику экспериментальной работы, сформировать необходимые исходные положения, на которых будут базироваться основные направления усовершенствования социально-педагогической профилактики аддиктивного поведения студенческой молодежи. **Эмпирический анализ.** Анализ социально-педагогической профилактики аддиктивного поведения в студенческой среде позволил установить, что подавляющее большинство преподавателей, которые являются кураторами студенческих групп, не готовы к осуществлению профилактики аддиктивного поведения студентов. Путем опроса были выявлены основные причины, затрудняющие профилактику аддиктивного поведения студентов. Среди всех видов психоактивных веществ молодым людям наиболее трудно отказаться от табакокурения, наблюдается лояльное отношение к употреблению алкоголя. **Заключение.** Уровни аддиктивного поведения студентов свидетельствуют о неготовности к отказу от предложения химических аддикций со стороны социума. Полученные ответы педагогов демонстрируют, что для повышения эффективности профилактической деятельности им необходимы информационное просвещение и организационная поддержка.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, студенты, педагогическая профилактика

Для цитирования: Золотова А. Д. Социально-педагогическая профилактика аддиктивного поведения в студенческой среде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 469–474. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-469-474>, EDN: SXUWON

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Socio-pedagogical prevention of addictive behavior among students

A. D. Zolotova

Lugansk State Pedagogical University, 2 Oboronnaya St., Lugansk 291011, Lugansk People's Republic, Russia

Anna D. Zolotova, zolotova_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3352-0593>

Abstract. Introduction. In modern pedagogical science, there is a contradiction, which lies in the fact that, on the one hand, researchers pay a lot of attention to the problem of the growth of addictive behavior of young people, and, on the other hand, practice shows a steady increase in all types of addictions. **Theoretical analysis.** The study of scientific and pedagogical literature allows us to outline the strategy and tactics of experimental work and to form the necessary starting points on which the main directions for improving the socio-pedagogical prevention of addictive behavior of students will be based. **Empirical analysis.** An analysis of the implementation of socio-pedagogical prevention of addictive behavior among students revealed that the vast majority of teachers who are curators of student groups are not ready to implement the prevention of addictive behavior of students. The survey revealed the main reasons that make it difficult to prevent the addictive behavior of students. Among all types of psychoactive substances, it is most difficult for young people to give up smoking; there is a loyal attitude towards alcohol consumption. **Conclusion.** The levels of addictive behavior of students indicate unwillingness to refuse the offer of chemical addictions from the society. The responses received from teachers demonstrate that they need information education and organizational support to improve the effectiveness of preventive activities.

Keywords: addictive behavior, students, pedagogical prevention

For citation: Zolotova A. D. Socio-pedagogical prevention of addictive behavior among students. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 469–474 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-469-474>, EDN: SXUWON

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Сегодня серьезной социально-педагогической проблемой продолжает оставаться рост уровней аддиктивного поведения детей и молодежи [1]. Аддиктивное поведение – это вид девиантного поведения, для которого характерно состояние измененного сознания вследствие приема психоактивных веществ (табака, алкоголя, наркотиков) или вследствие концентрации внимания на определенных видах деятельности для ощущения интенсивных эмоций (игровая, компьютерная, пищевая и другие зависимости) [2, 3]. В данной статье внимание сфокусировано на первой группе аддикций в силу их катастрофического вреда для здоровья.

Теоретический анализ

Исследование химических аддикций начинают в своих работах В. С. Битенский, Б. С. Братусь, С. В. Дворяк, В. А. Глушков, Д. В. Колесов, И. Н. Пятницкая, П. И. Сидоров, Б. Г. Херсонский и др. Сегодня научно-теоретические разработки данной проблематики направлены на самые разнообразные аспекты. Так, изучению психологических особенностей личности с аддиктивным поведением посвящены исследования В. В. Аршиновой, Т. П. Жариковой, Е. В. Куприянчук, К. М. Леоновой и др. Значение психологических причин аддиктивного поведения отражено в работах М. А. Гагариной, К. С. Лисецкого, Е. В. Литягиной, И. А. Паршутина и др. Большое внимание уделяется педагогическим аспектам профилактики аддиктивного поведения детей: расширение содержания профилактической деятельности рассматривается в исследованиях О. В. Грибановой, С. А. Купцовой, С. В. Лидака, С. А. Палатовой и других; подготовка педагогов к профилактике аддиктивного поведения учащихся – в работах Н. Г. Демичевой, О. В. Родькиной и др. Теоретико-методические основы профилактики, в том числе и аддиктивного поведения, раскрываются в трудах С. Л. Сибирякова, Л. К. Фортовой, Л. Б. Шнейдер и др. Вместе с тем специфика проблем профилактики аддиктивного поведения студенческой молодежи, с которой сталкиваются преподаватели, исследована недостаточно. Цель статьи – проанализировать проблемы осуществления социально-педагогической профилактики аддиктивного поведения в студенческой среде. Важными составляющими для решения задач исследования являются анализ и учет реальной практики осуществления

профилактики аддиктивного поведения в высшем учебном заведении и определение уровня ее эффективности. Такой анализ позволит выявить основные достижения, проблемы и недостатки осуществления профилактики аддиктивного поведения, а также определить особенности и специфику этого направления воспитательной работы.

Эмпирический анализ

На этапе проведения констатирующего эксперимента мы обратились к методу опроса, методу компетентных судей и использовали ранжирование. Цель организации данных диагностических процедур заключалась в следующем: выявление реального уровня социально-педагогической профилактики аддиктивного поведения с позиции компетентных судей; выяснение недостатков и трудностей в организации воспитательной работы по профилактике аддиктивного поведения; определение объема и содержания профилактической работы. В опросе приняли участие 40 преподавателей-кураторов всех курсов и направлений подготовки Института истории, международных отношений и социально-политических наук уровня бакалавриата Луганского государственного педагогического университета. Все интересующие нас вопросы мы сконцентрировали в специально разработанных анкетах.

Перейдем к анализу полученных данных. В первую очередь нас интересовал характер отношения преподавателей к осуществлению профилактики аддиктивного поведения студентов. На первый вопрос, с которого мы начали – «считаете ли Вы профилактику аддиктивного поведения студентов необходимым компонентом своей воспитательной работы?» – почти 70% преподавателей ответили «нет». Ответы на этот вопрос дают нам возможность предположить, что среди преподавателей нет общей нацеленности на осуществление профилактики. Чтобы глубже понять корни этой проблемы, мы предложили преподавателям заполнить анкету, в которой они поставили себе оценки по четырехбалльной шкале, оценивая направления воспитательной деятельности (табл. 1).

Как следует из табл. 1, подавляющее большинство преподавателей оценивают первый и второй виды социально-педагогической деятельности оценкой «хорошо» (81,6 и 82,3%). Данный уровень полностью соответствует действительности, так как подавляющее большин-

Таблица 1 / Table 1

Самооценка направлений воспитательной деятельности
Self-assessment of educational activities

Виды социально-педагогической деятельности	Самооценка преподавателей, %				
	5 (отлично)	4 (хорошо)	3 (удовлетворительно)	2 (неудовлетворительно)	1 Затрудняюсь дать ответ
Работа со студентами, склонными к совершению правонарушений	10,5	81,6	7,9	–	–
Коррекционно-воспитательная работа со студентами, склонными к девиантному поведению	7,3	82,3	10,4	–	–
Профилактика аддиктивного поведения	–	16,4	19,2	3,7	60,7

ство из них имеет педагогическое образование. Обращает на себя внимание тот факт, что преподаватели большую роль отводят воспитательной работе, осознавая ее неразрывность с учебным процессом. Возникает вопрос: почему же за такой блок воспитательной работы, как профилактика аддиктивного поведения, 3,7% ставят себе оценку «неудовлетворительно»,

а 60,7% затрудняются дать ответ? Почему преподаватели не видят прямой корреляции между уровнем аддиктивного поведения и уровнем других видов отклоняющегося поведения студентов? Чтобы найти ответ на этот вопрос, мы предложили преподавателям следующий опросник, результаты которого отражены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Причины, которые осложняют или делают невозможной профилактику аддиктивного поведения студентов
Reasons that complicate or make it impossible to prevent addictive behavior of students

Перечень причин	Ранговое место	Ответы, %
Мне это не интересно	4	14,3
Мне за это не платят	1	36,4
Мои единичные усилия ничего не дадут	2	29,2
Я бы хотел, но не знаю, что можно сделать	3	20,1
Другие причины (укажите какие)	–	–

В табл. 2 в перечне причин невыполнения профилактики аддиктивного поведения доминирует позиция «Мне за это не платят» (36,4%); второе ранговое место занимает позиция «Я бы хотел, но мои единичные усилия ничего не дадут» (29,2%); третье – «Я бы хотел, но не знаю, что можно сделать» (20,1%) и четвертое – «Мне это не интересно» (14,3%).

Если проанализировать результаты, то, на первый взгляд, причина «мне за это не платят» обусловлена объективно, и дополнительные источники финансирования для проведения профилактики взять негде. Однако если пересмотреть содержание, а не объем воспитательной работы, скорректировать ее основную цель в нужном нам направлении, заменить устаревшие и несовершенные меры на новые,

проблема нехватки средств становится несуществующей, а преподавателям не нужно будет прилагать дополнительные усилия на проведение профилактической работы, они будут работать в пределах оплачиваемого им рабочего времени.

Второе ранговое место занимает причина «я бы хотел, но мои единичные усилия ничего не дадут». То есть 29,2% преподавательского состава готовы к профилактике табакокурения, употребления алкоголя и наркотиков, но им нужна четкая система действий. Они справедливо замечают, что единичные усилия отдельных преподавателей не будут эффективными, нужен механизм работы всего учебного учреждения, включая администрацию, педагогов, студентов и их родителей.

Что касается причины «я бы хотел, но не знаю, что можно сделать» (третье ранговое место), то она говорит сама за себя: 20,1% преподавателей готовы к конкретным действиям, но они не знают, как грамотно проводить профилактическую работу. И это справедливо, ведь педагогические исследования в области профилактики аддиктивного поведения, которые отвечали бы современным запросам воспитательной работы высшего учебного заведения, имеют сравнительно недавнюю историю своего возникновения и большинство педагогов с ней просто не знакомы.

И последняя причина «мне это не интересно» (четвертое ранговое место) в процентной позиции не кажется нам окончательной (14,3%). Ведь, если умело заинтересовать педагогов, разъяснить, какие преимущества несут в себе результаты профилактики аддиктивного поведения, (связь с нравственным, правовым воспитанием, улучшение здоровья, умственных способностей и, как следствие, повышение успеваемости обучения), эти цифры будут значительно ниже. То есть, несмотря на существенные недостатки проведения социально-педагогической профилактики аддиктивного поведения студентов, существуют достаточные

потенциальные возможности для повышения ее эффективности.

Важным показателем эффективности профилактики аддиктивного поведения является определение уровней аддиктивного поведения студентов. Для этого использовался метод компетентных судей. Поскольку мы живем в социуме и постоянно чувствуем его влияние, создать пространство, в котором совсем нет табака, алкоголя и наркотиков, невозможно. Непосредственно или косвенно мы часто имеем дело с предложением психоактивных веществ. Поэтому эффективность профилактики химических видов аддиктивного поведения можно проверить посредством определения эффективности противостояния предложению сигарет, алкоголя, наркотиков. Мы предложили кураторам групп вопрос «уверены ли Вы, что большинство студентов Вашей группы способны...?» и предоставили варианты ситуаций. Первые четыре ситуации мы условно обозначили как показатели пассивного противостояния предложениям психоактивных веществ. Результаты содержатся в табл. 3, а следующие пять вариантов ответов для того же вопроса мы обозначили как активные формы противостояния (табл. 4).

Таблица 3 / Table 3

Пассивные формы противостояния предложениям психоактивных веществ
Passive forms of opposition to offers of psychoactive substances

Варианты ситуаций	Варианты ответов, %					Индекс противостояния
	1 Уверен полностью	2 Скорее уверен	3 Затрудняюсь дать ответ	4 Скорее не уверен	5 Совсем не уверен	
Устоять от предложения табакокурения	7,4	31	11,6	10,2	39,8	-0,22
Отказаться от предложения употребить алкоголь	7,4	20	16,8	43	12,8	-0,17
Отказаться от предложения употребить наркотик	16,6	24,2	28,2	20,4	10,6	+0,07

Как видно из табл. 3 и 4, наименьшие баллы получила позиция уверенности в способности объяснить вред психоактивных веществ сверстникам ($I = -0,49$). Почти одинаково низкие баллы имеет позиция уверенности влияния на снижение употребления психоактивных веществ в семье ($I = -0,48$). И это не случайно. Ведь преподаватели почти не смогли привести примеры семей, в которых родители сознательно ради детей отказываются от курения сигарет и употребления алкоголя. Чаще они

просто запрещают детям употреблять табак и алкоголь, потому что «еще рано». Ситуация осложняется, если кто-то из родителей или близких зависим от алкоголя или употребляет наркотики. И совсем близкой по полученным низким баллам является позиция уверенности в привлечении друзей к движению за здоровый образ жизни ($I = -0,47$ балла). Очень низкие баллы получила также позиция уверенности в отказе своих друзей от злоупотребления психоактивными веществами ($I = -0,45$). Препода-

Таблица 4 / Table 4

Активные формы противостояния предложениям психоактивных веществ
Active forms of opposition to offers of psychoactive substances

Варианты ситуаций	Варианты ответов, %					Индекс противостояния
	1 Уверен полностью	2 Скорее уверен	3 Затрудняюсь дать ответ	4 Скорее не уверен	5 Совсем не уверен	
Объяснить вред этих веществ сверстникам	2,6	4,6	19,2	40	33,6	-0,49
Отговорить друзей от злоупотребления этими веществами	1,8	5,2	22,4	43,4	27,4	-0,45
Влиять на снижение употребления этих веществ в семье	–	2	21,2	56,4	20,4	-0,48
Вести здоровый образ жизни	2,4	12,4	18,2	40,2	26,8	-0,38
Привлечь друзей к движению за здоровый образ жизни	1,2	2,4	16,8	60	19,6	-0,47

ватели отмечают, что если кто-то из студентов курит, употребляет алкоголь или попробовал наркотик, то он это не соотносит с понятием злоупотребления. Следующее место занимает позиция уверенности в ведении здорового образа жизни ($I = -0,38$).

Среди всех видов психоактивных веществ молодым людям наиболее трудно отказаться от предложения закурить сигарету ($I = -0,22$). Это дает возможность предположить, насколько данная пагубная привычка распространена среди молодежи. Довольно легкомысленно молодые люди относятся к предложениям употребить алкоголь ($I = -0,17$). Естественно, исходя из своего жизненного опыта, студенты могут видеть, что негативное влияние алкоголя сказывается не сразу, а спустя довольно длительное время. Тот факт, что большинство окружающих взрослых употребляют алкоголь без видимых негативных последствий для здоровья, вызывает сомнения во вреде употребления алкоголя вообще. Коварство алкоголя состоит в том, что положительные эффекты его действия значительно опережают нарастание негативных объективных последствий. Значительно увереннее преподаватели в отказе студента в ситуации предложения употребить наркотик ($I = +0,07$).

Заключение

Анализ вышесказанного свидетельствует о недостаточно эффективной профилактике аддиктивного поведения студентов. Уровни

такого поведения студентов говорят о неготовности к отказу от предложения химических аддикций со стороны социума. Если от наркотических веществ большинство молодых людей, по мнению кураторов, способны отказаться, то употребление алкоголя и табака подавляющему количеству студентов кажется естественным. Полученные ответы педагогов демонстрируют, что для повышения эффективности профилактической деятельности им необходимы информационное просвещение и организационная поддержка. Анализ всех этих данных дает возможность строить содержание дальнейшей экспериментальной работы с педагогическим составом. Перспективы развития данной темы заключаются в разработке инновационной технологии профилактики аддиктивного поведения студенческой молодежи с учетом полученных результатов, а также в проверке ее эффективности при помощи уже использованных диагностических процедур.

Список литературы

1. *Леонова К. М.* Копинг-стратегии лиц, страдающих зависимостью от психоактивных веществ, с различным уровнем жизнестойкости // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 203–206. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-2-203-206>
2. *Куприянчук Е. В.* Личностные особенности созависимых родителей аддиктивных подростков // Известия Саратовского университета. Новая серия.

Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 184–189. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-184-189>

3. Купцова С. А. Профилактика аддиктивного поведения учащихся в условиях образовательных учреждений // Концепт. 2019. № 2 (февраль). С. 90–100. <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-11016>

References

1. Leonova K. M. Coping strategies of persons suffering from addiction to psychoactive substances with different levels of hardiness. *Izvestiya of Saratov University*.

Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 203–206 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-2-203-206>

2. Kuprianchuk E. V. Personal characteristics of co-dependent parents of addictive adolescents. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 184–189 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-184-189>
3. Kuptsova S. A. Prevention of addictive behavior of students in educational institutions. *Concept [Concept]*, 2019, no. 2 (February), pp. 90–100 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-11016>

Поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 30.04.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 30.04.2023; accepted for publication 13.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 475–479
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 475–479
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-475-479>, EDN: TFLYCR

Научная статья
УДК [377.016:811.1/.8](480)

Современные аспекты обучения школьников и студентов среднего профессионального образования в Финляндии иностранному языку

М. М. Паршина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Паршина Мария Михайловна, специалист I категории отдела аспирантуры, докторантуры и диссертационных советов управления организации научно-исследовательских работ и подготовки научных кадров, mari73712@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6315-0506>

Аннотация. Введение. В рамках данной статьи автором предпринята попытка рассмотреть некоторые особенности обучения в Финляндии иностранному языку в школе и в учреждениях среднего профессионального образования, позволяющие финнам владеть иностранным языком на достаточно хорошем уровне. **Теоретический анализ.** Рассмотрение причин данных результатов позволило выявить тот факт, что в последние годы в финское образование внедряется система раннего изучения иностранного языка. Большое внимание уделяется формированию навыков общения и взаимодействия. Изучение иностранного языка в средней школе направлено на ознакомление ученика с культурой изучаемого языка. При обучении иностранному языку студентов учреждений среднего профессионального образования наблюдается активная интеграция общеобразовательной и профессиональной подготовки. **Заключение.** При изучении родного языка учащиеся рассматривают общие лингвистические понятия, присущие в том числе и другим языкам и способствующие общему пониманию языковой структуры. Финские преподаватели в своей профессиональной деятельности опираются на учение Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития. Изучение языка рассматривается как процесс, происходящий на протяжении всей жизни, целью которого является развитие многоязычной компетенции.

Ключевые слова: иностранный язык, образование в Финляндии, среднее профессиональное образование, интеграция общеобразовательной и профессиональной подготовки

Для цитирования: Паршина М. М. Современные аспекты обучения школьников и студентов среднего профессионального образования в Финляндии иностранному языку // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 475–479. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-475-479>, EDN: TFLYCR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Modern aspects of teaching a foreign language to schoolchildren and students of secondary vocational education in Finland

M. M. Parshina

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Maria M. Parshina, mari73712@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6315-0506>

Abstract. Introduction. Within the framework of this article, the author made an attempt to consider some features of teaching a foreign language in Finland at school and in institutions of secondary vocational education, which allow the Finns to speak a foreign language at a fairly good level. **Theoretical analysis.** Consideration of the reasons for these results made it possible to reveal the fact that in recent years a system of early learning of a foreign language has been introduced in Finnish education. Much attention is paid to the formation of communication and interaction skills. The study of a foreign language in the secondary school is aimed at familiarizing the student with the culture of the language being studied. When teaching a foreign language to students of secondary vocational education institutions, there is an active integration of general education and vocational training. **Conclusion.** When studying their native language, students consider general linguistic concepts that are also inherent in other languages and contribute to a common understanding of the language structure. Finnish teachers in their professional activities rely on the teachings of L. S. Vygotsky about the zone of proximal development. Language learning is seen as a lifelong process that aims to develop multilingual competence.

Keywords: foreign language, education in Finland, secondary vocational education, integration of general education and vocational training

For citation: Parshina M. M. Modern aspects of teaching a foreign language to schoolchildren and students of secondary vocational education in Finland. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 475–479 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-475-479>, EDN: TFLYCR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Результаты различных международных образовательных исследований показывают, что финские учащиеся обладают хорошо развитыми навыками чтения, способностью к критическому мышлению, а также демонстрируют довольно высокий уровень владения иностранным языком, в частности английским [1]. В списке стран, население которых очень хорошо владеет английским языком, Финляндия занимает 8-ю строчку, лишь немного уступая странам-лидерам – Нидерландам, Сингапуру и Австрии [2].

Теоретический анализ

Рассмотрение причин результатов международных образовательных исследований позволило выявить тот факт, что последние годы большое внимание в Финляндии уделяется раннему изучению иностранного языка. В 2020 г. в финском учебном плане средней школы произошли изменения: изучение первого иностранного языка теперь начинается уже с 1-го класса, а не с 3-го, как это было раньше [3].

Обычно для изучения иностранного языка отводится 2 ч в неделю. Английский язык является наиболее часто выбираемым для освоения первым иностранным языком [4]. В 6-м классе средней школы начинается изучение обязательного для всех второго государственного языка – шведского. Изучение иностранного языка в средней школе направлено на ознакомление ученика с иной языковой средой и культурой изучаемого языка.

Выбор для рассмотрения в рамках данной статьи ключевых особенностей языковой подготовки школьников и студентов среднего профессионального образования в Финляндии, таких как система раннего обучения языку и межпредметная интеграция, объясняется значимостью этих явлений и их влиянием на уровень знания иностранного языка в обществе. Как пишут исследователи из университетов Восточной Финляндии и Тампере, в финской учебной программе для базового образования языковое обучение включает как родной язык, так и все языки, которые учащиеся уже знают или изучают в неформальной или формальной обстановке. Изучение языка рассматривается как процесс на протяжении всей жизни, целью которого является развитие многоязычной компетенции. В школе учащиеся должны иметь возможность

не только изучать языки, но и использовать их в качестве инструмента для другого обучения [5]. В процессе изучения родного языка учащиеся осваивают общие лингвистические понятия, присущие в том числе и другим языкам и способствующие общему пониманию языковой структуры. Группа ученых из Тампере отмечает тот факт, что в Финляндии в языковых учебниках для изучения представлены фонологические, морфологические, лексические, синтаксические и семантические явления, а также языковые вариации. Например, в учебник финского языка *Kärki 8* вводятся такие понятия, как члены предложения, части речи и союзы; учебник английского языка *Spotlight 8* содержит следующие понятия: предложения, существительные, глаголы, прилагательные и вопросительные слова; в учебник шведского языка *På gång 8* введены такие понятия, как члены предложения, части речи и вопросительные слова [5]. Количество вводимых понятий зависит от класса, на который рассчитаны учебные материалы.

В качестве примера рассмотрим также лексическое содержание учебника английского языка для 7-го класса из серии *Level Up*, содержащего тексты, темы которых базируются на интересах молодых людей. Кроме того, учебник включает тематическую лексику, описание ситуаций устного общения и упражнения, направленные на отработку грамматических конструкций посредством аудирования, устной речи и различных игр. В конце книги помещены структурный раздел и алфавитный глоссарий. Среди тем, предлагаемых для обсуждения на занятиях в 7-м классе, есть прически, искусство говорить и принимать комплименты, дом будущего, спорт, граффити и др. В дополнение к учебнику в комплект входят рабочая тетрадь, мобильное приложение *Arttu* для просмотра и прослушивания видео и аудио-контента, связанного с учебником, а также приложение *Vocabularies* для запоминания словарного запаса из песен и тем с помощью флип-карточек. Приложение также имеет алфавитный глоссарий [6].

В случае поступления учащегося в учреждение среднего профессионального образования ситуация с изучением языков несколько изменяется. Все базовые степени профессионального образования включают обязательное изучение одного государственного языка и одного иностранного языка [7].

Цель обучения иностранному языку в учреждении среднего профессионального об-

разования состоит в формировании у студента практических языковых навыков, которые он сможет использовать, чтобы успешно взаимодействовать в самых распространенных ситуациях повседневной жизни. Особое внимание уделяется развитию навыков разговорной речи, а также знакомству с культурой и образом жизни в стране изучаемого языка [8].

Проблема формирования культуры делового общения студентов в процессе получения среднего профессионального образования представляется актуальной [9]. С помощью заданий разного уровня можно подобрать подходящий материал для всех учащихся [10].

Важно отметить тот факт, что в процессе обучения иностранному языку финские преподаватели опираются на учение Л.С.Выготского о зоне ближайшего развития [11]. В обучении языку под зоной ближайшего развития понимается ситуация, когда то, что нужно изучить, находится на верхнем пределе навыков учащегося и слишком сложно для понимания в одиночку. Однако при своевременной поддержке со стороны преподавателя учащийся может справиться с заданием или понять новый материал [12, 13].

Особое внимание в процессе изучения английского языка в учреждениях среднего профессионального образования уделяется формированию знаний, умений и навыков, необходимых для дальнейшей профессиональной деятельности. Рассмотрим этот процесс на примере языковой подготовки будущих медицинских сестер, так как данная специальность на сегодняшний день – одна из наиболее востребованных в Финляндии.

В рамках реализации проекта «Основы пути», финансируемого Национальным советом по образованию Финляндии, были разработаны материалы курса «Общение и взаимодействие на иностранном языке» [14], который предполагает изучение, например, таких тем, как «Сестринская работа и реабилитация», «Социальное функционирование и психологическое благополучие» и др. При изучении каждой темы наблюдается межпредметная интеграция, проводятся практикумы продолжительностью 4 ч по одной теме. При этом присутствуют два преподавателя лечебного дела, один преподаватель по реабилитации и один преподаватель английского языка. Студенты делятся на небольшие группы, каждая из которых решает один кейс. Кейс состоит из текста с описанием реальных ситуаций из жизни, посвященных уходу за пожилыми людьми, инва-

лидами или восстановлением в послеоперационный период, а также списка заданий и вопросов. Студенты обсуждают ответы на вопросы, в то время как преподаватели подходят и инструктируют каждую группу. Готовое решение кейса представляется студентами на английском языке с использованием медицинских инструментов.

После каждого выступления каждая группа оценивает свой успех, а также получает обратную связь от других студентов. После этого преподаватели профессиональных дисциплин дают отзыв о профессиональной части решения, а преподаватель английского языка – о языковой составляющей ответа. Решение кейса также может быть представлено учащимися сначала на финском, а затем на английском языке, в зависимости от уровня языковой подготовки студентов. Следовательно, в ходе выполнения данного задания студенты осваивают новую профессиональную лексику на английском языке и повторяют материал, изученный ранее на занятиях по профильным профессиональным дисциплинам.

Заключение

Выделяются следующие ключевые аспекты языковой подготовки школьников и студентов среднего профессионального образования в Финляндии: раннее начало обучения языкам, акцент на формирование навыков устного общения, использование языка в повседневной жизни, формирование интереса к культуре других стран, учет личных интересов учащихся, интеграция языковой и профессиональной подготовки, использование современных технологий в процессе обучения. На методологическом уровне финны успешно сочетают как европейские подходы к обучению иностранным языкам, так и опыт российских ученых, в частности учение Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития. Языковое обучение в Финляндии рассматривается как процесс, происходящий на протяжении всей жизни, базируется на выделении общих лингвистических понятий в различных языках, с которыми сталкивается учащийся в своей повседневной деятельности, для формирования многоязычной компетенции, и позволяет развивать навыки общения и взаимодействия, необходимые в том числе для дальнейшего профессионального развития. Все это делает финский опыт обучения иностранным языкам интересным для дальнейшего исследования.

Список литературы

1. PISA-tutkimus ja Suomi. URL: <https://okm.fi/pisa> (дата обращения: 23.04.2023).
2. Крупнейший в мире рейтинг уровня владения английским языком. URL: <https://www.ef.ru/epi/> (дата обращения: 23.04.2023).
3. Suomen kieltenopettajien liitto ry. URL: https://www.sukol.fi/liitto/uutiset/tilastotietoa/tilastotietoa_kielivalinnoista/perustietoa_kielivalinnoista/vuosiluokilla_1_6 (дата обращения: 23.04.2023).
4. Kantelinen R., Kajander K., Wallinheimo K. Elgundi Z. Kielisalkun uusi tuleminen perusopetuksen vuosiluokille 1–6 // Kieli, koulutus ja yhteiskunta, 2020. № 11 (2). URL: <https://www.kieliverkosto.fi/fi/journals/kielikoulutus-ja-yhteiskunta-maaliskuu-2020/kielisalkun-uusi-tuleminen-perusopetuksen-vuosiluokille-1-6> (дата обращения: 23.04.2023).
5. Nupponen A.-M., Jeskanen S., Rättyä K. Finnish student language teachers reflecting on linguistic concepts related to sentence structures: Students recognising linguistic concepts in L1 and L2 textbooks. Contribution to a special issue What is Grammar in L1 Education Today? // L1-Educational Studies in Language and Literature, 2019. № 19. P. 1–25. <https://doi.org/10.17239/L1ESLL-2019.19.02.04>
6. Level Up 7. URL: <https://sisalto.sanomapro.fi/demot/2022/levelup7dom/index.html?i=1&ii=0> (дата обращения: 23.04.2023).
7. Valtioneuvoston asetus ammatillisesta koulutuksesta (673/2017). URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2017/20170673#Pdm45053757795952> (дата обращения: 23.04.2023).
8. Etelä-Karjalan kansalaisopiston opetussuunnitelma. Lappeenranta: Etelä-Karjalan kansalaisopisto Julk., 2021. 31 p. URL: https://ekko.fi/wp-content/uploads/2022/01/EKKOn-ops_2021.pdf (дата обращения: 23.04.2023).
9. Абрамова Н. В. Подготовка будущих юристов к деловому иноязычному общению в теории и практике высшего образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 88–91.
10. Heiskanen A., Hemming-Sotejeff T. Salt & Pepper-digikirja. Helsinki, Sanoma Pro, 2023. 216 p. URL: <https://tuotteet.sanomapro.fi/tuotteet/ammattillinen-toinen-aste/yhteiset-tutkinnon-osat/englanti/bu563934-salt-pepper-digikirja.html#tab-label-additional> (дата обращения: 23.04.2023).
11. Lehdenvirta J. I. S2-opettajien kokemuksia kielitaidon arvioinnista ammatillisen koulutuksen kentällä vuosina 2009 ja 2019. Maisterintutkielma. Jyväskylä, 2020. 93 p. URL: <https://jyx.jyu.fi/bitstream/handle/123456789/73494/URN%3aNBN%3afi%3ajyu-202012297424.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 23.04.2023).
12. Vaarala H., Reiman N., Jalkanen J., Nissilä L. Tilanne päällä! Näkökulmia S2-opetukseen. Helsinki : Opetushallitus, 2016. 160 s.
13. Lantolf J., Poehner M. Dynamic assessment in the classroom: Vygotskian praxis for second language development // Language Teaching Research. 2010. № 15 (1). P. 11–33.
14. The material has been produced in the Basics to Paths project funded by the Finnish National Board of Education. URL: <https://docplayer.fi/231365835-Materiaali-ontuotettu-opetushallituksen-rahoittamassa-perusteista-pouluille-hankkeessa.html> (дата обращения: 23.04.2023).

References

1. PISA-tutkimus ja Suomi (Finland and PISA). Available at: <https://okm.fi/pisa> (accessed April 23, 2023) (in Finnish).
2. Krupneyskiy v mire reyting urovnya vladeniya angliyskim yazykom (The world's largest ranking of English proficiency). Available at: <https://www.ef.ru/epi/> (accessed April 23, 2023) (in Russian).
3. Suomen kieltenopettajien liitto ry (The Federation of Foreign Language Teachers in Finland SUKOL). Available at: https://www.sukol.fi/liitto/uutiset/tilastotietoa/tilastotietoa_kielivalinnoista/perustietoa_kielivalinnoista/vuosiluokilla_1_6 (accessed April 23, 2023) (in Finnish).
4. Kantelinen R., Kajander K., Wallinheimo K. Elgundi Z. Kielisalkun uusi tuleminen perusopetuksen vuosiluokille 1–6. Kieli, koulutus ja yhteiskunta, 2020, no. 11 (2). Available at: <https://www.kieliverkosto.fi/fi/journals/kielikoulutus-ja-yhteiskunta-maaliskuu-2020/kielisalkun-uusi-tuleminen-perusopetuksen-vuosiluokille-1-6> (accessed April 23, 2023) (in Finnish).
5. Nupponen A.-M., Jeskanen S., Rättyä K. Finnish student language teachers reflecting on linguistic concepts related to sentence structures: Students recognising linguistic concepts in L1 and L2 textbooks. Contribution to a special issue What is Grammar in L1 Education Today? // L1-Educational Studies in Language and Literature, 2019, no. 19, pp. 1–25 (in Finnish). <https://doi.org/10.17239/L1ESLL-2019.19.02.04>
6. Level Up 7. Available at: <https://sisalto.sanomapro.fi/demot/2022/levelup7dom/index.html?i=1&ii=0> (accessed April 23, 2023).
7. Valtioneuvoston asetus ammatillisesta koulutuksesta (673/2017) (Decree of the Government on vocational training dated 2017 № 673). Available at: <https://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2017/20170673#Pdm45053757795952> (accessed April 23, 2023) (in Finnish).
8. Etelä-Karjalan kansalaisopiston opetussuunnitelma. Lappeenranta, Etelä-Karjalan kansalaisopisto Julk., 2021. 31 p. Available at: https://ekko.fi/wp-content/uploads/2022/01/EKKOn-ops_2021.pdf (accessed April 23, 2023) (in Finnish).
9. Abramova N. V. The Problem of training of law students to the business foreign language communication in theory and practice of higher education. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 1, pp. 88–91 (in Russian).

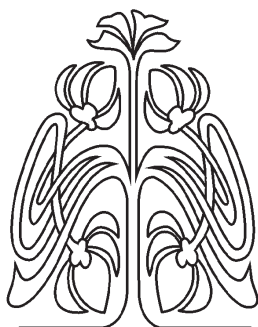

10. Heiskanen A., Hemming-Sotejeff T. *Salt & Pepper-digikirja*. Helsinki, Sanoma Pro, 2023. 216 p. Available at: <https://tuotteet.sanomapro.fi/tuotteet/ammattillinen-toinen-aste/yhteiset-tutkinnon-osat/englanti/bu563934-salt-pepper-digikirja.html#tab-label-additional> (accessed April 23, 2023).
11. Lehdenvirta J. I. S2-opettajien kokemuksia kielitaidon arvioinnista ammatillisen koulutuksen kentällä vuosina 2009 ja 2019. Maisterintutkielma, Jyväskylä, 2020. 93 p. Available at: <https://jyx.jyu.fi/bitstream/handle/123456789/73494/URN%3aNBN%3afi%3ajyu-202012297424.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed April 23, 2023) (in Finnish).
12. Vaarala H., Reiman N., Jalkanen J., Nissilä L. *Tilanne päällä! Näkökulmia S2-opetukseen*. Helsinki, Opetushallitus, 2016. 160 s. (in Finnish).
13. Lantolf J., Poehner M. Dynamic assessment in the classroom: Vygotskian praxis for second language development. *Language Teaching Research*, 2010, no. 15 (1), pp. 11–33.
14. *The Material has been Produced in the Basics to Paths Project Funded by the Finnish National Board of Education*. Available at: <https://docplayer.fi/231365835-Materiaali-on-tuotettu-opetushallituksen-rahoittamassa-perusteista-poluille-hankkeessa.html> (accessed April 23, 2023).

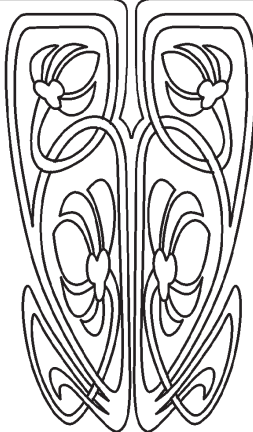
Поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 12.06.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 12.06.2023; accepted for publication 13.11.2023

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 480–484

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 480–484
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-480-484>

EDN: TLDIWG

Рецензия
УДК [1:316](049.32)

Зомбоящик съест ваши мозги на завтрак?

Рецензия на монографию А. Н. Фортунатова «Кибергуманизм. Как коммуникативные технологии трансформируют наше общество». М. : ФЛИНТА, 2023. 184 с.

С. В. Тихонова ✉, Д. С. Артамонов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Артамонов Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Аннотация. Введение. Рецензия посвящена выходу книги «Кибергуманизм. Как коммуникативные технологии трансформируют наше общество» нижегородского исследователя А. Н. Фортунатова – доктора философских наук, специалиста в области коммуникативистики, медиафилософии и истории телевидения. **Теоретический анализ.** В книге А. Н. Фортунатов соединил методологические принципы коммуникативной теории, медиафилософии и гуманизма как философского направления. Итогом стало рождение термина «кибергуманизм», который выступает характеристикой агрессивной сущности коммуникативных технологий, направленных, по мнению автора, на подчинение человека цифровым средствам коммуникации и медиа. А. Н. Фортунатов утверждает, что цифровая трансформация общества – естественное явление, возникшее вследствие развития научно-технического прогресса, однако «бездушие» цифры негативно сказывается на личности, которая становится лишь отражением медиа и показывает, как конструируется цифровая медиареальность, где субъект и объект меняются местами. Человек перестает быть субъектом во взаимодействии с медиа, так как не он воздействует на них, а, наоборот, средства коммуникации подчиняют его своей воле и логике существования. **Заключение.** Неоднозначный подход к рассмотрению феномена медиа составляет исследовательскую ценность книги, которая может быть интересна широкому кругу читателей, занимающихся проблемами цифрового общества.

Ключевые слова: кибергуманизм, медиа, коммуникативные технологии, цифровое общество, медиафилософия

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00153, <https://rscf.ru/project/22-18-00153/>.

Для цитирования: Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Зомбоящик съест ваши мозги на завтрак? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 480–484. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-480-484>, EDN: TLDIWG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

Will the zombie box eat your brains for breakfast?

Review of the monograph by A. N. Fortunatov "Cyberhumanism. How communication technologies transform our society". Moscow, FLINTA, 2023. 184 p.

S. V. Tikhonova , D. S. Artamonov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sophia V. Tikhonova, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Denis S. Artamonov, artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Abstract. Introduction. The review is devoted to the publication of the book "Cyberhumanism. How communication technologies transform our society" by Nizhny Novgorod researcher A. N. Fortunatov – the Doctor of Philosophy, specialist in the field of communication studies, media philosophy and the history of television. **Theoretical analysis.** In the book by A. N. Fortunatov, methodological principles of communicative theory, media philosophy and humanism as a philosophical trend were combined. The result was the emergence of the term "cyberhumanism", which serves as a characteristic of the aggressive nature of communication technologies aimed, according to the author, at subordinating a person to digital means of communication and media. The author claims that the digital transformation of society is a natural phenomenon that arose as a result of the development of scientific and technological progress, however, the "callousness" of the digital sphere negatively affects the personality, that becomes only a reflection of the media. A. N. Fortunatov shows how digital media reality is constructed, where the subject and the object change places. A person ceases to be a subject in interaction with the media, since it is not he who influences them, but, on the contrary, the means of communication subordinate him to their will and the logic of existence. **Conclusion.** Such an ambiguous approach to the consideration of the phenomenon of media constitutes the research value of the book, which may be of interest to a wide range of readers dealing with the problems of digital society.

Keywords: cyberhumanism, media, communication technologies, digital society, media philosophy

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-18-00153, <https://rscf.ru/project/22-18-00153/>.

For citation: Tikhonova S. V., Artamonov D. S. Will the zombie box eat your brains for breakfast? *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 480–484 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-4-480-484>, EDN: TLDIWG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Отчуждение – одна из ключевых категорий социальной философии и культурной антропологии, используемая для объяснения отношений человека и общества со времен К. Маркса, оставивших сословный слой в прошлом темных веков Средневековья. Несмотря на то, что культурные ландшафты современности непрерывно обновляются благодаря технологическому прогрессу, социальная реальность редко предоставляет личности полный пакет для самореализации. Погоня за призраком счастья заканчивается хэппиэндом только в мифах масскульта; товарное изобилие, гарантированное образование, здравоохранение и прочие блага капиталистических социальных государств уже 100 лет не могут обеспечить приближение к индексу счастья Тибета. Сегодня отчуждает то, что дарит удовольствие, прогоняет скуку и тоску, захватывает и развлекает, то, к чему мы стремимся добровольно в свое свободное время и с чем проводим досуг чаще, чем с самыми близкими людьми. Речь идет об экранных медиа. Им посвящена новая монография доктора

философских наук, профессора А. Н. Фортунатова, вышедшая в свет в московском издательстве «Флинта» в 2023 г. [1].

Название монографии сразу подводит читателя к сути дела благодаря введенному А. Н. Фортунатову термину «кибергуманизм», предназначенному для того, чтобы фиксировать «агрессивную сущность коммуникативных технологий, направленных на подчинение человека изоощренным средствам коммуникации» [1, с. 2]. Сам термин, конечно, можно оспорить – встроенный в него термин «гуманизм» в апологиях не нуждается. Благодаря ему новое слово получает куда более широкий спектр позитивных коннотаций, чем на это явно рассчитывал автор, причем как в академической традиции, где, например, Н. Бостром прямо связывает трансгуманизм с гуманизмом Возрождения через «Речь о достоинстве человека» Дж. Пико делла Мирандолы, так и в массовой культуре, в одном из сюжетов которой киборг Терминатор уничтожает себя ради того, чтобы научить людей гуманизму и заставить их быть людьми [2]. В рецензируемой работе речь однозначно идет о киберантигуманизме,

об отрицании, нивелировании и выветривании гуманизма в цифровую эпоху, о его антиподе, насаждаемом киберинструментами в массовой культуре.

Используемая в авторском неологизме приставка «кибер-» также неоднозначна. В книге читаем: «Латинский корень “кибер” – это ведь “управление” (губернатор, кстати, отсюда же), и новый вид цифрового гуманизма вылился в технологии контроля сознания» [1, с. 4]. Далее в тексте имплицитно противопоставляется симулятивная гиперреальность бодрийяровского толка и подлинный модус человеческого бытия. Экспликацию этого посыла можно обнаружить в последней статье автора, где он ставит вопрос «об антагонизме двух модусов человеческого бытия – медийного и социального», возникающем с момента массового расцвета телевидения и видеоманитофонной записи [3, с. 43]. Таким образом, базовый тезис автора в применении к Интернету отбрасывает его в методологию времен «большого разрыва». Этим концептом К. Дженсен обозначал противостояние в *media studies*, продолжавшееся примерно до середины нулевых годов нынешнего века двух парадигм [4]. К первой относятся классические теории коммуникации, генетически связанные с моделью общества потребления, насаждающего искусственные потребности в товарах через визуальные креализованные рекламные образы; ко второй – исследования Интернета, отрицающие его альтернативный по отношению к социуму характер, раскрывающийся через коннотативный ряд эскапизма как бегство от реальности, и настаивающие на симбиотическом статусе встраивания интернет-технологий во все уровни социальной системы.

«Большой разрыв», хотя и приводит к известной абсолютизации «цветов зла» и оставляет в слепом пятне демократические и гуманистические аспекты развития интернет-технологий, позволяет автору сохранить преемственность с критическим пафосом классических теорий коммуникации, обличавших пагубные последствия превращения культуры в индустрию, обслуживающую экспансию общества потребления, от Франкфуртской школы до французской постструктуралистской семиотики. Причем преемственность эта вполне обоснована технологически. Ранний интернет существовал как текст (гипертекст) и предъявлял весьма высокие требования к культурным компетенциям своих пользователей. Привычные сегодня видеоформаты, простая в создании и расшаривании цифровая фотография и цифровая видеосъемка – все это

было рутинизировано во второй половине нулевых годов. Тем не менее видео-контент остается довольно дорогим и сложным в производстве, во всяком случае, на том качественном уровне, где предполагается отклик зрителя. Компьютерные игры, несмотря на рост инди-проектов, встроены в индустрию масскульта, выполняя роль одного из его каналов, интенсивно включенного в качестве агента в социализацию. Асимметричность создания, тиражирования и потребления визуального контента сохраняется, и те потребители, у которых нет возможностей занимать активную роль по отношению к цифровому контенту, действительно оказываются погруженными в симулятивную гиперреальность, манипулятивный потенциал которой небывало вырос со времен, когда Ж. Бодрийяр писал работы «Символический обмен и смерть» (1976) и «Симулякры и симуляция» (1981).

Теоретический анализ

В настоящее время крайне сложно определить, какая часть интернет-аудитории относится к сетевым сегментам просьюмеризма, а какая – к пассивным пользователям, для которых визуальный контент продолжает оставаться нисходящей массовой информацией. Тем не менее существование и масштабность второй сомнений не вызывает. И в этом социолого-методологическом ракурсе, избранном А. Н. Фортунатовым, возможно очертить ее границы на основе социокультурной преемственности аналоговых и цифровых технологий, продолжающих оставаться для пользователей черным ящиком. Линейность последовательности – вещательное цветное телевидение, кабельное телевидение, цифровое телевидение, видеохостинг (видеоблогосфера), видео- и фотоконтент социальных сетей – обеспечивает по-прежнему иерархическую, разветвленную древовидную структуру цифровых технологий, работающих в пропагандистской логике классической системы массовой информации, паразитирующей на досуге обывателя, коммерциализирующей его низменные вкусы и делающей невозможным для него разворот к собственным экзистенциальным основам.

В итоге автор обоснованно занимает роль идейного и методологического наследника Г. Маркузе, Р. Барта и Ж. Бодрийяра, исследующего медиареальность как альтернативную реальности социальной. Коммуникация как технологически детерминированный процесс, не контролируемый реципиентом, противопоставляется стихии живого общения, описываемой

как подлинная и неиллюзорная. Ее социальную онтологию он размечает в названии глав, начиная с киберпространства и кибервремени, переходя к киберсубъектам и киберобъектам, показывая принадлежность коммуникации к порядку конструируемого прошлого, исследуя свойства киберсистемы и выявляя стратегии контрмедийности как векторы преодоления отчуждения.

Киберпространство и кибервремя А. Н. Фортунатова – это пространство и время медиа, не просто инструмента коммуникации, а способа конструирования нового бытия человека, в котором он лишен возможности какого-либо управления реальностью. По мнению автора, медиа создают иллюзию и проживают за человека его бытие, не давая ему возможности приложить усилия к проявлению переживаний и глубоких эмоций. Они, как «два братца из ларца» из мультфильма «Вовка в Тридевятом царстве», делают всю работу, моделируя будущее состояние личности или перестраивая ее прошлое, навязывая события и отношение к ним. Новым штампом медиавремени стало сетевое время, создающее при помощи монтажа прихотливую мозаику различных отрезков бытия, отражающих палитру эмоций конкретного субъекта.

Медиа создают поток убаюкивающих механически продуцированных образов и эмоций, делая субъекта социально пассивным. Его свобода подразумевает определение границ возможной активности, демаркацию субъектности, в которой медиа определяют реальность возможностей. Человек вряд ли способен отказаться от медиареальности, но она делает его безвольным, ведомым, управляемым, не оставляя за ним даже права выбора. В медиареальности объект и субъект меняются местами. Если в классической философской парадигме медиа представляют собой пассивную сущность – объект, на которую субъект-человек направляет свои устремления, то в киберреальности объектом становится индивид, испытывающий на себе постоянное колоссальное воздействие киберсубъекта-медиа. Превращение медиа из коммуникационного посредника в киберсубъекта происходит в борьбе за смыслы и отстранении от них человека. Медиа перестают транслировать смыслы, они начинают их задавать, ограничивая в этом человеческую свободу. Машинные алгоритмы и цифровые технологии определяют не только то, как человек потребляет информацию, но и то, что он получает в виде сообщений, определяющих его сознание. Как мы помним, сами медиа – это и есть месседж, и это не столько маклюэнская трактовка, сколько констатация тотальности медиареальности.

Современная медиареальность изменяет саму сущность коммуникации, которая в одной из глав книги названа «реальностью вчерашнего дня». По мнению А. Н. Фортунатова, коммуникант ощущает себя песчинкой в бесконечном информационном потоке, одновременно испытывая потребность в самоуверенности своего существования и преодоления социального вакуума, образовавшегося внутри его Я. Коммуникант подчиняется двум встречным импульсам – коммуникативному и трансформационному. Первый призывает к восполнению своей личности, второй приводит к ее медиатрансформации. В этом главное отличие классического гуманизма от его киберкопии. Гуманизм направлен на утверждение человека в реальности, пусть даже если реальность эта является медийной, а кибергуманизм превращает личность в неодушевленный, механистический придаток цифровых систем, зеркало медиа, в котором можно рассмотреть отражение социотехнических принципов их работы. Личность становится набором алгоритмов и модулей, адаптированным к виртуальному миру, где объективное и субъективное постоянно меняются местами.

Коммуникативная структура виртуальной и дополненной реальности, как полагает А. Н. Фортунатов в главе о свойствах киберсистемы, утверждает этику биологического аутсайдерства, что предполагает рассмотрение человека как существа примитивного, требующего «улучшения» при помощи цифровых технологий, вплоть до превращения его в киборга или биоробота. Время в киберсистеме работает против личности, так как оно, превратившись в знак, выступает обратным отсчетом еще до того, как человек окончательно сдастся, подчинившись медиа. В этой системе будущее эфемерно, оно направлено на упразднение и обесмысливание перспектив, лишение человека проекта возможностей в мире, где грядущее презентуется как свершившееся настоящее. Подобно «слепцам» с картины Питера Брейгеля, человек следует за случайно выбранными медиаперсонажами, искусственно-глянцевыми лидерами мнений, которые его ведут в пустоту, ставшую сутью субъектного существования. Человек стал заложником восприятия собственной жизни как текста, которое навязывалось философской традицией, ибо его «поводыри» из мира медиа не могут предложить ничего, кроме имитации эмоций. Персонажи экранной культуры не являются авторами текста, что задано не только «смертью автора» в трактовке Р. Барта, но и смертью и даже похоронами самого текста – по версии А. Н. Фортунатова.

Авторство и текст превратились в ничего не значащие фрагменты, интерпретационный хаос, вызванный мультимедийностью. Авторская субъектность заменена гипертекстом, который выступает в роли машинерии, где каждая смена декораций (переход по ссылке, «серфинг» по интернет-сайтам) означает погибшую возможность самостоятельного осмысления реальности и обретения себя. В итоге человек вынужден подчиняться экранной культуре, которая даже не подразумевала рожденности автора, сводясь к бесконечному множеству интерпретаций и симулятивных эмоций.

Нахождение человека в экранной пустыне подчинено, как полагает А. Н. Фортунатов, процессам визуализации и интерактивности. Бурное развитие средств коммуникации создало «машину зрения» (в терминологии П. Вирильо), которая стала изошренным механизмом, обеспечивающим взаимодействие субъектов и цифрового мира, построенного на простых категориях, алгоритмах и формулах. Однако медийная визуализация – это материализация пустоты (Ничто), игнорировать ее невозможно, поскольку ее коннективность не знает отказа. Интерактив в медиа направлен не на контакт со множеством людей, а на погружение в глубь себя через взаимодействие с экранными интерфейсами, порождая страх выпадения из коммуникативных процессов, повестки дня, самой медиареальности. Таким образом, интерактив воспроизводит цифровые человеческие фантомы интегрированности в коммуникацию через технически совершенные гаджеты, ставшие для человека информационными порталами в киберпространство. Цифровой гаджет интегрирован в человеческое мышление, он стал неотъемлемой его частью, предоставляя стандартные модели поведения и ответа на волнующие вопросы, превращаясь в альтер самого коммуниканта. Социальными последствиями данного феномена стали разъединение аудитории и ее уплотнение в безликую однородную массу, тогда как телевидение, например, объединяло людей в единую коммуну, воспринимающую общие смыслы. В то же время именно телевидение после изобретения пульта для переключения каналов положило начало трансформации людей в «ленивые кости», которые сначала перестали вставать с дивана ради выбора информации, а теперь не способны оторвать глаза от смартфона, используя технические особенности горизонтального или вертикального изменения экрана только ради комфорта.

Поступила в редакцию 21.06.2023; одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 13.11.2023
The article was submitted 21.06.2023; approved after reviewing 06.09.2023; accepted for publication 13.11.2023

Заключение

Возможно, читателю и автору одинаково повезет, и, даже если они предпочитают электронные книги, зомбоящик не съест их мозги на завтрак. Анализ цифрового этапа медиареальности А. Н. Фортунатовым показал, что настоящее зло спряталось не только в телеэкране, коль скоро его родственниками и наследниками стали мобильные устройства, сросшиеся с человеком. Когда медиа делают своего хозяина пассивным, добро отрицает самое себя. На смену зомбоящику пришли телевампиры, превращающие обычного представителя аудитории в цифрового неандертальца. Однако шанс на спасение человечеству остался. Даже если мы идем по пути бездуховного потребления цифровых продуктов, дегуманизации и отчуждения, цифровое средневековье неизбежно придет к своему финалу и сменится новым Возрождением, где гуманизм обретет свой первоначальный смысл, избавившись от приставки кибер.

Список литературы

1. Фортунатов А. Н. Кибергуманизм. Как коммуникативные технологии трансформируют наше общество. М. : ФЛИНТА, 2023. 184 с.
2. Bostrom N. The history of transhumanist thought // *Journal of Evolution and Technology*. 2005. № 14 (1). P. 1–25.
3. Фортунатов А. Н. О границах современного кибергуманизма // *Вопросы журналистики*. 2022. № 11. С. 42–53. <https://doi.org/10.17223/26188422/11/2>
4. Jensen K. B. New Media, Old Methods – Internet Methodologies and the Online/Offline Divide // *The Handbook of Internet Studies* / ed. by M. Consalvo, C. Ess. Oxford, UK : Wiley-Blackwell, 2011. P. 43–58.

References

1. Fortunatov A. N. *Kibergumanizm. Kak kommunikativnye tekhnologii transformiruyut nashe obshchestvo* [Cyber Humanism. How Communication Technologies Transform Our Society]. Moscow, FLINTA, 2023. 184 p. (in Russian).
2. Bostrom N. The history of transhumanist thought. *Journal of Evolution and Technology*, 2005, no. 14 (1), pp. 1–25.
3. Fortunatov A. N. On the limits of modern cyberhumanism. *Voprosy zhurnalistiki* [Questions of Journalism], 2022, no. 11, pp. 42–53 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/26188422/11/2>
4. Jensen K. B. New Media, Old Methods – Internet Methodologies and the Online/Offline Divide. In: Consalvo M., Ess C., eds. *The Handbook of Internet Studies*. Oxford, UK, Wiley-Blackwell, 2011, pp. 43–58.

ISSN 1819-7671

23004

9 771819 767101

ISSN 1819-7671 (Print). ISSN 2542-1948 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023.
Том 23, выпуск 4

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения
Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле
Серия: Социология. Политология
Серия: Физика
Серия: Филология. Журналистика
Серия: Философия. Психология. Педагогика
Серия: Химия. Биология. Экология
Серия: Экономика. Управление. Право

